

Натан Гимельфарб

**О своей родословной,
родных и близких и
о себе**

Флемингтон, Нью-Джерси, 2006

Детям моим, их детям и детям моих внуков эта книга посвящается.

Дорогие дети, милые внуки
и незнакомые мне
правнуки!

Я живу сейчас в девятом
десятке и всё отчётливее
чувствую, что запасы моих
физических и духовных сил
постепенно сокращаются.
Близится жизненный финал
и, пока сохранилась память,
я всё более ощущаю
потребность поделиться с
Вами известными мне

сведениями о нашей родословной, жизненным опытом,
духовными принципами и сомнениями, отношением и
чувствами к своим предкам и к Вам, моим наследникам.

Рождение этой книги в большой мере вызвано желанием
ещё раз поведать Вам о моём отношении к своим
родителям, так рано ушедшим из жизни, Хоть сиротой мне
пришлось стать ещё в детском возрасте, я всю свою жизнь
испытываю к отцу и матери какую-то магнитную тягу. Я
всегда чувствую, что родители – это и есть я. Родители –
это моя история. Это моя родина.

В моём решении написать эту книгу отразилась также
потребность высказать свою любовь к своим старшим
братьям – Сёме и Зюне, погибшим в Отечественной войне
с фашизмом, родным и близким, замученным и
расстрелянным в огне Холокоста, к сыну Мишеньке,
погибшем в юном возрасте от несчастного случая.

Я надеюсь, что сведения, содержащиеся в этой книге,
мой жизненный опыт, традиции нашей семьи могут быть
полезными для Вас, детей Ваших и помогут Вашим семьям
в осуществлении их жизненных планов, в воспитании
будущих поколений нашего рода в духе высоких
моральных и духовных принципов, в духе уважения к
старшим, любви и преданности к родным и близким.

Если эти надежды в какой-то мере оправдаются, это
будет подтверждением тому, что моё повествование,
стоившее мне нескольких лет упорного труда, не было
напрасным и достигло поставленной цели.

В этом случае примите его, как очередной
родительский подарок в знак огромной любви,
восхищения, гордости и отцовской преданности Вам.

Ваш отец и дед.

Натан Гимельфарб.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга состоит, в основном, из мемуарных воспоминаний о моих предках, о родных и близких, о своём родном еврейском местечке Красилов, что на Волыни, в Украине, о своей семье и о себе.

В прошлом году я разменял девятый десяток, вышел на финишную прямую своего жизненного пути и почувствовал необходимость хоть мало-мальски разобраться самому в своей родословной, выразить отношение к своим родственникам, близким мне людям и поведать кое-что о них и о себе моим детям и внукам, которые безусловно когда-нибудь зададут себе те же вопросы, которые задаю себе я сегодня. Кто мы? Откуда мы? Кто были наши далёкие предки или хотя бы предки двухсотлетней или столетней давности? Как жили их родители, дедушки и бабушки, что представляет собой род, продолжателями которого они являются.

Прожив почти полтора десятка лет здесь, в Америке, я наконец, стал понимать смысл действующей здесь системы приоритетов, которая, в отличие от привычной мне советской, ставит во главу всего личность, семью, а затем уже в порядке предпочтения идёт народ, государство.

Меня могут спросить, почему я задаю себе эти вопросы только теперь, на девятом десятке жизни, почему ставлю перед собой задачу разобраться в этом мало-мальски, а не глубоко и основательно, почему стремлюсь рассказать своим потомкам хотя бы кое-что, а не всё, что как мне теперь абсолютно ясно, им следовало бы знать.

Причин тому много и я не стану их глубоко анализировать сейчас. Должен сказать, что в советское время я о своём происхождении, национальности и о родословной как-то не задумывался хотя бы потому, что с детского садика и школы, не говоря уже о комсомоле и партии, нам вдалбливали другие приоритеты. Предпочтение отдавалось государству, патриотами которого нас воспитывали. Мы в первую очередь должны были знать историю советской державы и коммунистической партии, которые изучались нами на протяжении всей нашей жизни, а семья и личность были второстепенными приоритетами, как впрочем и национальное происхождение.

Все мы формально принадлежали к одной исторической общности, называемой «советский народ». Это, конечно, не стало помехой отношения к евреям, как к людям второго сорта, процветанию государственного антисемитизма, гонению и преследованию людей на национальной почве.

И всё же моей философией и религией был марксизм-ленинизм, изучению которого я уделял не меньше внимания, отдавал не меньше времени, чем инженерным дисциплинам и технологии пищевых производств, чему нас учили в институте, который я закончил с отличием. Эти знания я закрепил позднее в университете марксизма-ленинизма, куда был направлен по партийной разнарядке, совершенствовал путём самостоятельной работы с первоисточниками всю свою жизнь на нашей бывшей родине.

Знаний этих у меня было достаточно даже для того, чтобы учить марксистско-ленинской религии других в кружках и семинарах, которыми были охвачены подавляющее большинство руководителей всех уровней, инженерно-технические работники и служащие во всех отраслях экономики.

Евреи, как всегда, проявляли большую активность во всём, в том числе и в учёбе. Просвещение для них, в конечном итоге, оказалось настолько эффективным, что подавляющее большинство поверило, что они являются в большей степени советскими гражданами, чем потомками Израиля.

Безусловно, всё это было не единственной и скорее всего не главной причиной того, что я начал серьёзно интересоваться своей родословной так поздно, уже на склоне лет. Обычно этому учат родители, дедушки и бабушки, старшие братья и сёстры, вообще семья, которая традиционно для евреев всегда переходила в понятие большой семьи или рода, куда входили дяди и тёти, двоюродные и троюродные братья и сёстры, одним словом, родственники, а я лишился большинства из них в очень раннем возрасте.

В первой половине тридцатых годов прошлого столетия от голодомора лишились жизни мои родители. В 1933 году, когда мне ещё не было и 9 лет, умер отец, а в 1935 году скончалась мать, в годы войны погибли все мои родственники, включая двух старших братьев. Чудом выжила только младшая сестрёнка, спасённая двумя украинскими женщинами, удостоенными Почётного звания «Праведник мира».

Понятно поэтому, что получить какую-то информацию о своей родословной от родителей, старших братьев или родственников я не мог.

В детстве я завидовал моим друзьям-сверстникам – обладателям несметного богатства: дедушек и бабушек. Они баловали своих внучат разными подарками и сладостями, завораживали их сказками и рассказами о прошлой жизни, об их родителях, дедушках и бабушках. Я чуть помню лишь одну свою родную бабушку, которая умерла, когда я был ещё совсем ребёнком.

Да простит меня читатель, что в силу своего преклонного возраста и сложившихся обстоятельств, я не смог вспомнить многих из моих земляков, что скончались от голода в годы коллективизации, что были замучены, растерзаны и погибли в красилловском гетто, что погибли на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

По моему глубокому убеждению, каждый человек, живущий на нашей Земле, должен иметь свою летопись, в которой были бы запечатлены основные этапы жизненного пути, успехи и неудачи, победы и поражения. Неважно как запечатлены, в какой форме, письменно, устно, в стихах.

Я, конечно, не должен быть исключением. Кое-что из моей летописи уже есть и в прозе, и в поэзии, однако в ней имеются существенные пробелы, особенно касательно своей родословной.

Заполнить в какой-то степени эти пробелы и стало целью этой книжки. Скорей всего я уже не смогу издать её типографским способом. Не уверен также, что успею дописать её до конца, но тем не менее я решил взяться за эту большую и сложную для меня задачу в расчёте на то, что всё,

что сумею ещё сделать, существенно восполнит пробелы в уже оставленной потомкам летописи и, надеюсь, будет полезно для любимых мною детей и внуков, а может быть и для следующих поколений нашей семьи.

1

У меня, конечно, была семья. Была большая семья и я, безусловно, постараюсь рассказать о ней всё, что знаю, что помню лично и что удалось узнать от своих родственников на своей Родине и из разных источников уже здесь, в Америке, но перед этим мне хочется, хоть немного, поведать читателю о моём родном еврейском местечке Красилове, где я родился, где жили и родились мои родители (по крайней мере моя мама,), мои дедушки и бабушки (абсолютно уверен относительно родителей моей мамы) и по всей вероятности и более далёкие мои родственники по маминной линии. Немного, опять потому, что сам я мало чего знал из истории своего родного местечка, а из литературы и воспоминаний моих земляков информации удалось собрать только чуточку больше, чем о нём знал я сам.

Заранее оговорюсь, что одним из основных её источников стали постсоветские публикации в российских газетах конца 90-х г.г. прошлого столетия Евгений Шейнман – моей землячки, а возможно и далёкой родственницы (понятно, что в советское время не могло быть и речи о каких-то публикациях в печати о еврейских местечках, огромное множество которых было на территории бывшего СССР, начиная с 16-17 веков). С Женей мы познакомились после выхода в свет моего трёхтомника «Записки опального директора» и появления в печати её рецензии на эту книгу. Она любезно откликнулась на мою просьбу дослать известную ей информацию о нашем местечке, которой я с большой благодарностью к автору здесь и воспользуюсь.

Итак, Красилов это старое местечко на границе Подолии и Волыни, на полпути между Проскуровым и Староконстантиновым. Название «Красилов» - дань красоте его окрестностей: лесистых холмов, спокойной и довольно красивой реки Случь в пологих берегах, знаменитых подольских дубрав и садов. Первое письменное упоминание о Красилове – в 1444 году, но люди жили здесь ещё в эпоху неолита. Недалеко от Красилова найдено городище – высокий холм, обнесённый валом и рвом.

Средневековая Русь, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя после второго раздела Польши – это перечень стран, с которыми исторически были связаны эти места. Набеги татар, недолговременное турецкое владычество, хмельнитчина, пожары и погромы – всё это выпало на долю жителей Красилова. Владельцами его были Михайло Олехнович, васал великого князя Литовского Свидригайлы (15 век), князя Острожские (конец 15-16 веков), Сапеги (18-20 век).

Евреи появились здесь вероятно на рубеже 16-17 веков, и все были убиты казаками Богдана Хмельницкого. Еврейская жизнь возобновилась в первой половине 18 столетия. Большая каменная синагога была построена в конце 18 века.

Во второй половине 19 века через Красилов провели железную дорогу. Здесь скрестились две ветки: Киев – Брест и Жмеринка – Волочиск. С её открытием облегчился подвоз к сахарному заводу сырья из

помещичьих экономий. С этого времени начался экономический подъём Красиловой и всей округи.

В 1913 году в Красилове размещалась мещанская управа и призывной пункт, почтово-телеграфная контора, земская почтовая станция, земская больница, верёвочная фабрика, кожевенный заводик Прейгерзона, механические мастерские, которые впоследствии разовьются в машиностроительный завод. Здесь была большая синагога и четыре молитвенных дома, еврейская школа и частное женское училище, частная библиотека, владельцем которой был Иосиф Бер Ланда. По ревизии 1847 года «Красиловское еврейское общество» состояло из 1737 душ. В 1897 году в Красилове было уже 2563 еврея, около 40% населения. Среди евреев-ремесленников были портные, кожевники-заготовщики и сапожники, кровельщики, жестянщики, плотники и стекольщики, кузнецы и слесари. Были бедные вдовы и обременённые большими семьями мелкие торговцы, зависевшие от благотворительной помощи общины. Но были и очень состоятельные люди – арендаторы паровых мельниц и каменоломень, лесопромышленники, оптовые торговцы.

Революция 1917 года, гражданская война 1918-1920 годов принесли Красиловским жителям много бед и полное обнищание. Это был период смуты и братоубийства. Регулярно проводились реквизиции лошадей, скота, транспортных средств. Война принесла инфляцию, бурный рост цен. После 1917 года, сменявшие друг друга интервенты (немцы, венгры, поляки) и банды, а также красные бригады – Щорса, Котовского, Примакова – занимались уже не «реквизициями», а просто грабежом. Земля заросла бурьяном, не осталось скота, никаких припасов. Погромы, террор, убийства привели к резкому сокращению населения: одни погибли, другие уехали, эмигрировали. Остановилось сахарное производство, уехало большинство Красиловских поляков. Был введён комендантский час, запрещены собрания.

В 1921 году жизнь постепенно начала восстанавливаться. НЭП ознаменовался оживлением местной экономики. Предприимчивые люди использовали в свою пользу передышку – заработали паровые мельницы, маслобойни, кожевенное производство. Возродилась торговля. Заработал сахарный завод. Построили гидростанцию – в Красилове появилось электричество. В еврейской школе, впервые в местечке, появился радиоприёмник.

При этом были страшные налоги. Чуть позже начались массовые аресты для реквизиции золота и других накоплений у потенциальных собственников. В 1920-е годы ещё можно было уехать и многие евреи, предвидевшие грядущие беды, сумели выбраться на Запад. НЭП кончился полной национализацией мастерских, мельниц, земельных участков, раскулачиванием, высылкой, арестами стариков – дети «лишенцев» разъехались ещё до того. Моих родителей это не коснулось, так как у них не было собственности и накоплений.

В первой половине 20-х годов еврейская жизнь в Красилове ещё шла полным ходом. Функционировали синагоги, хедеры, сионистские кружки. Это довольно быстро кончилось. Комсомольские отряды, состоящие тоже, кстати, из евреев, стали разгонять митинги и собрания, а их организаторов арестовывали и ссылали

В конце 20-х годов большую синагогу разобрали «за ненадобностью», из её кирпичей построили первый в Красилове двухэтажный дом, где получили квартиры партийные и советские функционеры. В середине 30-х годов уже не было ни одной действующей синагоги. Религиозные евреи снимали комнаты и там конспиративно собирались на молитву. Помню, как в дни главных еврейских праздников в нашем доме собирался миньон и наш папа выполнял в нём роль кантора. Тогда же была закрыта и еврейская школа, которую окончили мои старшие братья и в которой учился я до пятого класса.

Репрессии 1937 года коснулись и бывших бундовцев, сионистов, «служителей культа» и их противников – коммунистов. Жертвой репрессий стал и мой дядя Айзик – муж тёти Хавале и отец их годовалого сынишки Лёвочки. Он был учителем химии в школе №5 (бывшая польская школа), что была напротив нашего дома на улице Шоссейная.

В предвоенные годы, являвшимися годами моей ранней юности, не было каких либо вопиющих случаев национальной розни, но отношения между евреями и неевреями, составлявшими большинство населения, были довольно сложными и напряжёнными. Эти отношения нередко обострялись и приводили к взрывам открытой злобы и ненависти, а в ряде случаев и к актам насилия и вандализма. У евреев здесь было немало открытых и скрытых недругов. Трудно объяснить, что было главной причиной неприязни и злобы. То ли антисемитизм, передававшийся из поколения в поколение, то ли зависть, то ли что-нибудь другое или всё это вместе.

Помню, например, как умышленно подожгли несколько еврейских лавок на старом базаре, как ночью дёгтем кто-то измазал двери в двух главных еврейских синагогах, как хулиганы оскверняли могилы на еврейском кладбище.

В годы моего детства и юности в Красилове не было еврейских погромов, но из рассказов своих родителей я знаю о погромах в годы Гражданской войны и об участии в них многих местных жителей – антисемитов. Очевидцы рассказывали мне как активно участвовали украинские полицаи в

Один из еврейских домов Красилова. 1920-е годы.

поголовном уничтожении евреев моего местечка в 1941-1942гг. Здесь с ними долго не церемонились и расправились раньше, чем в других местечках, где большинство населения было еврейским.

С ранних школьных лет я пытался осмыслить в чём причины неравенства и бесправия евреев в дореволюционной России и в СССР, провозгласившем в конституции своей равенство, братство и дружбу между народами нашей страны. Я отчётливо понимал, что мы, евреи, такие же

люди, как и все и потому должны пользоваться такими же правами как и все другие. Я не мог понять почему закрывали еврейские школы и театры, запретили выпуск еврейских журналов и газет, ограничивали приём евреев во многие высшие учебные заведения, почему мы были неравными с другими во многих областях производственной и общественной деятельности.

Мои родители были глубоко верующими людьми. Они хорошо знали и почитали Тору, считая её одной из лучших книг мира. Именно они привили мне уважение к изложенным в Торе заповедям – не убий, не укради, люби и уважай ближнего. Иудаизм предписывает любить ближнего, как самого себя и объявляет эту заповедь любви ко всему человечеству основным началом еврейской религии. Законы Торы запрещают всякого рода враждебность, зависть и злобное обхождение ко всякому без различия происхождения, национальности и религии.

Меня с детства учили уважению к людям. Мой папа говорил, что человек не может жить эгоистом. Если не помогать другим людям, жизнь лишается смысла. Слова эти он подтверждал действиями, делами. Работая аптекарем, он по первому зову о помощи среди ночи подымался с постели и шёл готовить лекарства, необходимые для спасения тяжело больных людей. А сколько других добрых дел он делал, помогая нищим, немощным, больным. И не только евреям. Эти примеры крепко въелись в мою душу и я старался следовать им на всём своём жизненном пути – неровном и нелёгком.

Вот почему я с раннего детства так мучительно терзался вопросами неравенства евреев среди других народов нашей страны, злобы и равнодушия к евреям, а порой и прямого издевательства и насилия над нами. Мне даже порой казалось, что евреи для того и живут на свете, чтобы помогать власти имущих как-то успокаивать коренное население. Как только народ начинает обнаруживать недовольство своей жизнью, своим бытом, его натравливают на евреев. Начинаются гонения, издевательства, а порой и прямые посягательства на их благополучие, честь и человеческое достоинство.

Я очень люблю Красилов. Его я считаю своей настоящей и единственной Родиной. Не только потому, что именно здесь я родился. Главное – потому, что в сердце моём нет города на земле роднее и милее Красилова, что в памяти моей на всю жизнь остались до боли знакомые подробности из моего детства и юности. С этим местечком связаны воспоминания о милых сердцу родителях, старших братьях и многочисленных родственниках, которые так много для меня сделали доброго, перед которыми я всю свою жизнь в неоплатном долгу и которым я не успел даже словами выразить свою любовь, благодарность и преданность. Не успел потому, что все они так рано и внезапно ушли из жизни. С Красиловым связана память о друзьях детства и юности, погибших на войне или расстрелянных в гетто, о незабываемых школьных годах, особенно о годах учёбы в настоящей еврейской школе.

Красилов – это боль моя, которая сидит в моём сердце всю мою жизнь и не утихает. Вот почему это маленькое еврейское местечко так дорого мне и почему именно его я считаю своей настоящей и единственной Родиной. Именно с ним ассоциируется у меня понятие Родины. Не с

- 4 – Украинская (бывшая польская) неполно-средняя школа.
- 5 – сберегательная касса.
- 6 – магазины.
- 7 – дом Гимельфарбов- Гудманов.
- 8 – дом Зильберштейнов.
- 9 – Малая синагога.
- 10 - Большая синагога.
- 11 – Баня.
- 12 – магазин хозтоваров.
- 13 – дом бабушки Хавы.
- 14 – ресторан.
- 15 – ювелирный магазин.
- 16 – булочная.
- 17 – магазин алкогольных напитков.
- 18 – Большой магазин (гастроном).
- 19 – парикмахерская.
- 20 - суд
- 21 – гостиница.
- 22 – жилые дома.
- 23 – прокуратура.
- 24 – райком партии.
- 25 – райисполком.
- 26 – дом Тулеров с магазином «Газводы».
- 27 – милиция.
- 28 – аптека.
- 29 – кондитерская.
- 30 – Еврейская школа.
- 31 – учительская.
- 32 – дом семьи Бык.
- 33 – дом Зильбершмитов.
- 34 - Дом культуры.
- 35 – Украинская средняя школа.
- 36 – Парк культуры и отдыха.
- 37 – озеро.
- 38 – фотография.

Таким запомнился мне мой Красилов из далёкого детства и ранней юности, которые прошли в старом доме на Шосейной улице, построенном ещё моим прадедом Зинделем Прейгерзоном где-то во второй половине восемнадцатого столетия, в одной половине которого жила моя бабушка по маминой линии Гитель-Песя и дедушка Давид с семьёй моих родителей, а во второй половине - родная сестра моей бабушки - Шейва и её муж Лейб Гудман и семья их дочери Хавале.

2

Теперь, когда я кое-что рассказал о своей Родине, о моём родном местечке Красилове, наверное, пришла пора рассказать хоть немного о моих родителях, об отце и матери, пусть земля им будет пухом.

Мой отец Мойсей Гимельфарб родился в 1880 году и был добропорядочным евреем, одним из самых образованных, самых

уважаемых, самых добрых людей в Красилове. Он закончил фармацевтический факультет университета, всю свою трудовую жизнь прослужил аптекарем в единственной местечковой аптеке и пользовался большим уважением у жителей нашего местечка. Нет никакого сомнения в том, что с точки зрения морально-этических норм иудаизма моего отца безусловно следует отнести к категории «очень хороших людей».

Из-за отсутствия достоверной информации, к сожалению, не могу точно указать место его рождения. Не уверен, что это был именно Красилов, где он, без всякого сомнения, жил с 1908 года, когда женился на моей маме, рождённой там тремя годами позднее его. Об этом мне рассказывала уже после войны моя далёкая родственница тётя Фрима из Ленинграда, которая хорошо помнила моих родителей по родству, совместной жизни в Красилове и большой дружбе с ними на протяжении многих лет, до самой их смерти.

Несмотря на то, что отец присутствовал в моей жизни всего неполных девять лет, я очень хорошо помню его на протяжении всех этапов моего жизненного пути до настоящего времени – времени глубокой старости. Помню, как он играл со мной в «умные» игры, включая шахматы, которые очень любил и которым научил меня играть в пятилетнем возрасте. Помню, как кормил меня у себя на коленях и как приятно мне было чувствовать его внимание и любовь ко мне, младшему из трёх братьев.

Говорили в доме только на идиш, хоть и понимали и могли говорить также на украинском, русском и даже немного и на польском языке. В Красилове еврейское население составляло только половину, а может быть и чуть меньше половины всего населения местечка и на улице нам приходилось общаться с детьми других национальностей.

На всю жизнь остались в памяти семейные чтения Шолом-Алейхема в вечерние часы, после ужина. Читал всегда папа. Никто в нашей семье, кроме него, не мог передать слушателям всю прелесть народного юмора, которым так богаты произведения этого непревзойдённого классика еврейской литературы. Папа читал, а мы слушали его с удовольствием и могли бы этим заниматься без перерыва до утра, если бы не строгий надзор со стороны мамы, которая всегда бдительно следила за полноценным отдыхом отца.

Папа очень любил свою работу и в высшей степени добросовестно её выполнял. Он часто задерживался в аптеке до позднего вечера, когда, как он говорил, была срочная работа, его нередко вызывали и ранним утром и даже ночью, когда это требовалось. К нему постоянно обращались за помощью знакомые и мало знакомые люди. Совсем незнакомых в нашем местечке у него просто не было. Его в Красилове знали все и он никогда не отказывал людям в необходимой им помощи.

У него было доброе сердце и миролюбивый характер. Он никогда не задавался вопросом заслуживает ли попавший в беду человек сочувствия, независимо от его веры или национальности. Он видел в каждом нуждающемся в помощи своего ближнего, помогал им и радовался, когда мог кому-нибудь оказать помощь.

На нас, детей, у него оставалось очень мало времени, но он старался использовать каждый час, каждую свободную минуту, чтобы побыть с

нами, чему-нибудь научить или просто погулять. Этих коротких часов общения оказалось достаточно, чтобы в полной мере почувствовать его отцовскую любовь, заботу и внимание.

Наш отец был не только высокообразованным, но и весьма талантливым человеком. Он хорошо рисовал, любил, ценил и увлекался музыкой, прекрасно пел.

Помню, когда в начале тридцатых годов советская власть стала закрывать синагоги и не разрешалось туда собираться даже в дни главных еврейских праздников, в нашем доме часто собирался миньон и папа выполнял роль кантора. Мне очень нравилось пение молитв в его исполнении и я увлечённо слушал их, а соседи говорили, что он делает это не хуже хвалённого штатного кантора из Проскурова, которого раньше по большим праздникам приглашали в нашу главную синагогу.

Он знал много еврейских песен и часто напевал их нам по субботам. Любовь к музыке и песне он передал и нам, детям. Мои старшие братья Сёма и Зюня прекрасно пели и играли на гитаре, а меня он научил играть на мандолине. Я не на шутку увлёкся этим в дошкольные и первые школьные годы и с удовольствием участвовал в детском струнном оркестре при Доме культуры нашего райцентра. Оркестры народных инструментов, где преобладали мандолины, балалайки и гитары были тогда в моде и пользовались большим успехом у населения. На концертах мы исполняли произведения известных композиторов, еврейскую, русскую и украинскую народную музыку, что вызывало восторг слушателей.

Под руководством папы мы часто играли и пели дома. В общем семейном хоре выделялся голос папы и женские голоса мамы и маленькой Полечки, которая уже в пятилетнем возрасте знала слова многих еврейских песен. Наш семейный ансамбль звучал довольно стройно и слаженно, что доставляло удовольствие не только нам, его участникам, но и многочисленным слушателям за окнами нашего дома.

Мои старшие братья затем активно участвовали в самодеятельных хоровых и драматических коллективах, а я даже прошёл по конкурсу в музыкальное училище имени Столярского в Одессе, но не смог поехать туда учиться из-за отсутствия материальных возможностей.

У папы я научился и рисовать и увлекался этим в школьные годы. Рисовал в основном портреты. Говорили, что у меня это неплохо получается. Очень любил рисовать наших вождей, особенно тех, у которых были какие-то отличительные особенности внешности. Хорошо получались Сталин, Каганович и Будённый с пышными усами, Ворошилов со многими боевыми орденами на груди. Мои рисунки часто помещались в праздничных выпусках школьных стенных газет и вызывали довольно похвальные отзывы.

Мой отец

Этим я занимался до тех пор, пока какой-то инспектор из ведомства народного образования не запретил помещать самодельные портреты вождей в стенгазетах. Право рисовать вождей, как он тогда утверждал, дано только дипломированным художникам.

Ещё одной запомнившейся мне особенностью нашего отца была аккуратность во всём и в первую очередь в желании и умении красиво одеваться. На работу он всегда уходил побритым, в белоснежной накрахмаленной рубашке и со свежими стрелками наутюженных брюк. Галстуки, пояса и носки подбирались под цвет костюма и он всегда выглядел очень респектабельно.

Это унаследовали от него мои старшие братья, особенно Зюня. Помнится, как он из двух костюмов, подаренных ему как-то одним нашим американским родственником, гостившим в Красилове, умудрялся каждый день наряжаться по новому, комбинируя брюки одного костюма с пиджаком другого костюма или пользуясь только одними брюками без пиджака. Создавалось обманчивое впечатление наличия у моего брата богатого гардероба.

Не могу не отметить и такую отличительную особенность отца, как любвиобильность. Он очень любил нашу маму, был к ней предельно внимателен, ограждал её от неуважительного отношения, незаслуженных обид и оскорблений. Я уже упоминал об отцовской любви к нам, детям. Наш папа любил, уважал и заботился о всех наших родственниках, которых он объединял понятием «мышпуха». Он утверждал, что между родственниками не может быть вражды и розни. Они обязаны любить друг друга, быть взаимно чуткими, добрыми, внимательными. Создавалось впечатление, что он любил всех окружающих его людей, проявлял к ним доброту, уважение и внимание. Мой старший брат Сёма рассказывал, что у нашей мамы эта черта отца вызывала чувство ревности. Она считала, что нельзя любить всех подряд, ибо тогда ей и детям той любви меньше достанется.

Папа, конечно, был главой семьи. Он был её лидером не только по установившейся у евреев традиции, а по существу. Его авторитет в семье был непреклонен, его слово для всех нас – закон. Помню споры между моими старшими братьями по разным существенным и не очень важным вопросам. Во всех таких случаях они ждали прихода отца. Он всегда внимательно выслушивал обе стороны конфликта и в вежливой, доброжелательной форме высказывал своё мнение по существу спора. Не помню случая, чтобы мои братья не согласились с решением отца. Он был нашим семейным рэбэ.

Моя мать Дора хоть и не отличалась высшим образованием (она закончила только гимназию, соответствующую нынешней средней школе), как и мой отец, была в высшей степени добропорядочной, строго соблюдающей все нормы и традиции еврейской жизни. Она родилась в 1885 году в том же местечке Красилове, где и прожила всю свою недолгую жизнь. На фоне папы – высокого, красивого, умного, образованного и очень эффектного мужчины, которого все любили и уважали, и которым гордилась не только вся наша семья, но и все наши многочисленные родственники, знакомые и, не ошибусь, если скажу, все жители нашего местечка, наша мама в повседневной жизни была вроде ничем неприметна. Невысокого роста, скромная, молчаливая, с вечно грустным озабоченным лицом, вся в работе и заботах, но очень милая, красивая, чуткая и добрая – именно такой она запомнилась мне из моего далёкого детства.

Она никогда не претендовала на лидирующую роль в семейном ансамбле. Эту роль она добровольно отдала папе, которого беззаветно любила и перед которым без стеснения преклонялась. Помню, как трогательно она заботилась о его внешнем виде, питании, досуге и отдыхе. Каждое утро она старательно готовила ему к выходу на работу свежую рубашку, гладила брюки, повязывала галстук и до блеска чистила обувь.

Удивительно, что и сейчас, в своей глубокой старости, когда я не всегда помню, что происходило со мной пару лет или даже пару месяцев тому назад, я отчётливо помню в деталях подробности событий из моего Красиловского детства.

Запомнилось как мать обеспечивала идеальный порядок и безупречную чистоту в доме. Вроде она и немного на это тратила времени, но всё всегда находилось на своём месте и в образцовом состоянии. Этому она и нас, детей, приучала с ранних лет. Мы привыкли многое по уходу за собой, своей комнатой, постелью, делать сами. Наши книги и игрушки всегда знали своё место.

Предметом особой заботы матери была наша одежда. Из-за того, что постоянно не хватало средств, у нас её было немного, самый минимум, но она постоянно содержалась в надлежащем состоянии. Всегда постиранная, чистая и отремонтированная. Мама часами по вечерам сидела за штопкой носков и латанием нашей верхней одежды и белья. Даже обувь она научилась сама ремонтировать и редко относилась к сапожнику. Не помню когда мы в детстве стриглись в парикмахерской. Этим тоже занималась мать.

Самое большое внимание она уделяла папе – его внешнему виду, одежде, обуви, предметам туалета и в том, что он всегда выглядел ухоженным, опрятным, элегантным, безусловно была её заслуга.

Не могу не вспомнить о способностях мамы в организации питания. Из-за недостатка денег, оно никогда не состояло из дорогих продуктов и не отличалось изысканностью блюд, но всегда было очень вкусным. Мама могла из дешёвых продуктов делать разнообразные и вкусные блюда. Особенно это касалось субботнего и праздничного ассортимента. Не могу забыть её печёночных паштетов, фаршированной рыбы, наполненной фаршем шейки (гелдзеле), «гефриште маце» или таких еврейских деликатесов как «лейкех» или «струдел».

Завтракали и ужинали в доме не всегда всей семьёй, но к обеду, по требованию мамы, как правило, собирались вместе. К назначенному времени мы должны были, прервав все наши занятия, игры или прогулки, сидеть за обеденным столом. Нас, детей, и принуждать к этому не нужно было. Для нас это было интересным и приятным мероприятием. Даже когда по каким-то уважительным причинам папа задерживался на работе, вся семья ждала его и обед начинался только с его участием. При этом он не просто в нём участвовал, а был его тамадой. Рассказывал за едой новости, какие-то интересные истории, притчи, шутил. Каждый обед в семье был для нас

праздником.

Сёме – 3 года.

В том, что в доме постоянно была атмосфера дружбы и взаимопонимания тоже в большой мере заслуга нашей мамы. Нежные, любовные и заботливые отношения между родителями передавались и нам, детям, и я не могу припомнить ссор между нами или какой-то вражды.

Нас было четверо. У меня было два старших брата – Сёма и Зюня и младшая сестрёнка Полечка. Сёма родился в 1914 году, был первым ребёнком в семье и, как мне рассказывала бабушка, родители его очень любили. Наверное, он того стоил. Как видно на фотографии, которую мне перед смертью прислала моя родственница Фанечка Эйдельштейн из С. Петербурга (бывший Ленинград), где Сёма запечатлён в трёхлетнем возрасте, он был очень красивым мальчиком и, по рассказам той же бабушки, отличался уже в раннем возрасте умом, смекалкой и талантами. Всё это он, наверное, унаследовал от отца, на которого он был и внешне очень похож.

Я очень благодарен Фанечке за эту ценную для меня фотографию, не только потому, что у меня совсем нет фотографий из нашего детства, но главным образом потому, что на обратной её стороне рукой папы сделана дарственная надпись семье Эйдельштейнов. Только на ней я теперь могу видеть почерк своего отца. Кстати, оказалось, что у нашего Сёмы был почерк удивительно похожий на почерк папы. Он и это унаследовал от отца.

Мой средний брат Зюня был на четыре года младше Сёмы и был тоже очень красивым и способным мальчиком. У меня, к сожалению, нет его фотографии в детском возрасте, как, к слову, и никаких других фотографий довоенного периода (почти все они безвозвратно потеряны в годы войны), но из чудом сохранившейся его фотографии в студенческие годы, которую я поместил ниже, можно себе представить каким красивым парнем был Зюня. Внешне он, как и я, был удивительно похож на нашу маму и унаследовал от неё доброту и какую-то особую преданность семье. Он был физически сильным парнем, с детства занимался многими видами спорта и местные Красиловские хулиганы из-за уважения к нему и нас с Полечкой не обижали.

В наших отношениях царил мир и желание помочь друг другу. Особенной добротой отличалась наша младшая сестрёнка Полечка, которая была на несколько лет моложе меня. Она всегда стремилась поделиться чем-то вкусным со своими старшими братьями, а мы, в свою очередь, оберегали её от уличных мальчишек во дворе.

Наверное, главным образом благодаря тесному контакту между всеми членами нашей семьи, добрым семейным отношениям, заботе и вниманию к нам родителей, отцовской и материнской любви, я в детстве считал себя счастливым ребёнком, более счастливым чем многие мои сверстники, родители которых были намного богаче и имели значительно больше денег на удовольствия своих детей, нежели мои родители. Этому, конечно, в большой мере способствовали и добрые отношения ко мне, моим братьям и сестрёнке, наших родственников - бабушек и дедушек (двоюродных), тётей и дядей, и их многочисленной родни.

Таким было моё счастливое детство до тридцатых годов, до начала моей школьной жизни. О школе я мечтал с пяти лет. К этому времени я

уже неплохо читал и писал печатными буквами, хорошо рисовал. Всему этому меня научили родители и старшие братья. Дошкольных заведений типа детсадов в нашем местечке тогда не было. Дети до школы воспитывались дома и по тому, какими они приходили в школу, можно было судить об уровне родителей и в какой-то мере об их отношении к детям.

Семьи тогда были многодетными и это заставляло замужних женщин сидеть дома, где они занимались домашним хозяйством и воспитанием детей. Так было и в нашей семье. Работал только папа. Но это вовсе не значит, что мама трудилась меньше его. Она подымалась раньше всех и ложилась спать позднее всех. Центрального отопления, горячего водоснабжения и бытовой техники, подобной теперешней, тогда не было. Топить печки, стирать, гладить, готовить, убирать, мыть полы и делать многое другое в доме и по уходу за детьми ложилось на плечи мамы и она выполняла эту работу в полном объёме и при этом находила время и на наше воспитание, и на нашу учёбу.

Школа в то время принимала детей только с семи лет. Помню, как переживали родители и как был огорчён я сам, когда меня не приняли в школу в 1931 году из-за того, что к началу учебного года, т. е. к первому сентября мне не хватило трёх месяцев до этого возраста. Папа тогда жаловался в Районо на школьных бюрократов, но и там его не поняли и не поддержали. Мне пришлось ждать ещё целый год до нового учебного года, когда меня, наконец, приняли в первый класс единственной тогда в городе семилетней еврейской школы. В этой школе учились мои старшие братья и почти все еврейские дети нашего местечка. Она располагалась в одноэтажном здании, на главной улице, напротив старого базара.

Мне очень нравилась моя школа и я с первого же дня, в буквальном смысле слова, полюбил её. Там всё было родное: и язык, и учителя, и дети, с которыми я дружил ещё с дошкольного возраста. Особенно запомнился мой первый школьный учитель Лев Исаакович Мур, который учил меня четыре года подряд, пока нашу любимую школу не закрыли вместе с другими еврейскими школами, синагогами, театрами по всей стране на основании соответствующего решения партии и правительства. Мур был учитель от Бога. Много в моей жизни было потом учителей, но никого из них я не могу сравнить с моим первым учителем. Ни один из них не сыграл такой роли в моём стремлении к знаниям, к познанию и пониманию нового, окружающего мира. Лев Исаакович остался для меня на всю жизнь образцом того, каким должен быть школьный учитель. Наверное, он и привил мне любовь к этой профессии. Думаю, что и мечта моих старших братьев стать учителями тоже идёт от нашего первого учителя.

Я в классе отличался от многих других ребят по возрасту и по багажу знаний, с которыми пришёл в школу. Мур уже в первом классе поручал мне внеклассные занятия с отстающими учениками и я выполнял это поручение с гордостью за оказанную честь и доверие. Мне было приятно это делать и потому, что считал, что заимствую от Льва Исааковича опыт, который поможет мне в будущем стать настоящим учителем, подобным ему.

В памяти остались внеклассные чтения, которые проводил Мур. Читали произведения еврейских классиков и поэтов. Учитель рассказывал нам об авторах.

Что для меня значила моя первая школа я в полной мере смог понять и оценить позднее, когда меня перевели в украинскую школу №5, что располагалась напротив нашего дома, по улице Шоссейная, рядом с большим католическим костёлом, который вскоре тоже закрыли и переоборудовали в кинотеатр.

В начале тридцатых годов в Украине полным ходом шла коллективизация сельского хозяйства. В печати и по радио постоянно подчёркивали добровольный характер вступления крестьян в колхозы. Создавалось впечатление, что они чуть ли не в очереди стоят в желании скорее стать колхозниками. На самом же деле большинство крестьян, особенно более зажиточные из них, имеющие на хозяйстве лошадь, корову и какой-то сельскохозяйственный инвентарь, отчаянно сопротивлялись нажиму властей и под всякими предлогами отказывались вступать в колхозы. Для преодоления сопротивления значительной части крестьян правительство и особенно местные власти применяли жесткие, порой кощунственные меры.

Одной из таких мер стало сокращение поставок сырья для предприятий пищевой промышленности и особенно муки и продуктов первой необходимости в районы массовой коллективизации. Эти поставки регулировались в зависимости от результатов этой кампании. Туда, где она шла успешнее, выделялось больше продуктов, а там, где темпы вступления в колхозы были низкими, поставки уменьшались. Это, в первую очередь, коснулось Украины, где благодаря хорошим землям и трудолюбию крестьян, снимались высокие урожаи и создавались значительные ресурсы хлеба и других продуктов, достаточные для удовлетворения собственных нужд, продажи государству и вывозу на рынки.

В этих условиях многие крестьяне не решались на добровольное вступление в колхозы и не доверяли партийной агитации о выгоде объединения мелких хозяйств в крупные, коллективные. Вот почему сокращение поставок сырья и продуктов питания из-за низких темпов коллективизации коснулось в первую очередь и в большей степени Украины, что привело к массовому голоду. В большей степени это касалось сельской местности. Из полок магазинов исчезли практически все основные продукты питания, а за хлебом приходилось стоять ночами в длинных очередях, не будучи уверенным, что тебе, наконец, достанется заветная буханка чёрного хлеба с «наполнителями».

Голод в нашем местечке начался в конце 32 года и достиг своего апогея в следующем 33 году. В большей степени он коснулся наиболее честных и порядочных людей. Жулики, спекулянты и проходимцы, как всегда в подобных случаях, не только не пострадали, а наоборот во многих случаях нажили на этом большое состояние. Они вступали в преступные связи с поставщиками, заведующими магазинами, складами, базами, скупали муку и другие продукты питания и затем сбывали их по спекулятивным ценам. От этого в продажу поступало всё меньше продуктов и народ вымирал.

Правительство скрывало истинные причины голода, объясняя его неурожаем, и обещало улучшить ситуации в следующем году. Однако, у нас в Красилове, и в 34 году положение не изменилось и только в середине 35 года, когда удалось основные массы крестьян загнать в колхозы, а непокорных сослать в Сибирь, на север и в другие отдалённые районы страны, поставки товаров и в первую очередь хлеба внезапно возросли и полки магазинов заполнили разнообразные продукты питания в достаточном количестве, но это уже не могло помочь жертвам страшного голода и многим тяжело больным, умершим вскоре от дистрофии. В нашем местечке в течение почти трёх лет погибло от голода около половины еврейского населения, а многие выжившие ещё долго страдали от разных хронических болезней, связанных с недоеданием.

Меня, конечно, могут спросить чего я так подробно описываю голод в Украине в книге о моей родословной. Вопрос правомерный, но если учесть, что от этого бедствия в ужасных страданиях умерли оба мои родителя, а я, мои братья и младшая сестрёнка чудом выжили благодаря самопожертвованию папы и мамы ради спасения детей, станет ясно почему голод в Украине имеет прямое отношение к образу жизни и человеческим качествам моих родителей. Как им не было трудно, они никогда не пытались зайти в магазин или столовую с чёрного хода или обменять дефицитное лекарство из папиной аптеки на лишнюю буханку хлеба. Наши родители были кристально честными людьми, гордились этим и внушали нам, детям, сохранять эту фамильную особенность.

Они, вместе с нами, выстаивали длинные ночные очереди в ожидании открытия магазина, чтобы получить положенную норму хлеба и нередко выходили оттуда с пустыми руками, когда она им не доставалась. То, что с трудом добывалось из продуктов неравномерно делилось между членами семьи. Большая и лучшая часть отдавалась детям, а взрослым, что оставалось. Весной 33 года папа совсем ослаб и уже не мог ходить на работу, а вскоре и вовсе слёг.

Мама тоже тяжело болела и совсем иссохла. Лицо покрылось глубокими морщинами и пожелтело. Наши родственники, которые тоже страдали от голода, удивлялись откуда у неё берутся силы бегать целый день по рынкам и магазинам в поисках каких-то продуктов, чтобы поддержать лежачего больного папу и нас – детей.

Небольшие семейные сбережения быстро иссякли. Обменяли обручальные кольца и мамины украшения на продукты, но всего этого хватило на короткое время. А состояние папы ухудшалось с каждым днём. Когда ему стало совсем плохо наша гордая мама пошла по всем нашим родственникам с мольбой о помощи. Она собрала немного денег и продуктов и стала кормить папу калорийной пищей, но было уже поздно.

Не помогли уже отцу те вкусные блюда, которые готовила мама, тщетно пытаясь спасти его от голодной смерти. Ему с каждым днём становилось хуже и он стал угасать на наших глазах.

Отчётливо помню последнюю ночь перед смертью отца. Он лежал на спине, красивый, чисто вымытый, побритый, в белоснежной ночной рубашке, с гладко зачёсанными на правую сторону чуть поседевшими волосами. Лицо его вроде стало меньше и покрылось морщинами. Он ни на что не жаловался, как бы подготовился к уходу и молча прощался с нами.

Мне всё не верилось, что папа может умереть. В моём представлении он всегда был самым сильным и самым мужественным человеком на свете. Он же, наверное, отчётливо понимал, что это конец и пытался представить себе нашу жизнь без него. У его изголовья сидела мама, маленькая, сгорбленная, поседевшая, теперь уже единственная наша опора и надежда. Она смотрела на него всё теми же влюблёнными глазами и плакала.

Папа умирал в полном сознании. Под утро он как бы собрал последние силы для прощания с нами. Я помню каждое его слово перед смертью. Он прощался с каждым из нас отдельно. Моему старшему брату Сёме, которому уже исполнилось 18, он наказал заменить его, как старшему мужчине в доме, Зюне, ему было 13, он велел учиться и стать учителем (папа одобрял Зюнин выбор). Меня он привлёк к себе, поцеловал и велел защищать младшую сестричку, а Полечке велел слушаться во всём маму. В последнюю минуту он поцеловал маму, улыбнулся нам всем и угас.

Утром в доме собралось очень много людей: родственники, друзья, знакомые и совсем незнакомые нам люди. С папой прощалось всё наше местечко. Пришли не только евреи. Были украинцы, поляки, русские и даже цыгане. Только теперь мы отчётливо поняли, как уважали, ценили и любили нашего отца односельчане. Пришел ребай, служители выполнили всё, что полагается по еврейским законам и традициям и папу унесли навсегда.

Недолго после его смерти протянула и наша мама. К дистрофии прибавился страх. С папой она никого и ничего не боялась. Он был для неё и опорой, и защитой, и надеждой. Мы удивлялись её терпению, работоспособности, мужеству. Сейчас она сникла и всего боялась.

В первый год своей вдовьей жизни она ещё пыталась крепиться, чувствуя свою материнскую ответственность за спасение от неминуемой гибели своих малолетних детей. Она неистово хваталась за любое дело в стремлении добыть какие-то деньги для пропитания детей, но все её инициативы, к сожалению, заканчивались провалом и тому можно было не удивляться. В конкурентной борьбе побеждали те, кто наглее и нахрапистей, кто меньше считался с нормами морали и порядочности.

Дольше других продолжался её бизнес по выпечке хлеба. Мама распродала все папины вещи, мебель, одолжила деньги у родственников, забыв о фамильной гордости. Она закупила и завезла запас муки, специй, топливо и необходимый инвентарь и начала выпечку хлеба в домашней печи. Все мы, как могли, помогали ей. Больше всех старался Сёма. Он был старше и сильнее всех и его помощь была наиболее эффективной.

Помню первый праздник ранним летом 33 года, когда в доме запахло свежим хлебом и мы впервые за долгое голодное время увидели так много буханок этого волшебного продукта в нашем доме. Нам тогда почудилось, что муки голода теперь уже позади и что мы, как и раньше сможем вдоволь поесть хлеба. И такое чудо в самом деле случилось. С первой выпечки мама наделила нас большими кусками свежего ржаного хлеба, который нам показался даже вкуснее любимых еврейских сладостей, которые мама когда-то пекла к праздникам Пурим, Суккот, Хануку или на шабес.

Но чудо было недолгим. Мамин бизнес быстро лопнул. Он не в состоянии был прокормить семью, не выдержал конкуренции. Главной причиной этого был мамин мягкий характер и доброе сердце. Она не могла

отказать бедному голодному еврею в куске хлеба, когда у него не было возможности уплатить его стоимость, особенно если голодным был кто-нибудь из наших родственников или знакомых. Часто она давала бедным хлеб в долг и долго потом ждала пока должник рассчитается. Нередко случалось, что они и вовсе не могли рассчитаться.

К тому же и мы много съедали хлеба, а она была не в силах отказать в этом своим детям. Как бы там ни было, но вырученных денег стало не хватать на закупку муки, дров и других материалов необходимых для выпечки. Кроме того она не могла рассчитаться с родственниками и знакомыми, у которых одолжила деньги для организации бизнеса. Её мучила совесть, что она может обанкротиться раньше, чем вернёт долги.

У неё ещё хватило сил на несколько последних выпечек, которые она смогла продать более успешно, что позволило всё же рассчитаться со всеми долгами. На этом закончился её нехитрый бизнес и наша сытая жизнь. Вновь наступили голодные будни.

Маму покидали не только физические, но и душевные силы. Она избегала встреч с родственниками, друзьями, знакомыми, часами сидела у портрета папы, как бы молилась и плакала. Возможно она признавалась ему в своём бессилии справиться с тем, с чем они так успешно справлялись вдвоём. Она как бы просила у него прощения.

Сёма как-то сказал мне и Зюне, что мама велела ему быть готовым самому тянуть семью. Она теперь считала, что нам будет лучше без неё, так как евреи не дадут круглым сиротам умереть с голоду. Им помогут родственники, друзья, богатые и добрые люди. Она же не выносила жалости к себе и отказывалась от помощи и подаяния.

В начале 35 года мама совсем ослабла и вскоре слегла. Она не могла уже больше смотреть за нами. Ей самой был нужен чей-то уход. Сёма из всех сил старался что-то заработать на лекарства для мамы и на продукты для нас. Кроме основной работы пионервожатого, которую он выполнял в высшей степени добросовестно, он вечерами подрабатывал грузчиком на вокзале или в пекарне. О его учёбе в техникуме, о чём он мечтал ещё в старших классах семилетней еврейской школы, пришлось забыть. Он хотел стать учителем и так им и не стал.

Сёме иногда удавалось принести из ночной смены в пекарне кусок хлеба и он старался им покормить маму. Но она прятала его в тумбочку или под подушку, а затем отдавала его нам, утверждая что её тошнит от него.

Мы с Зюней из всех сил пытались ухаживать за мамой и Полечкой, но не в состоянии были сделать всё, что требовалось. К тому же я часто болел. После какой-то очередной простуды в детстве, я заболел бронхиальной астмой и теперь любая новая простуда вызывала приступ болезни, от которой спасали только кислородные подушки. Врачи считали заболевание очень опасным и предупреждали, что любой приступ может стать для меня последним.

Нам, конечно, помогали родственники и особенно мима Хава, что жила на новом базаре и ухаживала за своим больным мужем Аврумом, который к тому времени стал инвалидом. Она, бедная, и сама болела от постоянного недоедания, но часто делилась с нами супом, приготовленным

из картофельных очисток и разных трав. Она сама приносила такие супы и кормила ими маму и нас, а иногда доверяла мне доставлять еду для мамы.

В меру сил и своих возможностей помогала нам и мима Шейва (родная сестра мимы Хавы), её дочь Хавале и её муж Айзик, но у всех у них были свои заботы, свои беды.

Когда маме стало совсем плохо, наши родственники наняли для нас няню. Её звали Соней. Она говорила на идиш с каким-то акцентом и её было трудно понять. Помнится, что она была очень неряшлива и от неё дурно пахло со рта.

А голод всё продолжался. Надежды на урожай 1934 года не оправдались и жизнь наша ничем не улучшилась ни осенью, после сбора урожая, ни весной следующего года. В синагоге, куда я ходил читать кадиш по папе, говорили, что только за последний год в Красилове от голода умерло более 200 человек.

Маме становилось всё хуже. Летом 1934 года, когда Зюня закончил школу, она обратилась ко всем нашим родственникам с просьбой собрать какие-то деньги, чтобы отправить Зюню в Житомир, в еврейский педагогический техникум. Как было не трудно, но деньги собрали и мой брат осенью уехал учиться.

Зима 1934-35-го годов была для нас наиболее трудной. Как нам не было тяжело в прошлую зиму, но с нами была мама, которая ещё могла что-то делать и о нас заботилась. Теперь мама не могла нам ни в чём помочь и сама нуждалась в чей-то помощи.

Как-то тётя Хавале нам сказала, что мама больше не борется за жизнь. Она хочет смерти, считая что нам без неё будет лучше, что детям-сиротам не дадут умереть с голоду. Мы часами сидели у её кровати и плакали, а она лежала молча с открытыми глазами и ждала своей смерти. Так тихо она и скончалась на рассвете 9 апреля 1935-го года, даже не попрощавшись с детьми, которым отдала все свои силы, всю свою любовь и саму жизнь.

4

Теперь, когда вы кое-что узнали о моих родителях, попытаюсь рассказать что мне всё же известно о моих бабушках и дедушках и других моих родственниках по маминой и папиной линии. Вновь оговорюсь, что сведения эти очень ограничены по объёму и возможно даже кое в чём не совсем точны по содержанию по причине того, что в большинстве своём получены не от первоисточников, т. е. не от моих дедушек и бабушек, которых мне не дано было знать, а из случайных упоминаний моих родителей, которые рано ушли из жизни, старших братьев, которые погибли на фронте в очень молодом возрасте и некоторых родственников, от которых я кое-что услышал и запомнил в детском возрасте.

Итак, что же мне известно о родителях моей мамы? Свою бабушку по маминой линии я чуть-чуть помню, так как она жила вместе с нами, ласкала меня и угощала разными лакомствами до пятилетнего возраста. Помню, что звали её каким-то двойным именем, из которого мне помнится только вторая часть Песя и я звал её мимой Песей, а первая часть была вроде Гитель или Гетель. Помнилось, что она была очень набожной, постоянно молилась и во всём соблюдала еврейские традиции. Ещё не могу

до сих пор забыть, как она умудрялась небольшим кусочком масла намазать несколько кусочков черного хлеба, который и на намазанной маслом поверхности сохранял свой цвет. Мы жили тогда очень бедно и мои родители были во всём экономны, но наша бабушка отличалась особой бережливостью. Умерла она в 1929 году, когда ей было около семидесяти лет. Мне же тогда ещё и пяти лет не было.

Дедушку своего по маминой линии я совсем не знал, так как он умер в начале двадцатых годов. У него тоже было двойное имя, кажется Шлойма-Давид. Мама говорила, что её отец был очень добрым, набожным, законопослушным евреем и очень любил бабушку. После его смерти она совсем замкнулась в своей печали и редко на её лице можно было разглядеть хоть слабую улыбку.

Помню, что в Красилове, на цигельне (так звали один из районов на окраине нашего местечка), жили родственники по маминой линии по фамилии Прейгерзон. Родители часто навещали их и брали и меня с собой. Хорошо помню их довольно большой дом с богатой мебелью и внушительных размеров фруктовый сад, примыкающий к дому. Нас всегда угощали там вкусной едой, сладостями и фруктами. Уходя домой мы уносили с собой увесистую кошелку со свежими фруктами и овощами.

До недавнего времени я не знал в какой степени родства моей маме были Прейгерзоны и только сравнительно недавно установил это с помощью Леонида Шпирта – моего дальнего родственника из династии Прейгерзонов, проживающего в городе Винчестер, штат Массачусетс. О нём я узнал от Евгении Иосифовны Шейнман – известной журналистки и благодарной читательницы моих мемуаров. Леонид Александрович провел большую и кропотливую работу по изучению родословного дерева семьи Прейгерзонов. Глубиной этих исследований можно только восхищаться.

Согласно досланной им схемы основателем этой династии с начала девятнадцатого столетия является Яаков-Барух Прейгерзон, родившийся в 1818 г. (умер примерно в 1910 г.) по всей вероятности в нашем местечке Красилове, на Волыни, в Украине. У него было по меньшей мере два сына – Исай и Зиндель, вернее Менахем-Зиндель (в то время у евреев было принято иметь двойные имена). У Исая (примерно 1838-1902гг.) было четыре сына (Сруль, Маркел, Давид и Герш) и две дочери (Ита и Зина), а у Зинделя (примерно 1840-1905гг.) – четыре дочери (Сара, Шейва, Гитель и Ева). Вероятно, что Гитель имела тоже двойное имя – Гитель-Песя. Она и была мамой моей мамы (моей бабушкой) и я её запомнил, как миму (бабушку) Песю.

Сестёр моей бабушки – Шейву и Еву, которую мы звали Хава (ещё одно двойное имя), я хорошо помню. У Шейвы был муж –Ариай-Лейб Гудман, который умер (скорее всего погиб) в 1919г. и которого я, конечно, не знал. У них, наверное, было двое детей. Сын – Абрахам (Аврум-Янкель), родился в 1901 году, а дочь Хава родилась несколько лет позднее своего брата. Дату смерти Аврума-Янкеля мне пока установить не удалось. Известно имя его жены. Ею была Малка (Моли) Сакс (или Закс). О ней до сих пор, к сожалению, тоже пока больше никаких сведений нет.

У Аврума и Малки было двое детей сын Лейб (Лео) и дочь Женья (Дженика). С Лейбом (Лео) Гудманом мне, после долгих безуспешных усилий удалось, наконец, установить связь и обмениваться письмами по

электронной почте. В письме от 16 ноября 2005 г. он сообщил, что родился в Америке и живёт в Калифорнии, где много лет работает в Университете Беркелей. Из этого письма я узнал имена его родителей, бабушки и бабушки. Там же сообщается кое-что о его тёте Хавале (младшей дочери Шейвы) и её муже Айзике, которых я и сам ещё помню.

Более подробной информации о его родителях, бабушке и бабушке, других своих родственниках в том письме не было. Я просил дослать какие-нибудь фотографии моих родителей или наших близких родственников, но ничего такого у Лео не оказалось, о чём я очень сожалею, так как это могло быть единственным источником получения такой информации.

О дочери Аврума и Малки Жени (Джесике) мне ничего не известно. Ничего пока не сообщил о своей младшей сестре, как и о своих детях и внуках Лео. Пока потому, что я ещё надеюсь выбить из него дополнительную информацию о ней, его жене, об их родителях, бабушке и бабушке, а может быть о каких-то ещё более дальних родственниках.

Шейва (я звал её мимой Шейвой) запомнилась мне доброй, гостеприимной хозяйкой и заботливой мамой и бабушкой. Мы жили в одном доме с семьей Гудманов. Наши семьи разделяла перегородка на всю длину дома и соединяла дверь, которая почти никогда не закрывалась. Не забуду ритуалы чаепития у мимы Шейвы. В пятницу вечером вся наша мешпуха собиралась в доме Гудманов и за чашкой чая обсуждались все события за неделю, все новости и проблемы нашей большой семьи. Взрослые приводили сюда своих детей, которым обычно отводилась большая комната, рядом со столовой. Там мы, школьники, могли поиграть в настольные игры, а у малышек были свои интересные занятия. Больше всего дом Шейвы привлекал угощениями. Даже в самые голодные годы, когда нам и хлеба вволю не доставало, по пятницам и в субботу мима Шейва всегда подавала к чаю какие-то лакомства домашнего изготовления. Особенно щедро она угощала нас, детей.

Мне помнится большая столовая в этом доме, круглый стол посередине и большой медный, начищенный до блеска самовар, стоящий рядом. Чай пили с кусковым сахаром из тонких стаканов с металлическими подстаканниками. В голодные годы гости умудрялись одним небольшим кусочком сахара выпивать несколько стаканов чая. Чаепития продолжались до позднего вечера и доставляли нам, детям, большое удовольствие. Думаю, что и взрослым тоже.

Хавале я тоже хорошо помню. Она была лет на пять старше моего брата Сёмы (примерно 1910 года рождения), небольшого роста с физическим недостатком (немного горбатая), но очень красивая. Она работала вместе с моим отцом в аптеке и папа очень ценил её, как грамотного и усердного работника. Помню, как наш отец не раз повторял, что из всех работников в аптеке он доверяет полностью только Хавале. Её все в нашей семье очень любили и она того заслуживала. Большая умница, с чувством юмора, могла дать толковый совет по любому вопросу. Даже для моих старших братьев, которые тоже отличались незаурядным умом и способностями, Хавале всегда была непрерываемым авторитетом.

Несмотря на предельную занятость служебными и домашними делами, Хавале уделяла много внимания своему единственному сыну

Лёвочке, которого очень любила. Лёвочку любили все в семье. И взрослые, и дети. Он был очень красивым и способным мальчиком. Кудрявые светлые волосы, большие тёмные глаза, тонкие губы и небольшой, чуть курносый носик делали его похожим на девочку. Ему ещё не было четырёх лет, когда он уже свободно читал и играл в шахматы. Его в нашей семье считали вундеркиндом и на то были веские основания.

Муж Хавале – Айзик был старше её на несколько лет и отличался незаурядным умом и способностями. Он был высокого роста, спортивного телосложения и очень приятной наружности. После окончания пединститута Айзик преподавал химию в неполно-средней школе, рядом с нашим домом и пользовался большим авторитетом среди учителей. Это был образцовый муж и заботливый отец. Помнится, мама говорила моему старшему брату Сёме: «Бери пример с Айзика».

Хорошо помню трагедию семьи, когда в осеннюю ночь 1937 года агенты НКВД ворвались в дом Гудманов и арестовали Айзика без предъявления каких либо обвинений. На утро к нам в дом пришла заплаканная, убитая горем Хавале, которая за ночь изменилась до неузнаваемости. Она убеждала Сёму в невиновности своего мужа и просила помощи. Но какую помощь мог оказать ей мой брат или кто-нибудь другой, когда в том году в одном только Красилове были арестованы сотни ни в чём неповинных людей, большинство из которых никогда больше не вернулись к своим семьям и пропали без вести. К счастью, в нашей семье это была единственная жертва репрессий 1937 года. Как теперь стало известно, жертвами тех репрессий по всей стране стали миллионы советских граждан, которых власти посчитали неблагонадёжными или, как тогда выражались, «врагами народа».

Из родственников по маминной линии помню ещё одну сестру своей родной бабушки Гитель-Песи, Хаву, которую ещё звали Евой, а может быть у неё тоже было двойное имя Ева-Хава. Она была немного моложе других своих сестёр. Её мужа звали Аврум., а фамилия его была как будто Савоурай (какие только фамилии не выбирали себе евреи). Он был старше её и, как мне помнится, в старости плохо слышал, точнее был почти совсем глухой. У них был единственный сын Бениамин, у которого тоже вроде было двойное имя (Израэль). В начале двадцатых годов прошлого столетия он уехал в Палестину в расчёте забрать туда позднее своих родителей. Об этом мне уже после войны рассказала как-то тётя Фрима из Ленинграда. Планы его так и не сбылись, а мне помнится только, что мима Хава (именно так я её звал) всё время ждала писем от сына и очень скучала за ним.

Мима Хава запомнилась мне добротой, чуткостью и заботой о наших родителях во время их болезни и о нас, сиротах, после их смерти. Она находила какие-то возможности попогаты нам материально во время голода, ухаживала за больными родителями и нами, готовила и приносила нам часто какую-то домашнюю еду. По субботам она приглашала нас к себе, чтобы угостить фаршированной рыбой, картофельным пудингом и печением собственного производства, что доставляло много удовольствия. На Ханукуку мима Хава одаривала нас, детей, деньгами (ханука-гелт) в размерах, значительно превышающих вознаграждения других наших родственников.

Ещё об одной сестре моей бабушки Гитель-Песи – Саре я ничего не знаю даже из воспоминаний моих родственников или послевоенных рассказов тёти Фримы из Ленинграда. Она вероятно умерла ещё до моего рождения, а может быть эмигрировала в Америку или Палестину.

Ещё помню мамину родную сестру Суцю. Она жила в Старо-Константинове, что в 15 километрах от Красилова. У неё было двое детей – дочь Маня, которая была примерно такого же возраста, как и мой брат Зюня и сын Изя, примерно мой ровесник. Суця приезжала к нам с детьми, когда болела мама и больше я её никогда не видел. Фамилия моих двоюродных брата и сестры была Моверман. Мне кажется, что и моя тётя Суця тоже была Моверман. Не знаю кто был её муж и является ли фамилия Моверман его фамилией. Она, наверное, не смогла эвакуироваться из Старок-Кнстантинова в начале войны, осталась на оккупированной немцами территории и погибла вместе со всеми другими евреями, составлявшими большинство населения этого небольшого городка.

Маню я с трудом разыскал после войны. Она жила в Ашхабаде по улице Кеминэ 53, закончила Туркменский госуниверситет и работала учительницей. У нас с ней установилась регулярная переписка и с её помощью мне удалось связаться с её братом Изей, который в то время ещё служил в советских оккупационных войсках, в Германии.

Будучи в то время студентом Одесского института пищевой и холодильной промышленности, я пригласил его в Одеесу после демобилизации для поступления в один из одесских институтов. Изя откликнулся на моё приглашение и в 1946 году приехал и поступил на юридический факультет Госуниверситета. Он жил какое-то время со мной в общежитии, пока ему не дали койку в общежитии университета. Мы были с ним очень дружны и я был рад тому, что ко мне после войны вернулся брат.

Летом 1947 года в Одессу приезжала Маня и мы провели целый месяц вместе. Устроили мы её на квартире у Янкеля Туллера – нашего земляка из Красилова и отца лучшего друга моего брата Зюни. Мне помнится, как мы в том голодном году шикарно отметили день рождения Мани в доме Туллеров.

Маня настаивала на переезд Изи в Ашхабад, где у неё была однокомнатная квартира. Она обещала ему перевод в её родной университет и помощь в учёбе и обустройстве на новом месте. Я пытался убедить её в нецелесообразности этой идеи, ссылаясь при этом на нашу братскую дружбу, успехи Изи в учёбе, приличные бытовые условия и, наконец, на возможность учиться в прекрасном университете и, возможно, постоянно жить и работать в замечательном городе – Одессе, но она настояла на своём и с этим, хоть и нехотя, пришлось согласиться и Изе.

С грустью проводил я осенью того же года Изю в Ашхабад, а в следующем году он и Маня, пропали без вести в ужасной катастрофе – землетрясении силой более семи баллов, постигшем столицу Туркмении в 1948 году. Город практически был стёрт с лица земли и мне, несмотря на большие старания, не удалось даже найти могилы своих двоюродных брата и сестры. Я пишу, что Маня и Изя пропали без вести потому, что тётя Фрима мне говорила, что получила известие от кого-то из Ашхабада в

первые дни после трагедии о том, что Маня и Изя живы. Я поэтому настойчиво разыскивал их, запрашивал официальные органы города и республики, но никакого вразумительного ответа не получил. Не сомневаюсь в том, что если бы они были живы, то безусловно сообщили бы о себе. Вероятно они погибли в день катастрофы или скончались от увечий в последующие несколько дней.

Что касается более дальних родственников по линии старшего сына Якова-Баруха Прейгерзона – Исаея, как и четырёх его сыновей и двух дочерей, то о них я знаю ещё меньше, чем о родственниках по линии моего прадедушки Зинделя, точнее Менахема-Зинделя.

Из рассказов тёти Фримы узнал, что Исай был её дедушкой, а её мамой была дочь Исаея – Еня-Ита. О четырёх старших братьях своей мамы, как и о младшей её сестре Зине она не рассказывала и о них мне ничего не известно. Запомнилось только, что отца тёти Фримы звали Хаим, а фамилия его была Бык (ещё одна редкая еврейская фамилия в нашей родне). Родом он был из равинской семьи из еврейского местечка Меджибожа, что недалеко от Красилова. Тётя Фрима говорила, что плохо помнит отца, так как он рано умер от чехотки, но упоминала, что незадолго после его смерти у её мамы родился мальчик, которому дали имя покойного отца Хаим- Михель Бык.

Совсем недавно, точнее 18 марта 2006 г. собранный мною материал о своей родословной пополнился ценными сведениями, касающимися семьи Бык. Они стали мне известны из письма нашей землячки Евгении Шейнман, о которой я уже упоминал. Среди них интересный факт, указывающий на то, что брат Фримы – Хаим стал последним раввином Меджибоша. В двадцатые - тридцатые годы прошлого столетия в Украине, как и во всём Советском Союзе, были закрыты все синагоги, еврейские театры, перестали издаваться еврейские газеты и журналы. Так что до развала СССР в Меджибоше, как и во всех других еврейских местечках, синагоги не работали, а значит и раввинов не было.

В том письме Женья рассказала о тяжелом периоде жизни Ени-Иты - матери Фримы когда она, после смерти мужа с двумя дочками вернулась в Красилов, где вскоре произвела на свет сына Хаима, как росли и мужали её дети, как в 1905 году в Америку иммигрировала младшая сестра Фримы - Хая, а в 1925 году, когда матери уже не стало, туда же уехал и младший брат Хаим Бык.

Из того же сообщения Евгении Шейнман мне стало известно, что в 1906 году Фрима вышла замуж за двадцатилетнего учителя русского языка Исаака Эйдельштейна, а из приложенных к письму публикаций в русскоязычной печати я узнал интересную и поучительную историю о внуке Исаея Прейгерзона – Герше-Цви Прейгерзоне. Он родился в 1900 г., в Шепетовке, что рядом с моим Красиловым и ещё в детстве раскрылись его незаурядные литературные способности. Цви писал на Иврите. Его отец – Сруль (Израиль) Прейгерзон поощрял его любовь к этому возрождающемуся языку и сочинению стихов на нём. Он показал стихи своего 12-летнего сына известному еврейскому писателю Бялику, который предсказал мальчику литературную будущность и посоветовал послать его в Палестину – в гимназию «Герцлия». Цви стал лучшим учеником гимназии, но приехав домой на каникулы в 1914 году, он не смог вернуться

в Палестину – началась война. Отец послал его в Одессу, к своей двоюродной сестре Фрима, с расчётом, что оттуда легче будет уехать в Палестину. В Одессе он поступил в гимназию. Для этого пришлось выучить русский язык. До 15 лет он не знал ни слова по-русски. Этому его научил Исаак Эйдельштейн – муж Фримы, а сама она стала ему настоящей матерью (мне и моей младшей сестре Полечке этому не стоит удивляться).

В Одессе определилось литературное призвание Цви. Тем временем свершилась Октябрьская революция и иврит был запрещён. Литературное творчество в нём стало опасным и молодой поэт продолжал писать только «в стол». В начале двадцатых годов Цви поступил в Горную Академию в Москве. Закончил её в 1928 году и много сил отдал горному делу. Он был крупным специалистом в этой отрасли, автором известных монографий. По его учебникам занимались и ещё сейчас занимаются студенты-горняки. Его капитальный труд «Обогащение угля» был и остаётся настольной книгой поколений горных инженеров-производственников. Но душа его жила в литературных творениях. В двадцатые годы его стихи и рассказы печатаются в периодике подмандатной Палестины.

Вскоре контакты с зарубежьем становятся смертельно опасными и он продолжает писать только «в стол», но и это занятие пришлось прервать, когда, после убийства Кирова, началась эпоха Большого террора. Только события военных лет, Катастрофа заставили его вернуться к литературе. Роман «Вечный огонь», послевоенные рассказы, исполненные высокого трагизма, – это всё, что он успел создать до марта 1949 года, дня ареста.

Цви Прейгерзон был осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и отбывал наказание в Караганде и Воркуте. Его жена – Лия Борисовна Зейгерман сумела спрятать все его рукописи. Оказавшись на свободе в 1956 году он продолжает писать, только конспирация стала ещё более строгой. Даже самые близкие ему люди, в том числе дорогие ему родственники, тётя Фрима и её дети Муня и Фаня, к которым он приехал повидаться в 1957 году, вскоре после освобождения, ничего не знали о его подпольном писательстве. В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов Цви Прейгерзон пишет «Дневник воспоминаний 1949 – 1955 годов», роман «Врачи» из жизни большой еврейской семьи. В 1966 году в Израиле издан на иврите его роман «Вечный огонь» под псевдонимом Цфони Северный.

В конце 90-х годов, уже после смерти писателя, впервые появилась первая русская книга, где на обложке значилось не Г. И. (Григорий Израйлевич) Прейгерзон, как в учебниках и монографиях по горному делу, а Цви Прейгерзон – его еврейское имя. Как раз об этом, о еврейских именах, писатель пишет в одном из рассказов, давшего название всему сборнику «Бремя имени».

Многие евреи носили два имени: одно родовое, в память о предках, а второе в метрике и паспорте – благополучное, облегчающее существование. Да и вся жизнь евреев при советской власти, была, как правило, двойной.

Некоторые рассказы, включённые в эту книгу, автобиографичны. Другие – совершенно реальны, почти документальны. В них – описание и хронология погромов, гибель местечек, бегство от фашистов, последний

путь евреев к гибели на захваченной немцами территории, послевоенные мытарства в условиях государственного антисемитизма.

Умер Цви Прейгерзон в 1969 году в Москве и хоронили его с большими почестями, как выдающегося советского учёного, классика горной науки. Один из близких его друзей сказал на его могиле: «Ты обогащал не только уголь, ты обогащал наши души». Хоронили ведь не только известного учёного, хоронили замечательного еврейского писателя, подвижника иврита.

Вернёмся, однако, к семье Эйдельштейнов, хоть и не близких мне по родству, но очень близких моему сердцу и оказавших нам, сиротам, после смерти родителей, большую материальную и моральную поддержку в нелёгкой борьбе за выживание в столь трудное для нас время.

С 1906 года, т. е. со времени образования семьи, они жили в Одессе. В 1914 году, как только началась первая мировая война, главу семейства Исаака взяли в Армию и вскоре он оказался в австрийском плену. Без малого четыре года Фрима одна растила двух детей – подростка Цви Прейгерзона и маленького Муню. Представить себе трудно, как она добывала средства к существованию и как смогла создать необходимые условия для учёбы Цви. Исаак вернулся только по окончании войны. К тому времени Цви уже учился в Московской Академии горного дела.

В начале двадцатых годов семья переехала в Ленинград. У них к тому времени уже было двое детей – Муня и Фаня. Трудно им жилось в эти годы и только посылки и письма от сестры и брата Фримы из Америки, половина которых терялась где-то на почте, служили им материальной и моральной поддержкой.

Несмотря на это они как-то умудрялись в голодные тридцатые годы помогать своим бедным родственникам в Красилове и в первую очередь помощь от них получала наша семья ещё при жизни родителей и особенно мы с Полечкой после их смерти. Трудно сказать смогли ли бы мы тогда выжить без их помощи.

Фрима Ефимовна пережила блокаду Ленинграда и раннюю смерть мужа. Я несколько раз гостил у тёти Фримы, когда она с Фанечкой жила на улице Красной, что возле площади Труда. Будучи в неоплатном долгу перед ней, старался быть к ней внимательным, дарил ей подарки и часто писал письма. В начале шестидесятых она была гостем нашей семьи в Могилёве и общение с ней в течение нескольких недель доставило нам огромное удовольствие. Она умерла летом 1964 года почти одновременно со своим младшим братом Хаимом Бык, что жил со времени иммиграции в 1925 году в Нью-Йорке.

С её дочерью Фанечкой мы неоднократно встречались и переписывались на протяжении многих лет. Она закончила Ленинградский университет была большим эрудитом во многих областях знаний. Долгое время не ладилось у неё в личной жизни пока она, наконец, не вышла замуж за пожилого и больного мужчину с двумя детьми. Фаина Исааковна стала им заботливой матерью, а позднее и доброй бабушкой для их детей. Я бережно храню очень милые письма Фанечки. Они проникнуты заботой о дочерях Маше и Лене, внуках Саше, Борисе, Юре. Я практически не знаком с её внуками, но из писем Фанечки представлял себе как Саша наряжался в новый костюм, рубашку и галстук, присланные ему нами из

Американского города Баффало, отправляясь на выпускной бал в день окончания средней школы, какой приятный голос у младшего Юры, обладающего бесспорным музыкальным даром.

Фанечка несколько раз гостила у нас в Могилёве и мы старались помочь ей, её дтям и внукам морально и материально как могли. Такую же помощь мы старались ей оказывать и позднее, после отъезда в Америку.

Последняя встреча с ней была накануне нашего отъезда, в августе 1992 г. Она была очень тёплой. Мы как бы чувствовали, что больше никогда не увидимся. Она увезла тогда несколько чемоданов с одеждой, обувью и другими вещами, которые мы не могли забрать с собой, для своих детей и внуков, которые испытывали постоянную материальную нужду.

Мы поддерживали с ней постоянную переписку и после приезда в Америку, посылали посылки с продуктами и одеждой для неё и её семьи, часто общались по телефону. Я выслал ей три книги моих мемуаров и получил очень тёплый и душевный отзыв о них.

Фаня 1992 г.

Последнее письмо от Фанечки я получил в апреле 2004 г. Она писала, что чувствует себя вполне сносно, ещё в состоянии не только за собой ухаживать, но и может кое в чём помочь своим детям и внукам. Планировала, как и в прошлые годы, поехать на дачу на всё лето. Я ответил ей на это письмо, но больше от неё никаких вестей не было. Позднее, в том же году, примерно в первых числах сентября Евгения Шейнман сообщила нас о её смерти. Как потом выяснилось, Фанечка умерла 11 июня 2004 года. Она была отправлена в больницу с диагнозом «инсульт» и скончалась, не приходя в сознание. Есть информация, что у неё был рак. Ни дети, ни внуки Фанечки, которые безусловно знали о наших тёплых родственных и дружеских отношениях, не нашли нужным даже известить меня об этой печальной новости.

Совсем мало мне известно о дедушке и бабушке по папиной линии. Из рассказов папы помнится, что его отец – Соломон Гимельфарб был известен, как хороший фельдшер. Учитывая, что в то время в местечке почти не было врачей с высшим образованием и опытом работы, а к молодым врачам люди относились с недоверием, опытные фельдшера пользовались большим спросом и им больше доверяли нежели неопытным врачам. Не был исключением в этом и мой дедушка Соломон. Как рассказывал мне папа, его отец пользовался большим авторитетом у местных жителей в лечении буквально всех болезней. Не отказывал он в лечении и больным из окрестных сёл и местечек. Его ценили и за лечение травами, в чём он был большой знаток. Как рассказывали старики, знавшие Соломона Гимельфарба, он был очень добрым и отзывчивым человеком и никогда не брал денег за свои советы у бедных.

Папа говорил мне, что его отец обучил его применению трав в лечении многих болезней и именно по его настоянию он поступил на фармацевтический факультет университета и стал первым фармацевтом в Красилове с высшим образованием.

Лично я дедушку Соломона не помню, так как умер он в 1926 году, когда мне было всего полтора года отроду. А вот бабушку свою по папиной линии чуть помню. Её, кажется, тоже звали Песей. Она была очень набожной и запомнилась мне только за чтением молитвенников. После смерти дедушки она совсем замкнулась в печали. В скорби она и скончалась в 1930 году, когда мне ещё не исполнилось и шести лет.

Достоверно мне неизвестно родился ли мой папа в Красилове или приезжал туда в молодые годы, где и познакомился с моей мамой, которая безусловно родилась и умерла в Красилове. Тем более мне неизвестны другие сведения из родословной папы. Фамилия Гимельфарб встречается очень редко и мои поиски на сей счёт были безрезультатными. Пару лет тому назад мой сын Владимир обнаружил в интернете и дослал мне публикацию о Гимельфарбах из Ковеля (Украина), иммигрировавших в Америку в 1914 году. Главой семьи был Давид Гимельфарб 1876 года рождения. Его жена - Шейндель Кипельман 1881 года рождения. Их родители – Бери и Эттель Гимельфарб вместе с другими родственниками оставались в Ковеле во время оккупации его немцами в 1941 году и вероятно погибли в гетто. Являются ли Гимельфарбы из Ковеля какими-то родственниками моему отцу не знаю, но и исключить такое не могу.

Ниже приводиться наиболее вероятная, с моей точки зрения, версия образования и развития ветви семьи Гимельфарбов (по материнской линии) на огромном родовом древе династии Прейгерзонов.

1.Яков-Барух Прейгерзон...

2.Менахем-Зиндель Прейгерзон – сын Якова Прейгерзона

2.1.Гетель-Песя Прейгерзон – дочь Зинделя Прейгерзона

2.1.1.Дора (Двойра) Гимельфарб – дочь Гетель Прейгерзон

2.1.1.1.Семён (Сёма) Гимельфарб – сын Доры и Мойсея Гимельфарб

2.1.1.2.Зиндель Гимельфарб – сын Доры и Мойсея Гимельфарб

2.1.1.3.Натан Гимельфарб – сын Доры и Мойсея Гимельфарб

2.1.1.3.1.Михаил Гимельфарб – сын Натана и Ханы Гимельфарб

2.1.1.3.1.1. Лена Зуськова – дочь Михаила и Ирины Гимельфарб

2.1.1.3.1.2.Андрей Зуськов – сын Михаила и Ирины Гимельфарб

2.1.1.3.2.Владимир Гимельфарб – сын Натана и Ханы Гимельфарб

2.1.1.3.2.1.Илья Гимельфарб – сын Владимира и Риты Гимельфарб

2.1.1.3.2.2.Дина Гимельфарб – дочь Владимира и Риты Гимельфарб

2.1.1.3.3.Вера Гимельфарб – дочь Натана и Ханы Гимельфарб

2.1.1.3.3.1.Наташа Каленчиц – дочь Веры и Георгия Каленчиц

2.1.1.3.3.2.Анна Каленчиц – дочь Веры и Георгия Каленчиц

2.1.1.4.Полина Гимельфарб – дочь Доры и Мойсея Гимельфарб

2.1.1.4.1.Валерий Елизаров – сын Полины и Владимира Елизарова

2.1.1.4.1.1.Анатолий Елизаров – сын Валерия и Марии Елизаровой

2.1.1.4.2.Борис Елизаров – сын Полины и Владимира Елизарова

2.1.1.4.2.1.Алексей Елизаров – сын Бориса и Татьяны Елизаровой.

Привожу краткую информацию к приведенной схеме.

О Якове-Борухе Прейгерзоне известно только, что он родился скорее всего в Красилове в 1818 году и умер там же в 1910 году (долгая по тем временам жизнь). У него было два сына, Старший – Изя родился в Красилове в 1838 году, а в 1885 году эмигрировал в Израиль. Умер в посёлке Сафед (Израиль) в 1902 году.

Младший сын Якова Прейгерзона - Менахем-Зиндель тоже родился в Красилове примерно в 1840 году и скончался там же в 1905 году. Известно, что его жену звали Бобе. У них было четыре дочери – Сара, Шейва, Гитель и Ева. О старшей дочери Менахема-Зинделя Саре известно только, что она вышла замуж за своего двоюродного брата, сына Изи Прейгерзона – Давида, 1862 года рождения. Полагаю, что она родилась примерно в 1860 году в Красилове и иммигрировала в США или в Израиль.

Шейва родилась примерно в 1865 году в Красилове. Вышла замуж примерно в 1882 году за Ария-Лейб Гудмана рано ушедшего из жизни (1919 год). У них было двое детей. Сын Аврум-Янкель, примерно 1900 года рождения. Эмигрировал в Америку, наверное, в начале двадцатых годов. Жену его звали Малка (Молли Сакс). Их сын Лев (Ариай-Лейб) Гудман, 1928 года рождения, живёт в настоящее время в Калифорнии и работает профессором в известном университете Барклей.

Дочь Аврума и Малки звали Хавале. Она родилась в Красилове примерно в 1905 году и работала фармацевтом в аптеке. Её мужа звали Айзик. Он был учителем, репрессирован органами НКВД в 1937 году и пропал без вести. У них был сын Лёва, примерно 1936 года рождения. Шейва, Хавале и мальчик Лёва остались на оккупированной немцами территории и погибли в Красиловском гетто.

Ева Прейгерзон – младшая дочь Менахема-Зинделя Прейгерзона родилась в Красилове примерно в 1870 году. Я звал её, как и Шейву, мимой (бабушкой), хотя они и не были моими родными бабушками. У нас её звали Хавой. Вероятно и здесь было двойное имя Ева-Хава. Её мужа звали Аврум. У них был сын Израиль, примерно 1895 года рождения, который в начале двадцатых годов эмигрировал в Израиль.

Гитель Прейгерзон – дочь Менахема-Зинделя Прейгерзона является моей родной бабушкой – мамой моей мамы. Я звал её мимой Песей. И тут, наверное, было двойное имя Гита-Песя. Она родилась в Красилове примерно в 1866 году и умерла там же в 1929 году в возрасте около 65 лет. Её мужа – моего дедушку звали Шлойма (Сёма). Я его совсем не знал так как он рано ушёл из жизни. У них было две дочери. Старшая – Суця, примерно 1884 года рождения жила в Староконстантинове, что рядом с Красиловым. У неё было двое детей – Маня, примерно 1918 года рождения и Изя, примерно 1922 года рождения. Суця вероятно погибла в оккупации в годы войны, а Маня и Изя погибли в 1948 году во время ужасного землетрясения в городе Ашхабаде.

Моя мать Дора (Двойра) Гимельфарб родилась в 1885 году в местечке Красилов, на Волыни, в Украине. Закончила гимназию и в 1908 году вышла замуж за Мойсея Гимельфарба, 1880 года рождения, закончившего фармацевтический факультет университета.

Здесь нам 80 лет

Я был младшим мальчиком в семье. Родился в 1924 году. Участвовал в Великой Отечественной войне, где получил тяжёлые ранения. Закончил Одесский Технологический институт пищевой и холодильной промышленности в 1948 году. Женился в 1947 году.

Моей женой стала сокурсница по институту Хана Крепс, 1924 года рождения (место рождения – г. Шепетовка, что на Волыни, в Украине). Её отец – Абрам Александрович Крепс 1896 года рождения. Он родился в местечке Медведевка, Киевской области, в Украине. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. До и после войны 1941–45 гг. работал в г. Днепропетровске, в Украине в различных должностях в торговле и материально-техническом снабжении. Избирался депутатом Горсовета. Умер в 1982 году в возрасте 85 лет после тяжёлой болезни.

Мать моей жены – Елена Абрамовна Шефутинская 1902 года рождения родилась тоже в г. Шепетовка. Домохозяйка. Умерла в 1985 году в возрасте 83 лет. Кроме дочери Ханы у Абрама и Елены был сын Борис 1921 года рождения, который умер в 1998 году в возрасте 77 лет и дочь Полина 1929 года рождения, иммигрировавшая вместе с нами в Америку в 1992 году.

Мой старший брат Семён (Сёма) родился в 1914 году в Красилове. У него своих детей не было, хотя он и был женат на Александре (Шуре) Ковшар, 1912 года рождения, украинки, рождённой в г. Немирове, Винницкой области, в Украине. У Шуры был сын Андрей 1927 года рождения. У Сёмы и Шуры, конечно, ещё могли быть дети, если бы не война, тяжёлое ранение Сёмы, приведшее к его смерти в 1944 г. в возрасте тридцати лет.

Мой средний брат Зиндель (Зюня) родился в 1920 году, в Красилове. Закончил Одесский педагогический институт в 1940 году. В том же году женился на сокурснице Рахиле Лемперт, 1921 года рождения, родом из местечка Славута, Каменец-Подольской области Украины. После окончания института они поселились в Славуте, что на старой границе с Польшей, где жили родители Рахиль. Это был брак по любви. Работали оба в школе учителями. Известно, что они ожидали ребёнка, но этому не дано было случиться. Рахиль, её родители и их родственники не успели эвакуироваться, осталась в оккупации и погибла. Зюня же был мобилизован в первые дни войны и пропал без вести, скорее всего погиб.

Моя младшая сестра Полина родилась в 1929 году, в Красилове. В начале войны успела выехать вместе с женой Сёмы в Немиров, где находилась на оккупированной немцами территории. Чудом выжила (одна из всех евреев этого полуеврейского городка). В 1947 году вышла замуж за демобилизованного из Армии сержанта Владимира Елизарова, 1923 года рождения.

Семья Полины

После войны Володя закончил Высшее военное лётное училище в Риге, после чего преподавал в лётном военном училище в г. Ейске, Краснодарского Края, в России. В конце восьмидесятых годов вышел в отставку в звании подполковника. Умер в 1993 году в возрасте 70 лет. Полина эмигрировала в Америку в 1996 году. У неё двое детей.

Старший сын Валерий 1949 года рождения закончил Московский Государственный университет, защитил диссертацию и заведует Центром демографии МГУ. Его жена Мариана 1955 года рождения тоже кандидат экономических наук. Их сын Анатолий. 1986 года рождения – студент МГУ. Младший сын Полины – Борис 1952 года рождения закончил Могилёвский технологический институт и защитил диссертацию на звание кандидата технических наук. Работал по специальности на разных предприятиях и организациях в России до выезда в Америку в 1999 году. Женат на Татьяне Елизаровой 1960 года рождения, закончила Педагогический институт в г. Могилёве, Белоруссия и работает по специальности. Их сын Алексей 1988 года рождени в 2006 году поступил в университет в г. Баффало, штат Нью-Йорк. Миша 1987 г

Коротко о наших детях. Сын Михаил, 1948 года рождения закончил технический ВУЗ в области сварки и успешно работал по специальности в г. Минске и на Крайнем Севере, где получил тяжёлое увечье от несчастного случая на производстве, исход которого оказался смертельным. Он скончался в г. Могилёве в 1989 году в возрасте сорок лет и похоронен в Минске на Северном кладбище. Был женат (1974г.) на Ирине Зуськовой - подруге и сокурснице нашей дочери Верочки.

Она родилась в райцентре Ляховичи, Брестской области в 1952 году. Её отец – Андрей Дмитриевич Зуськов после окончания пединститута работал учителем, а затем директором школы и пользовался большим авторитетом в органах народного образования, а мать была учительницей и рано скончалась после тяжёлой, неизлечимой болезни. Андрей Дмитриевич ушёл из жизни в середине восьмидесятых годов.

Памятник отцу Северное кладбище, г. Минск.

У Ирины есть сестра Таня, которая на несколько лет старше её. Она успешно закончила университет и защитила диссертацию на звание кандидата наук в области химии. Проживает в Минске.

С Ириной 1996 г Дети Михаила и Ирины – Лена и Андрей в детстве носили фамилию Гимльфарб, но после смерти отца, мать переоформила их свидетельства о рождении и с тех пор они носят девичью фамилию матери. Своё решение Ирина объяснила желанием обеспечить детям более спокойную и безопасную жизнь. Лена, 1976 года рождения, закончила университет в г. Баффало (штат Нью-Йорк) и стала доктором

фармации. Работает там же по специальности. Андрей, 1985 года рождения, после окончания средней школы поступил в Университет г. Нью-Йорке и учится теперь на третьем курсе.

Наш сын Владимир родился в тот же год, день и час, что и его брат Михаил (близнецы-братья), окончил тот же институт и защитил диссертацию на звание кандидата технических наук. Работал старшим научным сотрудником в Академии наук Белоруссии до отъезда в Америку в 1989 году, где работает по специальности.

Женился в 1976 году на Рите Шейнкман, 1956 года рождения, которая родилась в Минске, в Белоруссии. Её отец – Шейнкман Исаак Абрамович 1907 года рождения окончил Политехнический институт и институт Народного хозяйства и работал экономистом на предприятиях и в организациях Минска. Умер в 1976 году.

Мать – Фаина Захаровна Радинская 1919 года рождения закончила финансовый техникум и успешно работала по специальности на предприятиях и в организациях Белоруссии. Участница Великой Отечественной войны. У Риты был брат Семён - высоко квалифицированный сварщик. Умер в конце восьмидесятых от сердечного приступа.

Дети Миши

Сын Владимира и Риты - Илья, 1977г. рождения, окончил Корнельский Университет по специальности «компьютерное программирование» и стал хозяином собственного предприятия в этой области в Калифорнии.

Дочь Дина, 1979 года рождения, закончила университет в г. Баффало и защитила научную степень «Дегри» в области математики. Работает учителем математики в старших классах. Вышла замуж в 2001 году. Её муж – Тим Барнет закончил университет в г. Баффало и стал доктором фармации. Защитил докторскую диссертацию в области химии и преподаёт этот предмет в должности профессора.

Семья Вовы

Наша дочь Вера, 1952 года рождения, успешно закончила институт Народного хозяйства в г. Минске и стала высоко квалифицированным специалистом в области экономики и программирования. Работала по специальности на предприятиях и в организациях Минска до отъезда в Америку в 1992 году. Здесь окончила колледж и работает по специальности.

В 1974 году вышла замуж за односельчанина Ирины Зуськовой – Георгия Каленчица, 1951 года рождения, закончившего Белорусский политехнический институт. Его отец – Василий

Рита и Вова

Тимофеевич Каленчиц 1920 года рождения после окончания техникума всю свою трудовую жизнь до выхода на пенсию работал служащим районного масштаба. Умер в 1999 году в Ляховичах, Брестской области, в Белоруссии.

Мать - Надежда Фоминична Каленчиц 1923 года рождения закончила медицинский институт и работала врачом в районной поликлинике. Она умерла в 1991 году в Ляховичах.

Старшая дочь Георгия и Веры - Наташа, 1975 года рождения, закончила университет в г. Rochester в области компьютерного программирования и работает по этой специальности. В 2005 году она вышла замуж за Раджива Кукрейджа. Он закончил университет по той же специальности, имеет учёную степень и работает в крупнейшей в Америке финансовой фирме.

Семья Веры. 1992 г.

Младшая дочь Анна, 1984 года рождения, закончила Университет Пенсильвании по специальности «финансы» и успешно работает в этой области.

В 1992 году Вера и Георгий оформили развод накануне выезда Веры с детьми в Америку. В 1995 году Вера вышла замуж за Владимира Харлипа. Он закончил университет в Минске и является высококвалифицированным инженером. Работает по специальности в одной из фирм в штате Нью-Джерси.

Вера и Володя

Ниже приводятся сведения о прародителях наших внуков из известной мне информации по состоянию на 2006 год.

.....										
1	1....1	1	1	1....1	1	1	1....1	1	1	1....1
.....	1			1			1			1
Соломон	1	Песя	Шлойма	1	Гитель	Алек-	1	Хана	Абрам	1
Гимельфарб			(Сёма)	1	Прейгер-	сандр	1		Шефу-	1
	1			1	зон	Крепс	1		тинский	1
	1			1			1			1
	1			1			1			1

.....					
1	1.....1		1	1	1.....1
.....	1				1
Мойсей	1	Двойра		Абрам	1
Гимельфарб	1	Прейгерзон		Крепс	1
					Елена
					1 Шефутинская

мужеству и терпению и заверяла нас в своей дальнейшей поддержке и помощи. Нужно сказать, что её заверения полностью оправдались. Её помощь во все предвоенные годы оказалась более существенной, чем помощь всех наших более близких Красиловских родственников. И я, и моя сестрёнка Полечка были почти полностью одеты и обуты в одежду и обувь её сына Муни и дочери Фанечки. Нередко в её посылках оказывались даже такие деликатесы, как шоколад и какао, вкус которых мы давно успели забыть. Как не трудно нам было в этом сознаваться, мы всё больше стали понимать предсмертные убеждения нашей мамы о том, что без неё мы непременно выживем в голоде, которому, казалось, не будет конца.

В результате голода 1933-35 годов в нашем местечке оказалось немало сирот, но, как мне помнится, к нам было особо тёплое отношение. Может при этом учитывалось наше примерное поведение и прилежное отношение к учёбе (мы были круглыми отличниками все эти годы). Как бы там ни было, но после смерти родителей мы меньше голодали, чем раньше, и не были ни голыми, ни босыми. Родственники находили средства содержать нашу няню, которая после смерти мамы, стала как будто теплее к нам относиться.

Как видите, наша мама в своих предсмертных надеждах была в чём-то права. В чём-то, но не в главном. Она была совершенно не права, когда утверждала, что нам будет без неё лучше, чем с ней. Нам без нее стало несравненно хуже морально. Трудно было жить без материнской любви и ласки, без её тёплого взгляда и поддержки. Просто невозможно стало жить в доме, где всё напоминало о ещё недавнем общении с милыми сердцу родителями, о незабываемом и счастливом детстве рядом с ними.

Своего среднего брата Зюню мы теперь видели только во время летних каникул. Он приезжал на два месяца и наша добрая мима Хава готовила специально для него еду, которую я почти ежедневно приносил из её дома на новом базаре.

Старший брат Сёма по-прежнему подрабатывал грузчиком на вокзале и изо всех сил старался обеспечивать нас с Полечкой всем необходимым. Не сомневаюсь, что и он, и Зюня, как и мы – младшие дети, очень страдали от потери родителей.

Между тем, голод в Красилове окончился также внезапно, как и начался. В течение нескольких дней июля 1935-го года в магазины завезли уйму продуктов, от которых, как и раньше, ломились полки. Прямо не верилось в такое чудо и мы в первые дни набирали большие запасы хлебобулочных изделий, но когда совсем исчезли очереди и полки магазинов оставались заполненными разнообразными товарами, мы поверили, что изобилие вернулось всерьёз и надолго.

Мой брат Зюня

Теперь стало очевидно, что голод пришёл и ушёл по команде сверху. Задача массовой коллективизации сельского хозяйства и вовлечения большинства трудоспособных крестьян в колхозы была решена и необходимость в методах принуждения, одним из которых был искусственный голод, отпала.

Когда умерла мама я учился в третьем классе единственной в Красилове еврейской неполно-средней школе. Её закончили мои старшие братья, которые мечтали стать учителями еврейского языка и литературы. Для такой карьеры на Украине был только один путь. После семилетки им надлежало поступить в еврейский педагогический техникум в г. Житомире, а при желании получить высшее педагогическое образование на языке идиш следовало закончить единственный в стране Одесский педагогический институт.

Моему старшему брату Сёме о своей мечте пришлось забыть, так как он, после смерти родителей, стал основным кормильцем и воспитателем младшего брата и совсем маленькой сестрёнки (Полечка в то время ещё в школу не ходила), а средний мой брат Зюня всё же успел закончить два курса еврейского техникума, после чего, в 1936 году, он перестал быть еврейским. В это время в Украине, как и по всей стране, стали закрывать еврейские учебные заведения, театры и синагоги. Согласно сталинскому учению по национальному вопросу, еврейской нации вообще не существовало, т.к. эта «национальная прослойка» не вполне соответствовала надуманным им признакам, характеризующим нацию.

Зюня закончил этот техникум в 1937 году, когда преподавание в нём уже велось на украинском и русском языках и поступил уже не в еврейский педагогический институт в Одессе, а в обычный пединститут в этом городе, который и закончил в 1940 году, получив диплом учителя истории и географии старших классов средней школы.

Во время учёбы он ежегодно приезжал к нам в Красилов на летние каникулы. По вечерам он одевал свою праздничную одежду и со своим лучшим другом Ньюей Тулером шёл гулять в парк, где была танцплощадка, или в Дом культуры, где в то время уже демонстрировались звуковые кинофильмы. Ему очень хотелось хорошо одеваться, но возможностей купить модный костюм у него небыло и он старательно ежедневно стирал единственную приличную белую рубашку и наглаживал стрелки на тёмных шерстяных брюках.

Рахиль

На последнем курсе он женился на сокурснице Рахиль Лемперт из города Славуты, что на самой старой границе с Польшей. Оба были талантливы и очень красивы. Они дружили все годы учёбы и очень любили друг друга. Я хорошо помню Рахиль, хоть и видел её только несколько раз, когда лечился от бронхиальной астмы в детском санатории, что на 16 станции Большого Фонтана, в Одессе. Её нельзя было не запомнить. Мало того, что она была внешне очень красива. От неё

исходила доброта, нежность, какое-то трудно описуемое обаяние. Зюня и Рахиль стали учителями в родном городе Рахили, где жили её родители. Жили счастливо до самой войны.

На второй день войны, 23 июня 1941 года Зюню мобилизовали в лётную часть (он параллельно с институтом учился лётному делу и закончил одесский аэроклуб). 28 июня мы получили от него открытку, полную ненависти к фашистам и патриотических чувств к своей Родине. И это была последняя весточка о моём среднем брате, которого я очень любил и который того стоил. Никаких вестей о нём мне так до сих пор и не удалось получить. Скорее всего он погиб в воздушном бою с фашистами.

Нет до сих пор никаких достоверных сведений и о его жене Рахили и её родителях. По всей вероятности им не удалось бежать из пограничной Славуты и их постигла та же участь, что и всех евреев, оставшихся на оккупированной немцами территории.

Мой старший брат Сёма, после смерти родителей, трудился на разных должностях районного масштаба (старший пионервожатый района, секретарь райкома Красного Креста, директор кинотеатра, начальник второй части райвоенкомата). Несмотря на отсутствие высшего образования (он закончил только среднюю школу), Сёма обладал глубокими знаниями, большими организаторскими способностями и пользовался авторитетом и уважением у местного руководства и населения города. Он принимал также активное участие в общественной и культурной жизни Красилова. Обладая незаурядными музыкальными способностями и хорошим голосом, Сёма был непременным участником художественной самодеятельности, а исполненная им роль Петра в спектакле «Наталка-Полтавка» произвела фурор в масштабе района. С этого начался его роман с исполнительницей роли Наталки в этом спектакле Шурой Ковшар, приведший к их женитьбе в 1936 году.

Шура, к тому времени, стала вдовой пожарника, погибшего при исполнении служебных обязанностей, и воспитывала сына Андрея восьми лет. Она была на 4 года старше Сёмы, но очень красива и моложава, из-за чего разность в их возрасте была почти незаметна.

Помню недовольство Зюни и всех наших родственников выбором Сёмы. Всем им, конечно, хотелось чтобы Сёминой невестой стала еврейская девушка. Многие красивые, образованные девушки из еврейских семей не сводили глаз с нашего старшего брата – весёлого, красивого, высокого роста, умницу и эрудита во многих областях знаний, но Сёма был непреклонен. Ему по душе была только украинка Шура и никаких других девушек он не замечал.

Верность в любви была особенностью мужчин Гимельфарбов. Наверное они унаследовали её от отца своего и передали по наследству сыновьям своим.

Шура с Андреем переселились в наш дом и мы стали жить одной семьёй. Казалось, мы с Полечкой этому должны были только радоваться. Шура нигде не работала и могла уделять достаточно внимания нам и домашнему хозяйству. К тому же, она, вроде, хорошо к нам относилась и в её поведении в первые годы нашей совместной жизни не чувствовалось особенно большой разницы в отношениях ко мне с Полечкой и к её родному сыну Андрею.

Тем не менее, появление в доме Шуры не только не вызвало радости, а наоборот вселило в нас какую-то тревогу. Нами овладело предчувствие чего-то недоброго, которое, как показало будущее, нас не обмануло.

Новая хозяйка дома, вопреки нашим ожиданиям, мало уделяла внимания домашнему хозяйству, кухне и детям. Она по-прежнему активно участвовала в художественной самодеятельности, любила повеселиться и приглашать в дом гостей к обилию закусок и выпивки.

Расходы в нашей семье возросли, а доходы остались прежними. Сёма работал один и ему всё труднее было обеспечить нас всем необходимым. Особенно это касалось детей. Чем старше мы становились, тем больше требовалось средств на одежду, питание, школьные принадлежности и пособия. Начиная с седьмого класса я стал подрабатывать. Рисовал лозунги к праздникам и другую наглядную агитацию, а когда Сёму назначили директором кинотеатра, стал продавать билеты на киносеансы. Конечно, заработки были небольшими, но на книги и школьные принадлежности мне и Полечке хватало.

По-прежнему ждали посылок от тёти Фримы и до самой войны донашивали одежду и обувь её детей – Муни и Фани, которые были на несколько лет старше меня и моей младшей сестрёнки.

Учились мы с Полечкой отлично и приносили Сёме одни благодарности со школы и Почётные грамоты. Нужно сказать, что и после женитьбы он во всём заменял нам отца, чутко относился к нашим нуждам и внимательно следил за нашей учёбой.

6

В конце 30-х годов Гитлер развязал войну в Европе, а в 1939-м году его армия вторглась в Польшу. Началась Вторая мировая война. В сентябре того же года СССР и Германия заключили договор о ненападении, согласно которому часть польских земель (Западная Украина и Западная Белоруссия) были включены в состав Украинской и Белорусской ССР. Граница отодвинулась на запад. Немецкие войска двинулись на Францию и другие европейские страны. Казалось, что война нам непосредственно в ближайшие годы не грозит, но жизнь ещё раз подтвердила хищническую сущность фашизма.

22 июня 1941 года Гитлер, нарушив договор о ненападении, внезапно начал войну против Советского Союза. Красная Армия к войне оказалась неподготовленной и немцы стремительно продвигались вглубь страны. Над Красиловым стройными рядами пролетали немецкие самолёты, не встречая заметного сопротивления советской авиации и зенитной артиллерии. Они бомбили Киев, Минск, Севастополь и другие города, сбрасывали смертоносный груз на отступающие войска и бежавшее в тыл мирное население.

Из рассказов бежавших из Польши евреев мы узнали о трагической судьбе их родственников, оставшихся на оккупированной немцами территории. Стало ясно, что надо бежать, но реальной возможности эвакуации у Красиловских евреев не было. Для этого нужен был транспорт, деньги и время. У большинства же жителей нашего местечка, включая и многочисленных наших родственников, этого как раз и не было и они были вынуждены остаться.

Их эвакуации помешала в большой мере и необъективная информация о реальном положении дел на фронте. Согласно ежедневных сводок советского Информбюро бои на протяжении всей первой недели войны шли, в основном, на всём протяжении западной границы, в то время как в действительности немцы за это время продвинулись вглубь территории страны на 250-300 км. Жители нашего местечка в этом смогли убедиться по бегству семей партийного и советского руководства, а также по гулу доносившейся из окрестностей артиллерийской канонады.

С Бэзей. 1941 год.

Вечером 28 июня 1941 г., когда уже почти никаких реальных надежд на эвакуацию не оставалось, к крыльцу нашего дома подкатила полуторка, из кабины которой выскочил Сёма и приказал нам собираться в дорогу. На сборы он дал нам 30-40 минут. Ему было поручено срочно вывезти сейфы с документацией райвоенкомата в г. Винницу и разрешили, в виде исключения, взять с собой жену и детей. Шура родилась в Немирове, что под Винницей, у неё там жили близкие родственники и такой вариант бегства из прифронтового Красилов казался нам тогда очень удачным. Сёма уверял нас, что отступление Красной Армии вызвано только внезапностью нападения немцев и что в ближайшее время начнётся контрнаступление наших войск и мы сможем вскоре вернуться домой.

Наскоро собрав несколько сумок самых необходимых на пару месяцев вещей и еды на дорогу, мы быстро погрузились в машину и, когда уже были готовы отправиться, зашли попрощаться с бабушкой Шейвой и её дочерью Хавале, что жили во второй половине дома. Они, со слезами на глазах умоляли нас взять с собой хотя бы маленького Лёвочку, если невозможно взять и его мать, но Сёма категорически исключил такую возможность, ссылаясь на строгий запрет военкома и суровые законы военного времени. Позднее он признавался, что мог бы рискнуть взять с собой мальчика, но боялся ответственности за его судьбу в отсутствие матери. К тому же ему было приказано немедленно возвращаться в Красилув после доставки документации, а доверить ребёнка Шуре он не решался.

С другими нашими многочисленными родственниками нам не удалось даже попрощаться и о их трагической судьбе я узнал только в конце войны. Все они, как и семья бабушки Шейвы, погибли в Красиловском гетто.

Успел я попрощаться только со своим другом Безей Зильберштейном. Мы вместе учились с первого класса еврейской школы, вместе попали в пятый класс семилетней украинской (бывшей польской) школы, а после её окончания поступили в восьмой класс единственной в местечке средней школы. Он жил по соседству на той же Шоссейной улице и мы вместе проводили всё свободное внешкольное время, вместе играли в футбол и волейбол в школьных командах, вместе гуляли в городском парке с одноклассниками, а перед самой войной уже и с одноклассницами. Безя был моим лучшим другом. Мы даже успели с ним сфотографироваться в первые дни войны и эта фотография, вместе с фотографией моего отца,

оказались единственными, что чудом сохранились в моём комсомольском билете при тяжёлом ранении на фронте.

7

Меня, Полечку, Шуру и её сына Андрея Сёма благополучно доставил в Немиров, где нас радушно встретили родственники Шуры. Он только успел наскоро перекусить с дороги, попрощался с нами и уехал со своими сейфами в Винницу. Не знал я тогда, что прощаюсь с Сёмой на долго, а бедная моя сестрёнка не предполагала, что больше никогда не увидит своего любимого старшего брата, заменившего ей отца.

Сёма 1941 год

Здесь ещё многое напоминало мирную довоенную жизнь. В магазинах было обилие продуктов, работали все предприятия и организации и даже ещё не успели обклеить бумажными полосками стёкла окон от бомбёжки. Казалось, что мы на самом деле в глубоком тылу и немцев сюда никогда не допустят. Но так только казалось. Полным ходом шла мобилизация военнообязанных. В начале июля по радио стали появляться сообщения о том, что наши войска оставили приграничные города. Узнали мы и о падении Проскурова – центра нашей области. Понятно было, что в оккупации оказался и наш Красилов, где остался наш дом и все наши родственники.

В Немирове проживало много евреев, но никаких примет эвакуации пока не замечалось. На улицах ещё беспечно играли дети, а по вечерам гуляла молодёжь.

Родственники Шуры были очень добры ко мне и к Полечке. Особенно тепло к нам относились тётя Анята, тётя Люба и Ирина Присыч, чего нельзя сказать о самой Шуре. Она всё более открыто стала проявлять неприязнь к нам и начала искать варианты как от нас избавиться. Причиной тому, конечно было наше еврейское происхождение, которое могло создать опасность для неё, её семьи и особенно для Андрея. Она скрывала от соседей, что мы евреи и не позволяла нам встречаться с еврейскими детьми. Мне она велела забыть своё еврейское имя Натан и тем более Нюня, как меня звали дома и на улице. Натан, говорила она, это по украински Анатолий, Толя. Так называли меня и её родственники, знакомые ребята. Так, с тех пор, стали звать меня в армии, институте и даже дома.

Правда, в документах своих я никогда имени своего не менял и всю жизнь назывался Натаном, как называли меня родители. Только один человек никогда не называл меня иначе, как Нюнечка. Это моя сестрёнка – Полечка.

Нас познакомили с соседскими ребятами, в основном украинскими детьми, с которыми мы быстро подружились. Особенно тёплые отношения у меня сложились с племянником Шуры – Женей Ладубой, который был на год старше меня.

Внешне мы абсолютно ничем не отличались от украинских ребят. Мы говорили на чистом украинском языке и внешне не обладали никакими характерными признаками, присущими только еврейским

детям. Особенно была похожей на украинку Полечка. Вероятно этому способствовала жизнь в украинской семье с детского возраста и учёба с первого класса в украинской школе.

Отношение к нам Шуры с каждым днём становилось хуже и мы стали всё реже оставаться дома. Часто мы находились у тётки Анюты и нередко оставались у неё ночевать. Она была примерно одного возраста с Шурой и воспитывала трёхлетнего сынишку Бореньку. Её мужа Михаила арестовали в 1937-ом году, как врага народа, также как и нашего дядю Айзика, как были арестованы тысячи других ни в чём не повинных людей.

Она осуждала отношение Шуры к нам и иначе как изменой его не называла. Тётя Анюта считала, что Шуре нужно эвакуироваться из Немирова, пока не поздно, а не бросать нас на произвол судьбы.

А между тем опасность прихода немцев всё нарастала. В сводках Совинформбюро стали появляться названия всё новых городов Украины, оставленных Красной Армией.

Утром, третьего июля, объявили о предстоящем в этот день выступлении по радио Сталина. Этого давно с нетерпением все ждали. В Сталина тогда все ещё верили, как в Бога. Лично я тогда ожидал, что наш вождь и учитель, как тогда называли Сталина, успокоит народ, объяснит причины временных неудач Красной Армии и пообещает, что в ближайшее время положение на фронте коренным образом изменится.

К сожалению, ничего такого не случилось. Сталин предупреждал о возможности оккупации немцами новых районов, признал, что идет речь о жизни и смерти советского государства и призывал, уходя в тыл, уничтожать все материальные ценности и ничего не оставлять врагу. Стало ясно, что война будет долгой и трудной, что никакого контрнаступления в ближайшее время не ожидается и что из Немирова нужно уходить, как можно быстрее.

На следующий день после выступления Сталина началось массовое бегство населения из города. Бежали, конечно, главным образом евреи и семьи партийных и комсомольских работников. Районное начальство, как и в Красилове, вывезли своих домочадцев на машинах, а другие пытались использовать все возможные подручные средства. Кому удалось добыть конный транспорт, кто двинулся пешком на Винницу, кто попытался пригородными поездами выехать.

Железной дороги с нормальной колеей в Немирове не было. Была только узкоколейка до Винницы. Поэтому ожидать организованной эвакуации железнодорожными эшелонами, как это практиковалось на узловых станциях железной дороги, не приходилось.

Попытались и мы с Полечкой бежать пригородным поездом, но безуспешно. Попали под бомбёжку и еле живы остались. Стало ясно, что вдвоём нам из Немирова уйти не удастся. Если Полечка ещё могла сойти за украинскую девочку, приехавшую погостить на летние каникулы к своим родственникам в Немиров (а именно такую версию придумала тётя Анюта), то моё еврейское происхождение, зафиксированное по еврейской традиции моими родителями при моём рождении, скрыть было никак невозможно. Более того, я бы своим еврейским происхождением и сестрёнку выдал.

Как не страшна была сама мысль оставить малолетнюю Полечку одну в чужом городе, но я всё больше склонялся к ней, как к единственной возможности её спасения.

Тётя Анюта предложила Полечке остаться у неё, уверяя нас в том, что никому и в голову не взбредёт заподозрить её в том, что она еврейка. У них сложились очень хорошие отношения. Полечка была работающей девочкой и без дела никогда не сидела. Она и в огороде работала, и за ребёнком смотрела, и скотину кормила. Тётя Анюта была очень доброй, участливой и совестью женщиной. Можно было не сомневаться, что она не предаст Полечку.

Была надежда и на то, что немцев всё же вскоре прогонят и мы опять будем вместе и с Полечкой и со старшими братьями своими Сёмой и Зюней. О них с войны никаких вестей не было.

Эти мысли не давали спать всю ночь. Утром к тётке Анюте зашёл Женя Ладуба – семнадцатилетний парень – родственник Шуры по первому мужу. Мы дружили с ним с первого дня нашего приезда в Немиров. Он был старше меня всего на год, но выглядел уже настоящим мужчиной – высокий, здоровый, спортивного сложения и очень приятной внешности. Он пришёл попрощаться, так как получил повестку из военкомата на призыв для отправки в тыл. Такие повестки получили все ребята, которым исполнилось семнадцать.

Тут и родилась у меня мысль попытаться уйти с Женей. Он горячо поддержал меня и обещал в этом помочь. Мы побежали в военкомат, где Женя представил меня, как своего родственника, бежавшего из под Проскурова без документов. Он заверил майора в том, что мне в июне исполнилось семнадцать. Тот критически осмотрел меня и вряд ли поверил Жене, но пожалел подростка с явно еврейским именем и фамилией. Меня внесли в список допризывников и предупредили о выходе колонны из Немирова пешим маршем утром следующего дня.

Тётя Анюта моё решение поддержала, считая его единственной реальной возможностью, дающей хоть какие-то шансы для нашего выживания. С Полечкой случилась же просто истерика. Её нельзя было успокоить никакими уговорами и обещаниями. Не могла тогда понять моя младшая сестрёнка, что вместе в оккупированном немцами Немирове нам уцелеть будет абсолютно невозможно, а порознь такая возможность не исключалась.

8

Утром, 9 июля 1941 года, колонна допризывников пешим маршем уходила из Немирова. Среди провожающих была и моя Полечка. Она проплакала всю ночь и теперь бежала за колонной, причитая в слезах: «Не оставляй меня одну, Нюничка!».

Несмотря на полную убеждённость в правоте своего решения, я чувствовал себя подобно изменнику, который предал любимого и самого дорогого для меня человека. Я уже был готов убежать из колонны и вернуться с Полечкой в город, чтоб разделить с ней предстоящие страдания. Только благодаря моему другу Жене Ладубе я не сделал этого. Именно ему удалось предотвратить неразумный поступок, который безусловно привёл бы нас обоих к роковым последствиям.

Под палящим июльским солнцем, с тяжёлыми вещмешками на плечах мы двигались на восток со скоростью 5 километров в час. Медленнее идти нельзя было, ибо немцы наступали примерно с такой же скоростью и мы могли быть застигнуты ими на любом привале. Уже после первого дня нашего марша, пройдя около 40 километров, я почувствовал себя настолько уставшим, что казалось не смогу подняться и двигаться дальше по команде «Подъём!».

И тут на помощь вновь пришёл Женья. Он был старше, сильнее и здоровей меня. Он был рядом и этого оказалось достаточно, чтобы почувствовать себя уверенней, спокойней и надёжней.

С каждым днём становилось всё труднее. В небе постоянно кружили немецкие самолёты. Они безнаказанно летали над нами и ни разу не приходилось видеть там наши советские самолёты. Мы недоумевали: где же наши ВВС, которые летают выше, дальше и быстрее всех?

Начались бомбёжки и появились первые потери. Раненых и больных оставляли в сельских медпунктах и у местных жителей для оказания помощи и отправки в тыл. У многих опухли ноги, у других проявились разные недуги, а некоторые и симулировали болезнь, чтобы избежать тяжёлой, изнурительной и опасной дороги в неизвестность.

Нередкими стали и побеги. Бежали в надежде вернуться домой, а некоторые убегали в ближайшие сёла, где рассчитывали на приют у местных жителей. Вскоре в нашей колонне еврейские ребята оказались в большинстве. Им некуда было бежать. Даже в случаях ранений или болезней они отказывались оставаться в украинских сёлах и просили оставить их в отряде.

Я очень боялся своего хронического недуга – бронхиальной астмы, которой я страдал с детства и до самой войны. Я, конечно, умолчал о своей болезни, когда уговаривал майора в военкомате включить меня в список призывников. Об этом не знал даже Женья. В случае простуды мой хронический недуг мог свалить меня и тем самым исключить возможность оставаться в отряде. Уже было несколько случаев, которые вполне могли спровоцировать простуду, но всё обошлось. Я потом нередко удивлялся тому, что даже в худших условиях военного времени не стал более восприимчивым к простуде и моя астма более не напоминала о себе.

Мы продолжали свой путь на восток, а вслед за нами шли немцы. Вернее они не шли, а двигались на автомашинах, мотоциклах, танках, самоходных орудиях и других транспортных средствах. Двигались по земле, воздуху и воде и казалось тогда, что нет такой силы, которая могла бы остановить их движение на восток.

Мы уже не могли больше двигаться со скоростью 5 километров в час и нам приходилось больше времени быть в пути, а на отдых оставалось меньше часов. Трудно было с питанием. Были дни, когда мы просто голодали.

По мере приближения к Днепру, воздушные налёты стали более частыми, а наше продвижение на восток более медленным и трудным. Нас теперь подымали в три часа ночи и до утра мы успевали пройти около двадцати километров. В это время нас меньше бомбили и потерь было меньше.

На подступах к Днепропетровску тысячи людей рыли противотанковые рвы. То были женщины, старики и подростки. Работали вручну под палящим солнцем.

22 июля, через месяц после начала войны, мы, наконец вышли к Днепру, севернее Днепропетровска. Здесь мы узнали, что в этот день немецкие войска вошли в Немиров – родной город сотен подростков нашей колонны, которая вот уже две недели с невероятными трудностями двигалась на восток. Там, в Немирове, осталась моя Полечка. С этого дня начался отсчёт 960 дней оккупации города, лишившей жизни тысяч его жителей и в первую очередь всего еврейского населения.

Подвели итоги первой половины пути. До конечного пункта - Ворошиловограда, находящегося на самой восточной окраине Украины оставалось примерно такое же расстояние, но пройденный путь был, безусловно, более трудным и опасным. Наша колонна уменьшилась в численности в два раза и из десяти отрядов сформировали пять.

Наш марш по восточной части Украины проходил значительно легче и спокойнее. Здесь ещё во многом чувствовался тыл. Воздушные налёты были более редкими и потери убитыми, ранеными и от болезней сократились. Стало несколько лучше с питанием. Проходя по сёлам Полтавской, Харьковской и Ворошиловоградской областей левобережной Украины, мы могли пополнить свои продовольственные запасы, нас угощали хлебом, молоком, картошкой, а иногда даже мясом и колбасой.

День за днём сокращалось расстояние до конечного пункта и, наконец, 23 августа мы вошли в Ворошиловоград. Город произвёл большое впечатление. Исправно работал городской транспорт, у магазинов были большие очереди за продуктами, работали ещё заводы и фабрики.

Во дворе облвоенкомата, где мы остановились, нас приветствовал сам военком, который высоко оценил нашу выдержку, стойкость и мужество во время похода, который он назвал героическим. Нам был обещан недельный отдых в пригородном совхозе «Родина».

В сопровождении работника военкомата мы прибыли в совхоз, где нас разместили в классных комнатах школы и покормили вкусным обедом. Улеглись спать на свежем сене. Давно уже наш сон не был таким крепким и сладким.

Хоть отдыхом в полном смысле слова эту неделю жизни в совхозе нельзя было назвать, но по сравнению с нашей жизнью в прошедший месяц, её с полным основанием можно назвать райской. Мы работали вместе с рабочими совхоза в поле, на уборке урожая. Продолжительность рабочего дня равнялась продолжительности светового дня. Уходили на рассвете и возвращались на закате солнца. А вечером пели песни и танцевали с сельскими девушками.

Но наша райская жизнь быстро кончилась. Девятого августа, ровно через месяц после выхода из Немирова, нас отправили на строительство оборонительных сооружений вдоль правого берега Днепра, в район Запорожья.

Ехали в товарных вагонах со скоростью пассажирского поезда. В итоге наш поезд прошёл расстояние от самой восточной окраины Украины до Днепра, которое мы недавно с трудом преодолели за две недели, всего за одни сутки.

Работа по строительству оборонительных сооружений заключалась в рытье противотанкового рва глубиной четыре метра и шириной шесть метров. Этим здесь занимались тысячи людей, мобилизованных из Запорожья и других городов и сёл ближайших районов. В большинстве своём это были женщины и пожилые мужчины, не подлежавшие призыву в армию. Были и юноши – ученики старших классов и студенты. Каждому следовало выбросить на гора из котлована шесть кубометров грунта. Работа выполнялась вручную с помощью лопат, ломов и одноколёсных ручных тележек. Поскольку выполнить такое задание за восемь часов было невозможно, работали весь световой день.

Ребята из нашего отряда в первые дни работали очень дружно и организовано и умудрялись выполнить дневные задания своевременно. Для этого были организованы бригады из шести – семи человек, где каждый выполнял свою операцию. Только благодаря этому я мог в составе бригады выполнить норму. Но так продолжалось только несколько дней. В середине августа начались налёты немецких самолётов. От бомб и пулёмтных очередей погибали десятки участников строительства.

Получили ранения несколько ребят из нашего отряда. Мы пришли к выводу, что делаем дурную работу. В конце концов наши сооружения, если даже они и будут построены, окажутся бесполезными, так как немцы вполне смогут их обойти и форсировать Днепр в другом месте, где таких сооружений нет, а построить их по всей длине реки за короткое время практически невозможно. Со стройки начались побеги. Нам бежать было некуда и мы решили, что самым верным решением в сложившейся обстановке было попытаться добровольно уйти в армию.

По соседству с нами, в Гуляй-Поле располагался стрелковый полк и мы с Женей обратились к командиру полка с просьбой зачислить нас бойцами в эту воинскую часть. Нам сперва в этом отказали, ссылаясь на существующий порядок мобилизации в армию через военкоматы, но нам как-то удалось убедить майора в том, что следовать этому порядку у нас нет никакой возможности. Немцы рядом и мы либо погибнем в очередной бомбёжке, либо окажемся у немцев через пару недель. В конце концов он было согласился зачислить в часть только Женю, так как он выглядел старше и здоровее меня, но затем, видимо учтя моё еврейское происхождение, сделал снисхождение и дал команду выдать нам обмундирование и покормить нас. Итак, мы стали солдатами 973 стрелкового полка 270 стрелковой дивизии.

9

Трудно сказать чему мы радовались. Положению солдата в отступающей, терпящей одно поражение за другим Красной Армии в то время можно было не завидовать, а мы на самом деле были искренне рады тому, что, наконец, нашли своё место в войне с коварным врагом, что перестанем скитаться, подвергая себя смертельной опасности, а главное не принося никакой пользы ни себе, ни обществу.

Нас определили в пулёмтный взвод, которым командовал лейтенант Иван Скиба – недавний выпускник пехотного училища. По возрасту он был чуть постарше нас, но всем своим видом старался подчеркнуть свою должность и воинское звание. Командир наш был

подчёркнуто строг, но за этим просматривалось доброе, заботливое и я бы даже сказал почти дружеское отношение к нам. Может причиной тому был наш возраст (во взводе, кроме нас были одни пожилые бойцы, мобилизованные из сельских районов Одесской области), а может понравилось наше отношение к службе и интерес к пулемётному делу, о котором мы не имели до этого малейшего понятия. Как бы там ни было, но мы были довольны своим начальством и лейтенант Скиба нам понравился с первого взгляда.

Нас обучили стрельбе на реальном образце пулемёта, который любовно назывался «Максимом». Женя, как старший по возрасту, выполнял обязанности «первого» номера, а я стал его помощником в качестве «второго» номера.

Командиром нашего отделения был Василий Степанович Хвыля – бывший колхозный комбайнер, мобилизованный в первые дни войны. Золотые руки были у нашего командира. Казалось он всё умел и всё у него получалось. К нам с Женей Василий Иванович относился по отечески тепло, уделял много времени нашему обучению военному делу и армейской жизни.

Вспоминая отношение к нам, мальчишкам, добровольно ушедшим в Армию в начале войны для защиты своей Родины от вероломного врага, не могу не коснуться проблемы «дедовщины», волнующей российское общество теперь, по истечению шестидесяти лет после Отечественной войны. Наверное, причиной жестокого, несправедливого отношения к новобранцам в российской Армии, издевательств над новичками является безидейность. В Армии теперь служат только по принуждению. Нет ясной цели, идеи, которые звали молодёжь в Армию и порождали высокую и сознательную дисциплину, отвагу и массовый героизм солдат и офицеров.

Женя не раз говорил, что нам здорово повезло с начальством в нашей армейской жизни. А ещё повезло нам в том, что наш полк ещё целую неделю находился на переформировании и не участвовал в боевых действиях. Мы понимали, что дни нашей «мирной» жизни сочтены и предчувствие нас не обмануло.

Вскоре стало известно о передислокации нашей дивизии в район Днепропетровска для участия в обороне этого крупного промышленного центра Украины и важного узла обороны на подступах к Днепру.

В конце августа начался пеший десятидневный марш на север. В день с трудом преодолевали расстояние в 25-30 километров. Значительно меньше чем при нашем недавнем бегстве из Немирова в Ворошиловоград. И тому были веские причины. Такая скорость оказалась предельной при полной солдатской экипировке. Кроме вещмешка с сухим пайком и личной утварью, шинели, скатанной в рулон и накинутой через плечо, сапёрной лопаты и ружья, что несли на себе солдаты других подразделений, нам, в пулемётном взводе, пришлось тащить на себе и пулемёты в разобранном виде.

Когда прошли первые десять километров и был объявлен первый привал, мы почувствовали не только предельную усталость, но и ощутимую боль в плечах и суставах от непосильного груза. Особенно трудно было идти днём под палящим августовским солнцем.

Теперь, на примере нашей дивизии, мы отчетливо могли понять реальное положение в «легендарной и непобедимой» Красной Армии в начале Великой Отечественной войны. В то время, когда немецкие солдаты в мотострелковых частях были вооружены легкими автоматами новейших конструкций, наши красноармейцы в пехотных частях пользовались, в основном, устарелой тяжёлой винтовкой со штыком. Если немцы практически не совершали пешеходных маршей, а перемещались на современных транспортных средствах, то наши бойцы и командиры преодолевали многокилометровые переходы пешком, таская на себе полуторапудовый груз оружия, боеприпасов, снаряжения, амуниции и продуктов питания. Тогда как немецкие мотострелковые части имели постоянную поддержку и прикрытие танковыми и авиационными подразделениями, не говоря уже об артиллерийской и миномётной подготовке каждой операции, наши пехотные полки и дивизии в то время могли рассчитывать только на себя и свои собственные слабо оснащённые миномётные и пулемётные части, неспособные противостоять танкам и артиллерии противника.

Ни в какое сравнение с немецким было и наше обмундирование. Даже кирзовые сапоги мало кому доставались. Основной обувью были тяжёлые, как кандалы, солдатские ботинки с обмотками. На меня, к примеру, и такие ботинки подходящего размера подобрать не могли и я в первый же день марша к линии фронта натёр себе мозоли на ногах.

По мере приближения к Днепропетровску всё более чувствовалась близость фронта. Слышна была стрельба орудий и разрывы бомб на близком расстоянии. Вскоре наш полк подвергся первой бомбёжке, результатом которой были первые жертвы. В нашем взводе погибло несколько красноармейцев. Другие получили ранения. Налёты немецких самолётов затем продолжались ежедневно.

Наше продвижение к линии фронта замедлилось. Мы теперь двигались маршем только в ночное время и в нелётную погоду днём. Как-то в начале сентября нас обогнала колонна советских танков, а в небе над нами пронесли несколько звеньев краснозвёздных самолётов. Это были первые советские танки и самолёты, которые мне пришлось видеть с начала войны. Как нам тогда объяснили, они шли на выручку нашим войскам, окружённым немцами в районе столицы Украины – Киева.

К линии фронта подошли ночью и с ходу начали окапываться. Впереди был противотанковый ров и минное поле. Работали почти без отдыха двое суток. Рыли траншеи, окопы, ходы сообщения. Днём укрывались от бомбёжки, а ночью работали. На третий день подверглись первой атаке немцев и отразили её достойно. У наших траншей немцы оставили несколько десятков трупов своих солдат и мы стали обладателями первых важных для нас трофеев. Сменили ружья на легкие немецкие автоматы, заменили свои тяжёлые ботинки с обмотками на добротные германские сапоги и ботинки, полакомились вкусными галетами, конфетами и шоколадом.

Попытки немцев преодолеть наши оборонительные рубежи под Днепропетровском продолжались на протяжении всей недели и были такими же для них безуспешными. Однако, наши потери от миномётного и

артиллерийского обстрела, а главное, от почти непрерывных бомбовых ударов немецкой авиации всё возрастали.

После непродолжительного затишья немцы возобновили атаку с участием танков. Когда и эта атака была отбита стало ясно, что очередную атаку уже некому будет отражать. Только убитыми наш взвод потерял 15 бойцов, а ранений избежать не удалось практически никому. Ранение в предплечье и живот досталось и мне.

Вскоре стало известно о прорыве фронта севернее Днепропетровска и угрозе окружения нашей дивизии. Был получен приказ об отводе дивизии на переформирование. После трёхдневного пешего марша мы оказались в пригородном совхозе, где получили пополнение личного состава и вооружения.

Здесь же стало известно о крупном поражении наших войск под Киевом. 19 сентября 1941 года немецкие войска вошли в столицу советской Украины. Это известие оказало ужасное воздействие на моральное состояние наших войск и усилило паническое настроение в отступающей армии.

На одном из очередных политзанятий нам сообщили, что наш полк, отличившийся на подавлении немецких десантов и в боях на подступах к Днепропетровску, направляется на выполнение очередного важного боевого задания – уничтожение крупного вражеского десанта, внезапно ворвавшегося в город Красноград Харьковской области. Нам поведали почти неправдоподобную историю высадки этого десанта. На одной из прифронтовых станций немцы сформировали «санитарный поезд» из товарных вагонов с красными крестами на стенах и крышах, усадили в эти вагоны вооружённых до зубов солдат, погрузили в них миномёты, пушки и даже легкие танки и в сопровождении команды бывших советских врачей – предателей, возглавляемых «начальником госпиталя» в форме подполковника медицинской службы, отправили за линию фронта. Об отправке эшелона с эвакогоспиталем сообщалось по маршруту его следования и поезд пропускали на восток впереди всех других эшелонов. При том хаосе, который в то время существовал в прифронтовых железных дорогах, такое оказалось возможным.

На станции Красноград ворота теплушек одновременно раскрылись, немецкие солдаты овладели вокзалом, а затем, без труда преодолели сопротивление небольшого гарнизона города.

Десанту удалось быстро закрепиться и, используя выгодные природные условия прилегающей местности, превратить этот сравнительно небольшой городок в хорошо укреплённую военную крепость.

Утром следующего дня нас на автомобилях (впервые за всё время войны) отправили к месту предстоящего сражения. Разгрузились в небольшом селе и на рассвете, после короткого отдыха, двинулись к городу. В операции участвовали и другие воинские части. Навстречу двигались раненые из частей, которые уже пытались освободить город.

Атаку начали на рассвете и, как нам казалось довольно удачно. Город был подвергнут интенсивному миномётному обстрелу. Штурмом овладели позициями немцев на окраине и двинулись к центру. Немцы беспорядочно отступали. Многие погибали под огнём наших миномётов и

стрелкового оружия. Не часто доводилось нам раньше видеть бегущих от нас немцев в этой войне. Когда уже как будто не оставалось сомнений в успехе операции, мы услышали шум моторов и вскоре увидели несколько танков, движущихся со стороны поля, прилегающего к городу. И хотя танки были лёгкими и их было немного, этого оказалось достаточно для паники. Немцы пошли в контратаку под прикрытием града огня из всех видов оружия, включая пушечный обстрел из танков. Первыми дрогнули новички. Мы видели как двинулись в обратную сторону части других подразделений, участвовавших в штурме города.

В этом бою мы ещё раз смогли убедиться в том, какую роль играли танки в первый год войны. К сожалению, мне не приходилось ни разу быть свидетелем участия советских танков в операциях наших войск, что, наверное, и стало одной из основных причин позорного отступления.

Наш отважный лейтенант Скиба дал команду отходить и мы короткими перебежками, отстреливаясь, под прикрытием домов, дворовых построек и заборов двинулись к полю и прилегающей к нему ложине. Поле обстреливалось из всех видов оружия и многим не удалось добежать до ложины. Мне и Жене это удалось и казалось, что здесь, под прикрытием кустарника нам удастся укрыться от пуль, мин и снарядов. Однако, интенсивность огня всё нарастала. Со всех сторон рвались мины, унося жизни наших солдат.

Когда я преодолел уже более половины пути и уже просматривалось поле, отделяющее ложину от ближайшего села, услышал вой мины, летящей, как мне казалось, прямо на меня. Успел прижаться к земле, но это не помогло. Я услышал взрыв большой силы и меня куда-то унесло...

Очнулся уже ночью. Я лежал в воде, покрытой тонкой коркой льда. Было холодно и хотелось пить. При попытке хлебнуть жижи, в которой лежал, из левого глаза хлынула кровь и я почувствовал острую боль в левом коленном суставе. С большим трудом пополз до стожка сена, находящемуся поблизости. Когда это мне удалось и я немного согрелся, услышал вдруг невдалеке немецкую речь и увидел машину и несколько солдат с автоматами. Они направлялись в сторону моего укрытия, осматривая по пути трупы солдат и подбирая кое-что из оружия.

Один из них, долго возился возле трупа, лежащего рядом, и стал своим тяжёлым солдатским ботинком на палец моей руки. Боль была невыносимой. Силы покидали меня из-за сильной боли и боязни быть обнаруженным немцами. Любой мой звук или движение неминуемо привели бы к этому.

К счастью всё обошлось. Немцы закончили осмотр и уехали в сторону Краснограда. Силы мои были на исходе и я отчётливо понимал, что этот день может быть последним в моей жизни. Не знал только, что станет главной причиной гибели – потеря крови и инфекция раны, голод и жажда, холод и простуда или всё вместе взятое. Чувствовал, что появился жар. Собрав последние силы, ползком двинулся по направлению к деревне. Каждое движение отзывалось сильной болью в ноге. Когда подполз к краю ложины и уже видны были белые хаты на окраине деревни совсем ослабел и то ли уснул, то ли потерял сознание. Очнулся от услышанной поблизости русской речи.

На мой зов о помощи ко мне подбежали два солдата. По наличию у них сумок с изображением красного креста я догадался, что это были наши санитары. Они напоили меня водой, дали глотнуть немного спирта и, соорудив самодельные носилки потащили меня к селу. Двигались медленно, ползком так как поле простреливалось немцами. В медсанчасти полка меня пытались покормить, но, кроме молока, я ничего не мог есть из-за ранения в челюсть. Меня раздели, сняли сапоги и перевязали раны. Санитар по имени Вася (его добродушное лицо в веснушках и рыжую шевелюру я запомнил на всю жизнь) смерил температуру и заторопился. Он уложил меня на телегу и повёз на ближайшую железнодорожную станцию. По дороге я терял сознание из-за сильной боли в ноге.

Очнулся, когда меня вносили в вагон санитарного поезда, следовавшего до станции Лозовая. Мест в вагоне не было. Меня уложили в проходе, сделали несколько уколов и я вновь потерял сознание.

Пришёл в себя только в госпитале. В палате лежали ещё несколько тяжелораненых. Молоденькая сестричка предупредила, что меня скоро повезут на операцию. Не было сил ответить. Было очень больно от любого толчка, прикосновения, или даже от стука каблуков при проходе мимо моей кровати.

Операцию делали под полным наркозом. Очнулся ночью и понял, что наложили гипс, лишивший меня возможности даже сидеть. Оказывается было ещё ранение в поясницу. Я мог лежать только на спине.

На второй день в палату привезли молодого тяжелораненого бойца, которому тут-же ампутировали ногу. Когда парень пришёл в сознание, он рассказал, что участвовал в повторном штурме Краснограда. Кроме нашего полка в нём участвовали другие воинские части, оснащённые артиллерией и танками. Много наших солдат погибло в том штурме, но город освободили.

Стало как-то легче на душе, что не зря пострадал я в том, последнем для меня, сражении великой Отечественной войны, которая по настоящему ещё только начиналась.

Для меня же начиналась новая битва за собственную жизнь, в которой трудно было предсказать, кто окажется победителем.

10

Эвакогоспиталь в Лозовой был первым этапом этой битвы, которая продолжалась в различных госпиталях и во многих городах страны на протяжении длительного времени. Здесь всё было временным и всё делалось в спешке. Главное, о чем успели позаботиться организаторы этого лечебного заведения, было завезти и разместить максимальное количество кроватей. В этом они преуспели: койки стояли почти вплоты одна к другой в классных комнатах бывшей школы и даже в коридорах. Их было в достатке. В дефиците было медицинское оборудование, лекарства, перевязочные материалы и медперсонал.

Основной задачей госпиталя было оказание первой медицинской помощи раненым, выполнение срочных хирургических операций и отправка больных в тыл. Врачи и медсёстры порой работали сутками, попеременно отдыхая по паре часов в примитивно оборудованных для этого комнатах.

По мере приближения фронта поток раненых всё нарастал. Их завозили днём и ночью, не дожидаясь наличия свободных мест. Нередко город и особенно железнодорожный узел подвергались бомбёжке и все ходячие больные уходили в бомбоубежище. Лежачие оставались при этом в палатах в надежде, что на этот раз пронесёт.

Ежедневно были обходы врачей по палатам. Мне назначались обезболивающие противовоспалительные лекарства и диетпитание. Меня поили из чайника бульонами и соками, выполняли все мои просьбы, но состояние моё не только не улучшалось, а даже ухудшалось. Не было желания есть. Боль вытеснила все чувства, в том числе и чувство голода.

Каждый день кого-то из моих соседей по палате отправляли в тыл, а меня оставляли в надежде, что моё состояние улучшится, но улучшение не наступало. Между тем, немцы форсировали Днепр и двигались на восток в направлении Харькова. Госпиталь готовился к эвакуации.

При очередном обходе главврач задержался у моей кровати дольше обычного. Вероятно, опасаясь за мою жизнь, он дал указание об отправке меня в тыл. На следующий день санитарный автобус доставил меня на вокзал, где уже загружались вагоны эвакопоезда, уходящего в Ворошиловград.

11

В пункт назначения прибыли ночью. Здесь во всём чувствовался порядок, дисциплина, стабильность. Разгрузка вагонов производилась чётко и организованно. Автомобилем скорой помощи меня доставили в стационарный военный госпиталь, где везде, начиная от приёмного отделения до больничных палат был образцовый порядок, характерный для медицинских учреждений высокого класса.

После врачебного осмотра меня доставили в палату на четыре человека с удобными кроватями, тумбочками и столом, покрытым белой скатертью. Всё здесь заметно отличалось от госпиталя в Лозовой..

Сестричка напоила чаем и велела спать до врачебного обхода. Из-за сильной боли в коленном суставе и высокой температуры уснуть до утра не мог. Стонали от боли и мои соседи. Вероятно, это была палата для тяжелораненых.

Врачи при обходе долго обговаривали план лечения и пришли к выводу о необходимости повторной операции. Назначили курс лечения. Поили жидкими супами, соками, чаем и какао. Твёрдую пищу я по-прежнему не мог принимать из-за ранения в челюсть. А ещё давали к обеду вино, а вечером кефир.

Палатный врач приходил по несколько раз в день, а сёстры дежурили круглосуточно и были очень внимательны. Лечение, уход и забота положительно сказались на моём состоянии и настроении. Появилась, хоть и слабая, надежда на выздоровление, какой-то интерес к жизни.

В палате висел репродуктор, который выключался только на ночь и послеобеденный сон. Радиопрограммы из Москвы начинались в восемь утра песней, слова которой запомнились на всю жизнь:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой

С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой».

После этого передавались последние известия. С интересом и волнением ждали утренних новостей. В эти октябрьские дни 1941 года решалась судьба Москвы. Гитлер провозгласил на весь мир, что 7 ноября на Красной площади пройдет не традиционная праздничная демонстрация в честь очередной годовщины Октябрьской революции, а парад войск немецкой армии в ознаменовании её победы под Москвой.

Из лаконичных сводок Совинформбюро складывалось впечатление, что уверенности в том, что немцев в Москву не пустят, не было. Мы заметили, что под указами Президиума Верховного Совета, которые публиковались в газетах, исчезли привычные слова: «Москва, Кремль», а указывалась только дата. Из этого нетрудно было догадаться, что из Москвы уже эвакуированы правительственные организации и учреждения.

Нужно отдать должное Сталину, который в эти тревожные дни оставался в Кремле. Его присутствие там сохраняло у народа надежду и веру в возможность остановить наступление немцев под Москвой.

Очень ждали свежие газеты в надежде узнать какие-либо приятные вести с фронта, но, к сожалению, новости были одна хуже другой. 20-го октября радио сообщило, что после семидесятидневных тяжёлых оборонительных боёв, наши войска оставили Одессу. В тылу уже остались Днепропетровск, Запорожье, Харьков и другие крупные промышленные центры.

Фронт всё более приближался к Ворошиловограду. Город ежедневно подвергался бомбёжке, а воздушные тревоги объявлялись несколько раз в день. Началась эвакуация предприятий, организаций и учреждений.

22 октября объявили о срочной эвакуации нашего госпиталя. Назначенная мне операция, на которую возлагались большие надежды, так и не состоялась.

Тяжелораненных вывозили в первую очередь и я оказался среди них. Глубокой ночью меня поместили в вагон санитарного поезда, который держал курс на Сталинград.

12

Госпиталь, куда меня определили, находился в самом центре города. Здесь раньше была одна из лучших гостиниц этого крупного промышленного и культурного центра страны.

При первом же врачебном осмотре было решено, что главное, что может спасти мою жизнь, это калорийное полноценное питание, а поскольку оно не может быть обеспечено без ремонта зубов, то с этого и следует начинать. Может быть они были по своему правы, но я чувствовал, что не это главное, ибо у меня не было никакого желания есть. Мой организм не воспринимал пищу и даже те жидкие, довольно калорийные бульоны и супы, которые меня заставляли пить и которые не требовали зубов, я пил через силу и они нередко вызывали рвоту.

Я пытался объяснить врачам, что дело не в зубах и челюсти, а в невыносимых болях, которые затмили моё сознание и лишили всяких чувств, в том числе и чувства голода.

Тем не менее на следующий день мне сделали операцию на челюсти и удалили несколько зубов. Однако, от этого аппетит не появился. Когда через несколько дней мне принесли шницель с жаренной картошкой, приготовленный по особому заказу, врачи убедились, что я был прав. Вкусное блюдо вызвало аппетит у нянечки, которая пыталась меня покормить и ей оно и досталось. Время тогда было голодное и обслуживающий персонал с удовольствием доедал всё, что оставалось от больных.

Мне сделали переливание крови и продолжали насильно поить бульонами. А боли не уменьшались. Приглашённый на консультацию профессор, осмотрев рану и рентгеновские снимки, сделал заключение, что повторную операцию на колене делать не следует, а раздробленная коленная чашечка будет вызывать сильные боли до тех пор, пока не срастётся кость. А так как силы всё больше покидали меня и возникла реальная опасность для жизни – истощение, профессор посоветовал немедленно меня эвакуировать в госпиталь санаторного типа, к примеру, на Кавказские Минеральные Воды, где специальные методы лечения и благодатный климат могут сотворить чудо.

Мою эвакуацию в тыл, наверное, ускорили ещё и ежедневные бомбёжки города, начавшиеся в конце октября. С первым санитарным поездом, следовавшим на Минеральные Воды, я был отправлен во всемирно известный город-курорт Кисловодск.

13

Курорты Кавказа тогда считались глубоким тылом и не подвергались ещё налётам немецкой авиации. Проезжая города-курорты Ессентуки и Пятигорск почувствовал благодатные особенности Кавказа. В отличие от Сталинграда, где уже лежал снег и было по зимнему холодно, здесь стояла тёплая, солнечная погода и люди прогуливались по перрону в лёгкой, летней одежде.

На привокзальной площади Кисловодска всё выглядело, как в далёкое мирное время. Цветочные клумбы, подстриженный зелёный кустарник, дорожки покрытые толчённым красным кирпичом. Ничто не напоминало о войне, если не считать преобладающее женское население. Здесь всё делали женщины, даже шоферами в автобусах работали..

Дорога к госпиталю оказалась длинной и, преодолевая боль я с нетерпением ожидал её конца. Наконец, автобус остановился перед большим и красивым зданием санатория. На фасаде ещё сохранилась вывеска: «Санаторий имени Серго Орджоникидзе». Госпиталь находился на высоком плато, откуда был хорошо виден город и просматривалась снежная вершина Эльбруса.

По широкой кольцевой парадной лестнице меня понесли на второй этаж и уложили на широкую роскошную кровать в двухместном санаторном номере, уставленном красивой, удобной мебелью и оснащённом всеми мыслимыми удобствами. Таких шикарных условий в госпиталях и в санаториях, где мне доводилось бывать, я еще не встречал и не предполагал даже, что они могут быть. Здесь до войны отдыхала партийная знать и правительственные чиновники.

Моим лечащим врачом был Марк Фрумкин – очень симпатичный, добрый и отзывчивый человек средних лет. С первых же дней пребывания в госпитале он уверял меня, что моё выздоровление зависит только от меня, от моего терпения, мужества, оптимизма, а главное от того, как я буду есть. Он почему-то был уверен, что дело обязательно пойдёт на лад.

А дела мои на лад не шли, а наоборот, медленно, но верно ухудшались. Боли, как мне казалось, не только не уменьшались, а ещё более усиливались. Еда вызывала отвращение и я явственно чувствовал свою безысходность и надвигающийся фатальный финал. Всё во мне вызывало раздражение и обиду.

Моим соседом по койке был тяжелораненый танкист Николай Павлович Серёгин. Он потерял зрение на оба глаза и лишился одной ноги, но боли он уже не чувствовал и мог на костылях двигаться по палате, пользоваться умывальником и туалетом и даже принимать душ. Я же находился всё время в лежачем положении. При этом лежать я мог только на спине. В таком положении меня кормили, поили, умывали влажной салфеткой. И когда Николай Павлович выходил из ванной после принятого душа и, фыркая от удовольствия, вытирался банным полотенцем я завидовал ему и злился. Завидовал слепому, безногому инвалиду. Мне вдруг стало ясно, что обычное отправление естественных потребностей доставляет человеку определённые положительные эмоции, а для меня они теперь были в тягость и вызывали только стыд, горечь и обиду.

Всё это, вместе со страданиями от дикой боли, усиливало пессимистический настрой и сокращало и без того малые остатки жизненных сил. Я уже почти не сомневался в том, что госпиталь в Кисловодске станет последним моим пристанищем.

Марк Михайлович, мой милый доктор, теперь подолгу сидел у моей кровати, уповая на мои собственные иммунные силы. Он всё ещё надеялся, что когда срастётся кость, наступит перелом и тогда свою чудодейственную силу возымеют мацестинские ванны. А может быть он уже и сам ни на что не надеялся и, выражая оптимизм, пытался облегчить мои страдания.

Между тем с фронта поступали всё более тревожные вести. В начале ноября немцы уже были на окраинах Москвы. Они постоянно обстреливали и бомбили город. От дежурной сестры мы узнали о прорыве линии обороны на Кавказе и наступлении немцев на Моздок и Минеральные Воды.

В сводках Совинформбюро пока такой информации не было, но на утреннем обходе начальник госпиталя предупредил о возможной срочной эвакуации тяжелобольных. Была опасность в том, что в случае сдачи немцам Минеральных Вод, Кисловодск окажется отрезанным от Северо-Кавказской железной дороги.

Утром следующего дня началась погрузка больных в автобусы. Всё делалось в спешке. Последний эшелон из города должен был уйти к вечеру. Выяснилось, что всех забрать не смогут и часть больных останется в госпитале. Не исключено было, что и я окажусь среди них. Несмотря на то, что я к тому времени уже очень мало надежд пытал на выздоровление, перспектива остаться в городе, оккупированном немцами, вызвала во мне яростное сопротивление и я обратился за помощью к Марку Михайловичу,

моему доброму доктору. В нём я нашёл и сочувствие, и поддержку в те критические часы. С помощью двух дружинок он уложил меня на носилки и буквально в последний момент втолкнул в отходящий автобус. В нём оказались также и мой сосед по палате Николай Павлович и его друг – танкист Вася Голубец.

Я удивлялся отсутствию боли при погрузке в автобус и по пути на вокзал. Как будто меня подвергли анестезии. Не чувствовал я также боль и когда носилки наспех погрузили в товарный вагон отходящего поезда. Вася стоял в дверном проёме и называл станции, мимо которых мы проезжали без остановки. В Пятигорске и Есентуках остановки были очень короткими. Была опасность, что немцы войдут в Минеральные Воды раньше, чем наш поезд туда прибудет. Когда мы уже были близки к Минводам, поезд подвергся бомбёжке и обстрелу. Немецкий самолёт летал над крышами вагонов, на которых были нарисованы красные кресты и поливал нас градом пуль из пулемёта. По крикам и стонам раненых можно было понять, что обстрел вёлся методично по рядам, с одного конца вагона к другому. С другого самолёта было сброшено несколько бомб, которые разорвались вблизи железнодорожного полотна. Израсходовав боеприпасы, самолёты улетели, оставив в вагонах много убитых и раненых. А наш поезд всё мчался вперёд.

Когда прибыли в Минводы уже слышна была перестрелка, но движением составов ещё кто-то управлял. Почти без остановки наш поезд, грохоча на стрелках, вырвался всё же из сплетения рельс и взял курс на Прохладную. Здесь мы подверглись второму ещё более интенсивному обстрелу из самолёта. Как и в первом случае не было никакого сомнения, что немцы знали кого обстреливали. Когда обстрел закончился наш поезд загнали в тупик, чтобы оказать помощь раненым и выгрузить убитых.

В вагон явились несколько женщин в повязках с красными крестами и сумками скорой помощи. Когда вынесли убитых (только в нашем вагоне оказалось двенадцать трупов) и перевязали раненых, они взялись кормить нас молочными продуктами и булками.

Сменили паровоз и поезд помчался дальше в тыл по направлению к Дербенту и Баку. Две женщины остались с нами, помогая оставшимся в живых раненым. Одна из них представилась председателем Женсовета Прохладненского железнодорожного узла. Её звали Лидой Смыковой. Ей было уже за тридцать и она была хороша собой. Ко мне Николаю Павловичу и Васе Лида была особенно внимательна и во всём старалась помочь нам.

Дважды ещё по дороге к Дербенту мы подвергались бомбёжке и обстрелу, что стоило жизни ещё шести раненым. В Дербенте была небольшая остановка. Вынесли убитых, перевязали раненых. Больше нас не бомбили и не обстреливали и мы благополучно прибыли в Баку.

14

Здесь был глубокий тыл. Сюда немецкие самолёты не долетали, но правила светомаскировки всё же соблюдались. Вокзал и улицы города освещались синим светом.

Нас быстро выгрузили из вагонов и автобусами доставили на окраину города к пятиэтажному зданию средней школы. При нас из

классов выгружали парты и вместо них устанавливали кровати. Уже под утро в палату вошла девушка-азербайджанка с подносом, на котором были стаканы с каким-то напитком белого цвета и предложила мне мацони. Я никогда не пил мацони и не знал, что это такое, но мне почему-то захотелось его попробовать. Я выпил стакан холодного кисловатого напитка и попросил ещё. Впервые за долгие месяцы госпитальной жизни я принимал пищу с удовольствием.

В госпитале чувствовался недостаток обслуживающего персонала. Обязанности нянечек в основном выполняли девушки старших классов соседней школы. Они же помогали и медсёстрам, которых не хватало.

Лида Смыкова и её подруга Таня Власенко, несмотря на смертельную усталость, вызванную круглосуточной нелёгкой работой по уходу за ранеными в вагоне санитарного поезда, согласились на несколько дней остаться с нами и во всём помогали по уходу за больными. Особенно внимательными они были ко мне, Николаю Павловичу и Васе.

Когда пришла пора прощаться с этими милыми и добрыми женщинами мы не могли сдержать слёз. Они обещали писать нам и приглашали на постоянное место жительства в Прохладную после выздоровления, заверив, что будем там обеспечены всем необходимым. Мы очень привязались к ним и трудно было себе представить, что они уезжают от нас навсегда.

На первом же врачебном обходе были назначены консультации у хирурга, офтальмолога и стоматолога. Как я понял стратегический план врачей по моему возвращению к жизни сводился к восстановлению в максимально короткий срок физических сил и направлению на лечение в специализированные госпитали, которых в Баку было огромное множество.

Начались многочисленные тесты, снимки, анализы. Миловидная молодая девушка перед отбором крови на анализ учинила мне допрос по поводу отказа от еды. Об этом она узнала из истории болезни. Я объяснил это сильными болями и отсутствием аппетита.

Вскоре она принесла тарелку с овощами, картошкой и селёдкой с луком, специями и уксусом. Всё это было приготовлено по домашнему и выглядело очень аппетитно. А ещё лучше выглядела девушка. Ей было не более 18 и она была очень красива. Не знаю, что тогда больше на меня действовало - обаяние девушки или аппетитный вид приготовленного ею блюда, но я умял всю селёдку с гарниром и от принесенного затем шницеля с картошкой тоже мало чего осталось. Так вкусно я давно не ел.

Девушка продолжала ухаживать за мной и приносила часто вкусную и калорийную домашнюю еду, свежие фрукты и овощи. Она сама кормила и поила меня и подолгу задерживалась у моей кровати.

Её звали Аней. Аней Гутник. Чёрные, как смола, волосы были заплетены в толстую косу. Такого же цвета глаза и полукруглые брови, небольшой, прямой носик и белое личико с постоянной приятной улыбкой. Она играла на гитаре и часто пела нам песни. Я заметил, что скучаю, когда её долго не было. Как-то она заметила, что я пишу дневник и попросила почитать. Я не смог ей в этом отказать, забыв о том, что в нём были стихи, посвящённые ей.

С тех пор она стала всё чаще навещать меня. Особенно долго она задерживалась у моей кровати в выходные и праздничные дни. Она была не разговорчивой и с интересом слушала мои рассказы о моей довоенной жизни, учёбе, о моих родителях, братьях и сестре.

Несмотря на сильные боли, лишившие меня, казалось всех человеческих чувств, отношение ко мне Аннушки не оставило меня равнодушным. Я с нетерпением ждал её прихода по утрам и мне казалось, что каждый её приход приносит новые жизненные силы, снимает боль и укрепляет надежду на выздоровление. Стал возвращаться интерес к окружающей жизни. Вновь стал слушать радио и читать газеты. Читал я их теперь часто вслух для Николая Павловича и Васи, которые лежали рядом со мной. Мы порой живо обсуждали события на фронте и в тылу.

Самым важным и тревожным тогда было положение в столице. Шли ожесточённые бои на ближних подступах к Москве. Немцы подтягивали всё новые силы, стремясь любой ценой овладеть столицей к очередной годовщине Октябрьской Революции, а защитники Москвы стояли насмерть и оказывали всё большее сопротивление. Наверное, тому способствовала военная техника, поступающая всё в большем количестве из США и из набирающих мощь военных заводов Урала и Сибири.

7 ноября на Красной площади состоялся военный парад резервных частей Красной Армии, прибывших из восточных областей страны. С трибуны мавзолея Ленина к солдатам со взволнованной речью обратился Сталин. Впервые за время войны с его уст прозвучала твёрдая уверенность в скорой победе над врагом.

Вскоре предсказания Сталина сбылись. В ноябре 1941 года линия фронта застыла под Москвой, попытка немцев обойти столицу со стороны Тулы провалилась, а в начале декабря началось успешное контрнаступление Красной Армии под Москвой.

Успехи эти, однако, были достигнуты армией и народом из последних сил. Люди в городах и сельской местности работали по 12 часов, а порой и по две смены. Сложилось тяжёлое положение с продовольствием. Основные продукты питания отпускались по карточкам. Дневная норма хлеба составляла от 400 до 800 граммов и, поскольку другие продукты выдавались в мизерных размерах, его явно не хватало. Фрукты и овощи можно было купить только на рынке по очень высоким ценам. По рассказам наших нянечек не трудно было сделать вывод, что большинство городского населения недоедает.

Понимая, чего стоила Анечке домашняя еда, которую она приносила мне, я запретил ей это делать, сославшись на то, что теперь могу уже есть и госпитальную пищу, которой мне вполне хватало. На самом деле, несмотря на трудности с продовольствием, госпитали обеспечивались продуктами по довоенным нормам, которые были вполне достаточными.

Если до приезда в Баку я испытывал отвращение к еде, что и стало причиной прогрессирующего истощения, то здесь всё резко изменилось. Врачи объясняли это нервным стрессом, перенесенным мной при переезде из Кисловодска в Баку. Может быть в этом был определённый резон, но мне лично казалось, что главной причиной тому была Аннушка. Её появление, отношение ко мне, вкусные блюда, которыми она кормила меня

с ложечки, вызывали желание есть и придавали новые силы в борьбе за выздоровление.

Трудно сейчас выразить своё отношение и чувства к Аннушке. Я никогда не высказывал их ни ей, ни, тем более, никому другому. Даже самому себе я боялся признаваться в этом. Я понимал, что её отношение ко мне было вызвано не только состраданием, а чем-то ещё более важным. Я мог о том догадываться по её доброму взгляду, нежной улыбке и какому-то потоку энергии, которую излучало это милое существо. Как бы то ни было, но я всё отчётливее чувствовал, что влюблён.

Несмотря на мои запреты, Аннушка продолжала баловать меня всякими лакомствами. Теперь это были, в основном, фрукты и овощи, которые она покупала на базаре за большие деньги. Она убеждала меня в том, что это крайне необходимо для моего скорейшего выздоровления, а ей всё это достаётся почти даром. А ещё она приносила мне книги и учебники для средней школы. Я начал готовиться к сдаче экзаменов для получения аттестата зрелости.

После ноябрьских праздников меня, Николая Павловича и Васю отправили в специализированный хирургический госпиталь, оснащённый новейшим оборудованием, в центр города. Аннушка помогла мне собраться и обещала, что мы скоро встретимся. Жаль было покидать госпиталь и расставаться с Аннушкой, которая вернула меня к жизни.

15

Госпиталь находился на Коммунистической улице в огромном здании, которое ещё недавно было главным корпусом Азербайджанского Госуниверситета. Нас поместили в спортивном зале, из которого ещё не успели снять баскетбольные корзины и убрать сетки, прикрывающие стёкла больших окон. Койки Николая Павловича и Васи были рядом со мной и мы могли общаться.

В нашей огромной палате было, наверное, около ста кроватей, между которыми были узкие проходы для обслуживания больных. По сравнению со школой, в которой размещался наш прежний госпиталь, всё здесь выглядело более внушительно и капитально. Да и лечили здесь основательно. Выполнялись самые сложные хирургические и иные операции. Моим друзьям здесь всё понравилось с первых дней, а мне всё здесь казалось чужим и каким-то казённым.

Наверное, причиной тому было отсутствие здесь Аннушки, которая прежде навещала меня ежедневно, а то и несколько раз в день, а в новый госпиталь пришла только в первый выходной. Она принесла цветы, мандарины, объяснила долгое отсутствие болезнью мамы и обещала приходить чаще.

Я не мог оказывать Аннушке знаки внимания, подобные тем, что оказывала она мне, хотя бы потому, что до сих пор не мог подняться с кровати, но и скрывать своё отношение к ней я больше не мог. При прощании с ней я говорил ей нежные слова, которые далеко не в полной мере отражали мои чувства к ней.

Между тем лечение, питание, уход и заботы Аннушки давали свои результаты и я стал чувствовать прилив сил. Боли в коленном суставе несколько поутихли и врачи решили снять гипс. Мне разрешили

понемногу подыматься с кровати, а вскоре стали учить двигаться на костылях. Я мог уже самостоятельно потихоньку добираться до столовой, в библиотеку, в клуб. Этому особенно радовался мой слепой друг – Николай Павлович. Теперь мы с ним вместе посещали киносеансы и я рассказывал ему содержание фильмов. Мы также вместе читали книги и газеты, которые брали в библиотеке. Я же больше рад был тому, что могу самостоятельно кушать, умываться, принимать душ и пользоваться туалетом.

Я был более всего озабочен отсутствием движения в коленном суставе и был готов на любые меры для восстановления его работоспособности.

Как-то Аннушка пришла в госпиталь со своей мамой, ещё довольно молодой и красивой женщиной, черты лица которой были удивительно схожими с Аннушкиными. Она принесли много лакомств и была очень внимательна ко мне. На прощание она велела мне не беспокоиться о жилье после выписки из госпиталя и заверила в том, что свободная комната, служившая раньше кабинетом для её мужа, ушедшего на войну, будет передана в моё распоряжение.

Мать Аннушки навещала меня затем довольно часто и я убедился в том, что ею владеют благородные мысли и добрые намерения. Она, наверное, смирилась с тем, что судьбою начертано было её дочери красавице-Аннушке встретить своего принца-калеку. Не было сомнений в том, что к этому она пришла только под давлением Аннушки и по её слёзным просьбам.

У меня не было абсолютно никаких сомнений в серьёзности и искренности своих чувств к Аннушке. Лучшего друга в жизни я представить себе не мог. Не вызывали сомнений и её чувства ко мне. Они уже давно перестали быть чисто дружескими. Казалось, что может быть лучше чистой, искренней любви в таком возрасте?!

В то же время трудно было представить брачный союз юной красавицы с изуродованным войной хромым инвалидом. Согласиться с этим было выше моих сил и я решил отдать всё на суд времени и врачей. Если им удастся вернуть мне движения в коленном суставе и я смогу нормально ходить, у меня не будет оснований отказываться от своего счастья.

Когда лечащий врач предложил мне механическую разработку колена на аппарате, который насильственно сгибает ногу на определённый угол, я без колебаний согласился, несмотря на предупреждение о болезненности такой процедуры.

Несколько сеансов такой терапии дали кой-какие результаты, но боль при этом была такой, что я порой терял сознание. Более того она не прекращалась и после процедур. После консультации у видного профессора-хирурга эти процедуры пришлось прекратить.

6 декабря 1941 г. – в день моего рождения Аннушка с мамой пришли в госпиталь с букетом роз и подарками. Самым ценным для меня подарком в этот день было сообщение Совинформбюро, оглашённое диктором Левитаном, о прорыве советскими войсками линии фронта под Москвой и начале крупного контрнаступления на Западном фронте.

После ужина я проводил своих гостей в вестибюль госпиталя и Аннушка впервые при матери поцеловала меня. Это был самый лучший мой День рождения за 17 лет жизни.

Возвращаясь в палату, я остановился у большого зеркала и впервые после ранения увидел себя во весь рост. Передо мной стоял низкого роста изуродованный калека, на костылях, с повязкой и многочисленными шрамами на лице. В миг исчезли чувства радости и счастья, которые только-что владели мною. Я принял твёрдое решение расстаться с Аннушкой.

На следующий день мне и моим друзьям по несчастью, Николаю Павловичу и Васе, объявили о направлении в специализированный глазной госпиталь. Нас туда отправляли вместе не только потому, что у всех троих были глазные ранения, но и потому, что знали нашу привязанность друг к другу и старались уменьшить этим наши страдания.

Вечером, как обычно, пришла Аннушка и я поделился с ней этой новостью. Она заметила грусть и уныние на моём лице от сознания моей обречённости остаться навсегда инвалидом. Мой перевод в глазной госпиталь означал, что врачи признали своё бессилие в попытке вернуть подвижность в коленном суставе.

Аннушка пыталась как-то успокоить меня тем, что принятое решение ускорит выписку из госпиталя и приблизит день, когда мы навсегда будем вместе. Она обещала навещать меня в новом госпитале также часто, как теперь, несмотря на то, что до него нужно будет добираться пригородным поездом.

Не знала тогда моя милая и добрая Аннушка, что прошлой бессонной ночью я принял очень трудное для себя, но твёрдое решение о разрыве наших отношений.

16

Глазной госпиталь в Забрате размещался в роскошном здании бывшего Дворца культуры нефтяников, основную площадь которого занимал прекрасный концертный зал с просторной сценой, современной киноаппаратурой и многочисленные помещения для кружковой работы. В этих помещениях и размещались лечебные палаты на 300 коек, а концертный зал использовался по прямому своему назначению для демонстрации кинофильмов, лекционной работы и выступления артистов.

Основателем, руководителем и главным специалистом госпиталя был профессор Орлов, возглавлявший до войны глазную клинику в Ростове и сумевший вывезти из прифронтового города в столицу Азербайджана большую часть медицинского оборудования, медтехники и инвентаря, а также группу учёных и врачей. Среди них была и его дочь Вера – кандидат медицинских наук, которая и была моим лечащим врачом.

С Николаем Павловичем и Васей мы оказались в разных палатах, так как у нас были разные врачи, однако я по-прежнему проводил большую часть времени с ними. Вместе мы ходили после ужина в кино, где мне приходилось своим рассказом восполнять Николаю Павловичу то, что ему самому невозможно было разглядеть на экране. Как и раньше я читал им газеты и комментировал прочитанное. Всем нам были назначены и проведены операции и определён курс лечения. Эффективным оно

оказалось только для Васи, которому удалось почти полностью восстановить зрение. Николаю Павловичу и мне было сделано несколько операций, позволивших нам пользоваться протезами. Всё это заняло много времени. Прошла зима, наступила весна а мы всё ещё оставались в госпитале.

Когда я ещё находился в хирургическом госпитале, я направил много запросов в различные инстанции по поводу своих братьев, но в полученных ответах, к сожалению, не было ничего обнадеживающего. Из Забрата мною было отправлено ещё несколько десятков подобных писем и я с нетерпением ждал известий о них.

Опасаясь пропажи писем, я ежедневно приходил в библиотеку, куда доставлялась почта, до прихода почтальона и сам тщательно проверял поступающую корреспонденцию.

Как-то военком Абдулаев, заметив моё пристрастие к почте, предложил мне выполнять функции госпитального почтальона на общественных началах. Я дал согласие и стал разносить по палатам не только письма, но и газеты и журналы. Теперь я больше не сомневался в сохранности поступающих в госпиталь писем.

Моя волонтерская работа пришлась по душе больным. Я не только своевременно доставлял им письма, но и многим из них, и в первую очередь незрячим, читал их вслух, а нередко писал и ответы под диктовку.

Военком был доволен моей работой и вскоре возложил на меня и ряд функций клубной работы. Штатного клубного работника в госпитале не было и я занимался организацией лекций и докладов, подготовкой и проведением киносеансов и концертных выступлений приглашённых артистов и самодеятельности. Эта работа нравилась мне и я был доволен тем, что могу приносить какую-то пользу.

Однажды, в конце марта, перебирая почту, я заметил треугольник со знакомым почерком Сёмы, который нельзя было спутать ни с каким другим. Солдатские письма с фронта тогда отправлялись без конвертов. Лист бумаги складывался треугольником и отправлялся без марки. Вместо неё был штамп полевой почты. На письме Сёмы отчётливо был виден её номер – 972.

Дрожащими руками я развернул письмо, из которого узнал, что Сёма находится в том месте, куда в то время было приковано внимание всего человечества и где тогда решалась судьба войны. Он не называл город, но и без того было ясно, что мой старший брат находился в Сталинграде, в городе на который немцы бросили свои отборные танковые и моторизованные дивизии, возглавляемые прославленными гитлеровскими генералами во главе с легендарным генерал-фельдмаршалом Паулюсом.

Сёма сообщал, что ему ничего не известно о судьбе жены Шуры, Полечки и Зюни. Он просил немедленно сообщить свой точный почтовый адрес для отправки мне денежных переводов и оказания иной помощи.

В тот же день я отправил на полевую почту 972 подробное письмо, где сообщил о последних днях пребывания в Немирове, о Полечке, оставленной у тёти Анюты, о Шуре, оставшейся на оккупированной территории.

В конце апреля я получил большое письмо от Сёмы и денежный перевод на 1000 рублей. Он писал, что гордиться моим добровольным уходом в Армию, что не только молодые, но и пожилые бойцы его части восхищены моим патриотическим поступком. Сёма советовал мне после госпиталя поехать в город Куйбышев, где теперь живёт его фронтовой друг – Токарев Георгий Васильевич, семья которого с радостью меня примет и создаст все условия для жизни и учёбы. В том письме мой брат писал, что мечтает вернуться в Красилов, в наш родительский дом, как только закончится война.

Своей радостью я поделился с Аннушкой и её матерью, которые по-прежнему навещали меня по выходным дням. Они искренне были рады, что наконец нашёлся мой чудо-брат, заменивший мне отца, о котором были наслышаны из рассказов о моей довоенной жизни. Что же касается отъезда в Куйбышев, то такая возможность ими полностью и категорически исключалась, ибо они давно решили, что после госпиталя буду жить у них и ни о каких иных вариантах и слушать не желали. Я же никак не мог набраться мужества сказать Аннушке о своём решении освободить её от обузы пожизненного ухода за мной.

Мне было трудно это сделать потому, что в моей беспросветной жизни Аннушка была единственной радостью и надеждой. Тяжело было представить себе жизнь без неё, без возможности видеть её и сознавать, что она где-то рядом думает обо мне. Сознывая, что злоупотребляю её юношескими чувствами преданности и самопожертвования, ещё детской наивностью, я всё откладывал трудный разговор с Аннушкой и продолжал наслаждаться каждым часом свидания с ней. Единственное, чего мог заставить себя сделать, это проявлять больше сдержанности при общении с ней. Я изо всех сил старался скрывать свои чувства, не произносил больше тех тёплых, ласковых слов, которые были на уме и рвались наружу.

Всё это не осталось незамеченным ею, она стала грустной и подозрительной при встречах. Моё поведение вызывало её недоумение и обиду. Мне было очень жаль Аннушку и мы оба страдали.

Вскоре я получил подробное и тёплое письмо из Куйбышева от Марии Васильевны Токаревой – жены Сёмино фронтового друга. Она искренне приглашала меня в семью, с восторгом описывала достопримечательности большого приволжского города, красоту природы тех мест и заверяла, что мне будут созданы необходимые бытовые условия и обеспечена возможность продолжения учёбы. Я отправил Токаревым ответное письмо с благодарностью за их теплоту и заботы.

Моё лечение подходило к концу. Врачи сделали всё, что могли, а на большее тогда не было ни времени, ни возможности. Шла война и места в госпитале были в дефиците.

Как-то меня вызвал военком Абдулаев и предложил после выписки остаться в госпитале на должности библиотекаря и его помощника по клубной работе. Он обещал небольшую комнатку в клубе, питание в госпитальной столовой и возможность пользоваться бытовыми помещениями госпиталя. Абдулаев обещал также помочь мне в поступлении на заочное отделение Бакинского Госуниверситета. Я с благодарностью принял предложения военкома, так как они в полной мере

решали все мои жилищные и бытовые проблемы в то трудное голодное время.

В конце апреля 1942 года, после семимесячного лечения, вырвавшего меня из смертельных объятий тяжёлых ранений, врачебная комиссия при эвакогоспитале 3676 признала меня негодным к военной службе с исключением из воинского учёта.

Начинался новый трудный этап гражданской жизни. Свои служебные обязанности в библиотеке, на почте и в клубе я освоил быстро и выполнял их с удовольствием. Работа начиналась в 8 утра и заканчивалась после вечерних мероприятий в клубе. Свободного времени было очень мало, но я успевал выполнять все задания по университетской программе и по-прежнему оказывал посильную помощь Николаю Павловичу и Васе, которым ещё предстояли операции.

С ними поддерживала постоянную связь Лидия Смыкова из Прохладной. Она писала им тёплые письма и приглашала их и меня после выписки из госпиталя в Кабардино-Болкарию. Николаю Павловичу она приготовила отдельную комнату в её доме, Васю ждала её подруга Таня, а меня приглашала Надежда Васильевна Терехова, которая потеряла на фронте мужа и сына, и обещала материнское отношение. Николай Павлович и Вася с благодарностью приняли приглашение при условии, что я поеду с ними. Мы очень привязались друг к другу и они просили не оставлять их одних.

Сёме я писал почти ежедневно и подробно рассказывал ему о своей жизни. После долгой разлуки было приятно сознавать, что у меня есть старший брат, который заменил мне в детстве отца и которого я очень любил. Довольно часто получал я и его письма, в которых он скупно рассказывал о тяжёлых боях с рвущимися к Волге немецкими войсками и выражал беспокойство о Шуре, Полечке и Андрее, а также о Зюне и родственниках в Красилове и Славуте. Он прислал мне несколько денежных переводов и я смог купить себе кое-что из гражданской одежды и обуви.

Аннушка по-прежнему приезжала по воскресеньям и мы с ней подолгу прогуливались по госпитальному скверу. Перед майскими праздниками она явилась раньше обычного в нарядном платье, подчёркивающим её красивую фигуру и модных туфельках на высоком каблучке. В этом наряде она казалась взрослее своих лет и была ещё более красивой. Я был приглашён ею и её матерью на праздничный обед в честь праздника.

Я не мог отказаться от такого приглашения, так как это обидело бы Аннушку, чего я не мог допустить. Я был в вечном долгу перед ней и готов был выполнить любое её желание. Единственное, что я при этом оговорил, было обязательное возвращение в госпиталь в тот же день из-за необходимости проведения утренника для больных 2 мая.

Накануне я купил себе летние светлые брюки, тенниску, модные мужские туфли и флакончик духов «Красная Москва» для Аннушки, на что истратил почти все деньги, полученные от Сёмы.

Ещё было раннее утро, когда я сел в вагон электрички, следующей в Баку. Впервые с июля прошлого года на мне была нарядная гражданская одежда. За окнами была панорама пригородных посёлков с нефтяными

вышками, которые не прекращали работу и в праздничные дни. На перроне вокзала меня встретила Аннушка. Я купил букет гвоздик и мы трамваем добрались на городскую окраину, где возле моего первого бакинского госпиталя находился дом Аннушки. Дверь открыла Фаина Абрамовна, которой я и вручил гвоздики. Она тепло поздравила меня с праздником и взялась показывать квартиру. Спальню занимала она с дочерью, а кабинет мужа, ушедшего на войну, пустовал и предназначался для меня.

Празднично сервированный стол был уставлен разнообразными закусками, фруктами и вином. Позднее подали утку с яблоками, как когда-то в мирное время. Давно не приходилось мне видеть такого обилия вкусных деликатесов. Аннушка включила патефон и мы наслаждались музыкой. Затем рассматривали довоенные семейные фотографии. Проходя мимо большого напольного зеркала, стоявшего в гостиной, посмотрел на себя во весь рост в модной гражданской одежде. На меня смотрел всё тот же искалеченный мальчишка на костылях с изуродованным лицом и повязкой на глазу. Красивая тенниска и модные туфли ничего не изменили.

До самого вечера мы наслаждались угощениями и музыкой в этом уютном доме, где о войне напоминали только фронтовые фотографии его хозяина. Я любовался Аннушкой, которая была в тот день особо обаятельной и желанной.

Уже начинались вечерние сумерки, когда я попрощался с гостеприимными хозяевами этого чудесного дома. На всю жизнь сохранились воспоминания о незабываемом первомайском празднике с милой моему сердцу Аннушкой.

17

В мае Николая Павловича и Васю выписали из госпиталя. За ними из Прохладного приехала Лидия Смыкова. Все они уговаривали меня поехать с ними. По словам Лиды меня там ждала интересная работа и хорошие условия жизни. Я, как мог, отказывался от поездки. На самом деле мне никак нельзя было выезжать из Баку, где я был окружён заботой и мне были созданы приличные, по тому времени, условия для работы и учёбы. Кроме того я боялся потерять связь с Сёмой. А главное – мне было трудно расставаться с Аннушкой. Вопреки моему твёрдому решению порвать отношения с ней ради её блага, я всё откладывал нашу разлуку. Трудно было представить себе жизнь без неё.

О своём решении остаться в Баку я объявил своим друзьям накануне их отъезда. Больше всех был огорчён Николай Павлович. Он заявил, что без меня никуда не поедет и уйдёт в дом инвалидов. Лидя восприняла его отказ поехать с ней как личную трагедию. Она умоляла меня поехать с ними хотя бы на несколько дней и как только Николай Павлович успокоится вернуться в госпиталь. С этой просьбой она обратилась и к военному госпиталю, который предложил мне двухнедельную командировку в Прохладную на вполне приемлемых для меня условиях. Мне ничего не оставалось, как выполнить уже не просьбу, а служебное поручение моего непосредственного начальника.

На следующий день мы покинули Баку. Я даже не успел попрощаться с людьми, которые так много для меня сделали и которым я

был столь многим обязан. Не сумел я также встретиться с Аннушкой, которая, как всегда, должна была приехать в выходные дни. Я оставил ей записку, что уехал по служебному заданию и вернусь через две недели.

Не знал я тогда, что никогда больше не вернусь в этот замечательный город, который спас меня от неминуемой смерти, какие последствия вызовет эта поездка, как изменит она весь облик моей жизни.

18

В Прохладную прибыли утром. Был тёплый весенний день, какие обычно бывают в эту пору на Кавказе. На перроне вокзала нам была устроена тёплая, трогательная встреча. Были официальные представители железнодорожного узла и отделения дороги, женсовета, родственники Лиды Смыковой, Таня Власенко и многие незнакомые мне люди. Был корреспондент местной газеты, который сделал несколько снимков для прессы. Нас встречали, как героев.

Ко мне подошла средних лет женщина с букетом цветов. Она назвала себя Тереховой Надеждой Васильевной и сказала, что потеряла на войне сына Толю, которому было восемнадцать, что её дом теперь станет моим домом и что мне будет в нём тепло и уютно. Она вручила мне цветы обняла и поцеловала. Я не нашёл тогда нужных ответных слов и одними губами шепнул: «Спасибо».

После торжественной встречи нас развезли по домам и вскоре моя добродушная хозяйка уже угощала меня очень вкусным украинским борщом и варениками с творогом.

Тётя Надя, так я стал называть Надежду Васильевну, рассказала мне об их семье и довоенной жизни. Жили они на Украине, на станции Дебальцево. Её муж, Степан Терехов, работал машинистом на тепловозе и был в большом почёте на Южной железной дороге. Она работала телефонисткой. Их единственный сын Толя успел закончить среднюю школу и мечтал о военном училище.

В Толиной комнате всё оставалось, как при его жизни. Под стеклом на письменном столе были фотографии родителей и девушки, которой он признался в любви перед уходом в Армию. На книжной полке были книги любимых авторов – Жюль Верн, Пушкин, Шевченко, Марк Твен. Кровать была устлана красивым пледом.

Тётя Надя показала мне весь дом, дворовые постройки и фруктовый сад, где созревали абрикосы, вишни, яблоки и приусадебный участок с грядками клубники, картофеля и овощей. Во всём чувствовался образцовый порядок. Она сказала, что теперь всё это будет принадлежать и мне и вдвоём нам будет жить лучше и веселей. Ей, наверное, не успели ещё сказать, что моё пребывание здесь временное и что я должен вернуться в Баку через пару недель. Не спешил и я её об этом уведомить.

После прогулки по городу пили чай с домашним вишнёвым вареньем и смотрели альбомы с семейными фотографиями. Не знаю почему, но с первого дня мне этот дом показался каким-то родным и очень уютным.

На следующий день меня пригласил к себе заведующий железнодорожного клуба станции Прохладная. Клуб занимал целый квартал, на котором располагался комплекс зданий и сооружений, а также

парк с танцплощадкой и стадионом. В главном корпусе был большой зрительный зал с вращающейся сценой, лекционный зал, библиотека и много комнат для занятий по интересам.

Заведующий клубом, Валентин Иванович Мухин, после обхода его владений, предложил мне стать его заместителем. Эта должность была у него вакантной с начала войны и это отрицательно сказывалось на работе. Со слов Лиды Смыковой он узнал, что я выполняю такую работу в госпитальном клубе и это оказалось для него достаточной рекомендацией.

Я объяснил, что приехал сюда всего на две недели и должен вернуться на работу, где меня ждут неотложные дела. Он воспринял это с пониманием, но упросил меня хоть временно помочь ему в решении ряда накопившихся дел. Я не смог ему в этом отказать.

Работы в клубе было много и она оказалась довольно интересной. Станция Прохладная находилась на магистрали, соединяющей центр страны, где полыхала война, с Закавказьем, где в то время был глубокий тыл. Туда эвакуировались не только промышленные предприятия и военные заводы, но и учреждения культуры, театры, симфонические и эстрадные оркестры. Многие из них останавливались на таких узловых станциях, как Прохладная, чтобы подзаработать и отдохнуть.

Никогда раньше на сцене железнодорожного клуба не выступало так много именитых театральных коллективов, концертных бригад, оркестров и выдающихся артистов, как в эти месяцы войны. Нужна была большая работа по организации этих выступлений. Всей этой и различной другой клубной работой я и занялся.

Служебные дела увлекли меня и я занимался ими с утра и до позднего вечера. Кроме удовлетворения работой, получал ещё и большое удовольствие от возможности смотреть и слушать замечательных артистов и выдающихся исполнителей. Я не только сам пользовался этой возможностью, но и предоставлял её своим госпитальным друзьям и тем добрым и отзывчивым людям, что приютили нас здесь.

В то время была модной джазовая музыка и мы имели возможность побывать на концертах эстрадных оркестров Украины, Белоруссии и Москвы. Я никогда не представлял себе до этого, что эстрадные концерты могут доставить такое эстетическое наслаждение.

Несмотря на предельную занятость я находил время навещать своих госпитальных друзей. Чаще бывал у Николая Павловича. Лида Смыкова в выходные дни, а нередко и по вечерам приглашала к себе друзей и родственников, угощала вкусными блюдами, которые готовила её мать, и развлекала нас песнями и музыкой. Она хорошо пела и играла на гитаре. Помогал ей в этом и я игрой на мандолине, которую мне подарили в клубе. Николай Павлович чувствовал себя довольно уютно в этом доме, часто шутил и оказался интересным собеседником. Казалось даже, что он смирился со своей бедой и меньше, чем в госпитале, чувствовал свою слепоту и беспомощность.

Отмечая возросший интерес к жизни и улучшение настроения моих госпитальных друзей, я всё более убеждался в верности своего решения сопроводить их в Прохладную и помочь им обустроиться на новом месте.

Валентин Иванович, директор клуба, был доволен моей работой и часто высказывал похвалу в мой адрес. Он всё больше уговаривал меня

остаться здесь до конца войны и обещал помочь мне в заочной учёбе в университете.

Война в Прохладной почти не чувствовалась. После неудачной прошлогодней попытки взять с ходу Моздок и Грозный, чтобы отрезать Баку от центра, немцы не предпринимали здесь больше активных действий. Все их силы были сосредоточены на Сталинградском направлении. Меньше, чем в других местах, чувствовался недостаток продуктов питания. При каждом доме был сад и приусадебный участок, что обеспечивало население картошкой, овощами и фруктами.

Разгром немцев под Москвой вернул людям веру в мощь нашей армии и надежду на скорое окончание войны. Обстановка в городе была сравнительно спокойной и ничто не предвещало какой-либо реальной опасности.

Надежда Васильевна относилась ко мне по-матерински тепло. Она звала меня Толичек, как и погибшего сына, и я постоянно чувствовал её заботу и внимание. Наверное, у неё была потребность отдавать кому-то нерастраченную материнскую любовь. Когда я начинал разговор о возвращении на прежнюю работу в Баку, она со слезами на глазах уговаривала меня забыть об этом. Она вроде даже затаила обиду за мою неблагодарность и непонимание её материнских чувств.

Всё чаще стала умолять меня остаться в Прохладной Лидия Смыкова. Среди её доводов наиболее убедительно звучала привязанность ко мне Николай Павловича, который здесь практически вернулся к полнокровной жизни. Она скрывала от него мои намерения вернуться в Баку, так как знала, что это на него может оказать пагубное воздействие.

У меня самого стали возникать сомнения в целесообразности возвращения в госпиталь, где меня ждали многие трудно разрешимые проблемы. Самая главная из них – необходимость выяснения отношений с Аннушкой. Я всё больше убеждался в том, что должен оставить её, чтобы не быть помехой её счастью.

Медленно, но верно, я склонялся к мысли остаться в Прохладной. Я написал об этом Сёме и принял окончательное решение, которое с радостью было одобрено Валентином Ивановичем, Надеждой Васильевной и моими друзьями.

Моё заявление военкому госпиталя было коротким и убедительным. Я приложил к нему письмо с душевной благодарностью за доброе ко мне отношение.

Письмо Аннушке я так и не смог написать. Несколько его вариантов оказались в урне. Я отправил ей короткую записку, где искренне заверил, что сохраню на всю жизнь её чистый и светлый образ и никогда не забуду того, что она для меня сделала.

С тех пор прошло более шестидесяти лет и я могу заверить тебя, читатель, что это своё обещание я выполнил.

19

Теперь, когда я перестал быть временным работником, моё отношение к работе в корне изменилось. Я уже не помогал Валентину Ивановичу решать накопившиеся нерешённые проблемы, а работал на

себя и в своё удовольствие. У меня зарождались всё новые инициативы и я был рад, что мне удавалось осуществить много интересных идей.

Мои старания были отмечены в политотделе отделения дороги, райпрофсоже и райкоме партии. В городской газете появилась хвалебная статья «Слагаемые успеха». Там, как всегда в таких случаях, многое было приукрашено, но было приятно, что моя работа заслужила столь высокой оценки, а главное – появилась уверенность, что я смогу стать полноценным работником, несмотря на свою инвалидность.

Отношения с Николаем Павловичем и Васей стали ещё более близкими и дружественными. Я был рад возможности оказывать им всё большую помощь, особенно в организации их досуга. Отношение ко мне Надежды Васильевны было по-прежнему тёплым и внимательным, а я стал принимать всё большее участие в работе по дому и старался во всём ей помогать в огороде и в саду.

После некоторого перерыва восстановилась переписка с Сёмой. Я с нетерпением ждал его писем и рад был его успехам в армейской службе. В одном из писем он писал, что ему присвоили звание старшего лейтенанта и наградили медплью «За боевые заслуги». Тогда ещё орденами и медалями награждали редко. Имела значение и национальность. Старались в первую очередь награждать солдат и офицеров коренных национальностей. Кроме русских представляли к наградам украинцев, белоруссов и представителей других братских народов. Об их подвигах писали газеты, говорили по радио. Евреев награждали в исключительных случаях, когда их боевые заслуги, отвага и мужество были настолько очевидны, что не могли остаться незамеченными. В таких случаях их представляли к наградам пониженного достоинства и в газетах об этом почти никогда не сообщали. Там говорилось о подвигах сынов русского, украинского, грузинского или даже татарского народа, но никогда не упоминались сыновья еврейского народа.

С учётом этого можно было понять, что воюет Сёма храбро. В этом можно было и не сомневаться, зная характер моего старшего брата. Я горячо поздравил Сёму с правительственной наградой и повышением в звании и подробно сообщил о своей жизни в Прохладной.

Николай Павлович, Вася и я были прикреплены к базе отдела рабочего снабжения железной дороги, где получали дефицитные продукты отменного качества, наравне с партийной и советской элитой города.

Порой даже не верилось, что такая благополучная для нас жизнь может долго продолжаться. Шла война и немцы не смирились со своим первым поражением под Москвой в декабре прошлого года. Они начали крупное наступление на Сталинград, стремясь отрезать Москву от Каспийского моря и Кавказа, богатых нефтью, зерном, рыбой и мясом. Можно было ожидать тревожных новостей и на Грозненско-Моздокском направлении.

Предчувствие меня не обмануло. В начале июля стало известно, что немцы начали наступление на Моздок и Прохладную. В связи с угрозой оккупации города и железнодорожного узла было приказано срочно вывезти в тыл всё имущество и материальные ценности клуба. Их было много и для этого отделение дороги выделило товарный вагон. На погрузку и отправку имущества дали только одни сутки. Ценности предлагалось

доставить в Ташкент и сдать на хранение местному отделению железной дороги.

Эту важную миссию поручили мне, так как Валентина Ивановича оставили в распоряжении отделения дороги. Я дал согласие при условии, что моим друзьям и семье Смыковой будет разрешено уехать со мной в клубном вагоне.

20

Наш поезд состоял из товарных вагонов арендованных предприятиями и организациями для отгрузки в тыл оборудования и других материальных ценностей из прифронтовых городов. На станциях приходилось подолгу ждать, так как впереди нас пропускали военные составы и санпоезда. В Дербенте мы простояли несколько суток и имели возможность осмотреть достопримечательности этого древнего города на берегу Каспийского моря.

По рейсовым карточкам получали 500 граммов хлеба в день. Хотя мы постоянно недоедали, но жили очень дружно в дороге. Волновались за бомбёжки, но до Дербента обошлось без налётов немецкой авиации и можно было не сомневаться, что и до Баку, а тем более за Каспием такая опасность нам угрожать не будет.

На десятый день, наконец, прибыли в Баку, откуда морем отправились в Красноводск. По дороге перенесли сильный шторм, от которого особенно пострадали женщины. К утру ветер стих, море успокоилось и мы благополучно прибыли на противоположный берег Каспийского моря – в Туркмению. Красноводск запомнился ветрами и отсутствием пресной воды. Её привозили цистернами и приходилось подолгу стоять в очереди за ведром воды. Продуктов было больше, чем на Европейской территории страны и они были значительно дешевле. Особенно дешёвой была селёдка и мы смогли вволю её поесть после чего никак не могли напиться.

После двухдневного ожидания наш вагон, наконец, подцепили к товарному поезду следующему в Ташкент и мы начали путешествие по Средней Азии. Впечатления, полученные от знакомства с этим краем, в корне изменили представления о нём, сложившемся из школьных познаний по географии. Мы ожидали увидеть безбрежную знойную пустыню, где люди живут только в редких оазисах у источников воды. На самом деле по обоим сторонам железной дороги пробежали утопающие в зелени города и сёла, сады и виноградники, а на перроны вокзалов местные жители выносили для продажи огромное множество мясных и молочных продуктов, фруктов и овощей по ценам в несколько раз ниже бакинских. Мы на первых же станциях закупили значительные запасы хлебобулочных и мясных изделий, но чем дальше мы удалялись от Красноводска, тем дешевле становились продукты.

Больше всех радовалась сказочному изобилию мать Лиды – Любовь Васильевна. Она всерьёз предлагала дочери остаться здесь до окончания войны, утверждая, что от добра, добра не ищут. Поначалу всё это принимали в шутку, но постепенно к её предложениям стали всё больше прислушиваться. На самом деле, какой смысл было всем ехать в Ташкент,

когда здесь можно легко найти недорогое жильё и дешевле прокормить семью.

Когда вопрос был в принципе решён, мы договорились, что я, как официальное лицо, ответственное за доставку клубного имущества, поеду в Ташкент один, а Лида со своей матерью и моими друзьями останутся здесь и будут ждать моего приезда и возможности возвращения домой. Местом временного проживания избрали город Бухару (станция Коган), где в то время уже проживало много русских, легко было найти квартиру и цены на продукты были дешевле. Кроме того, Бухара – большой, благоустроенный и красивый город с множеством архитектурных и культурных памятников.

Дежурный по станции Коган очень любезно принял нас и обещал всемерную помощь. Он тут-же оставил свой кабинет и с помощью двух официальных вокзальных грузчиков выгрузил из вагона на тележки чемоданы моих друзей и велел им следовать за ним.

Прощаясь со мной Лида заплакала. Она благодарила за всё, обещала заботиться о моих друзьях и просила возвращаться как можно быстрее. Николай Павлович и Вася долго держали меня в своих объятиях. Наверное, каждый из нас понимал, что мы расстаёмся надолго, скорее всего навсегда.

21

Сдача материальных ценностей в Ташкентском желдорклубе производилась формально. Мне выдали документ, что всё имущество, отправленное по описи из Прохладного, принято на хранение в целости и сохранности.

Заведующий желдорклуба Рахманов приглашал меня к себе домой, обещал необходимую помощь в устройстве на работу и приёме в университет, но я поблагодарил его за внимание и попросил только помочь определиться в ближайшую гостиницу, где я мог бы отдохнуть и привести себя в порядок с дороги. Задача эта оказалась не из лёгких. Свободных мест нигде не было, но администратор одной из центральных гостиниц позвонил в Министерство социального обеспечения и там предложили место в ведомственной небольшой гостинице на окраине города. Там меня не только устроили в приличном четырёхместном номере, но и выдали талоны на трёхразовое питание в столовой на три дня. Ни за проживание, ни за питание не взяли ни копейки денег.

Дежурная объяснила, что в Ташкенте и других городах Узбекистана созданы гостиницы для временного проживания инвалидов Отечественной войны, где они могут находиться на полном государственном обеспечении в течение трёх дней. За это время они должны были успеть определиться с жильём, работой или учёбой.

В гостинице было довольно уютно, кормили в столовой прилично и за отведенные мне три дня я смог хорошо отдохнуть и осмотреть достопримечательности Ташкента, который мне очень понравился. Жизнь в столице оказалась мне не по карману и я решил отправиться в Андижан, где, по слухам, всё было гораздо дешевле.

Носил я тогда ещё солдатское обмундирование, ходил на костылях и все мои вещи помещались в заплечном рюкзаке. Хотя по календарю уже

была осень, здесь ещё было довольно тепло и можно было ездить в открытом тамбуре вагона пассажирского поезда. К подобным мне пассажирам тогда относились снисходительно и билетов не требовали.

В Андижане я устроился в такой же гостинице, как и в Ташкенте, и так же использовал весь отведенный мне лимит времени. Мне очень понравился такой способ путешествовать и я решил продолжить его. На самом деле, - рассуждал я, - когда еще мне представиться возможность путешествовать по стране, знакомиться с достопримечательностями и изучать историю этого древнего края, находясь на полном государственном обеспечении.

Не могу не отметить доброе, отзывчивое отношение узбекского населения к участникам Отечественной войны, особенно к инвалидам войны. Таким оно было ко всем из них, независимо от национальности. Когда, к примеру, я покупал на базаре что-нибудь из продуктов, узбеки, как правило, продавали их мне дешевле чем другим покупателям. Не чувствовался там и антисемитизм. В республику в первые годы войны прибыло огромное количество беженцев, главным образом евреев, и всем была оказана помощь в жилье, работе, решении бытовых и социальных вопросов.

Долгое время я совсем не уставал от поездок по городам Узбекистана и даже перестал думать о каком-то пристанище для постоянного места жительства, но когда побывал в двух десятках городов и провёл в дороге более двух месяцев, я почувствовал усталость и ощутил желание где-нибудь устроиться и заняться чем-нибудь более полезным для жизни, например учёбой.

Это было в Коканде – довольно большом городе в Ферганской долине. По своим климатическим условиям этот край во многом напоминает южные области Украины, а по урожаям зерновых, овощей и фруктов даже превосходит их. Кроме того здесь выращивают много хлопка, который в то время считался белым золотом.

Гостиница мне понравилась больше других, в столовой кормили очень сытно и вкусно и мне совсем не хотелось больше путешествовать. В очереди за хлебом, который мне полагался по рейсовой карточке, я встретил молодого парня – инвалида войны, который посоветовал поступить в нефтяной институт, в котором он учился. Звали его Мишей Чернер и был он из Бендер, что в Молдавии.

Он провёл меня к зданию с вывеской: «Кокандский нефтяной техникум» и объяснил, что здесь находится и Грозненский нефтяной институт, который недавно эвакуирован из прифронтового города. Миша показал на дверь с надписью: «Деканат» и я вошёл в небольшую комнатку, где по углам стояли три столика за которыми сидели три декана.

Один из них велел мне оставить рюкзак в свободном углу комнаты и следовать за ним на лекцию, после чего обещал со мной подробно поговорить. Я совсем не был уверен, что именно этот декан мне нужен, но возражать не стал.

В классной комнате было около тридцать студентов, в основном девушки. Декан представил меня, как нового студента и предложил мне свой единственно свободный стул, утверждая, что он лекции читает только стоя. Как только он начал свою лекцию, я понял, что нахожусь в группе

геологического факультета. Я никогда не мечтал стать геологом, тем более после тяжёлого ранения в ногу. Геолога, как известно, ноги кормят, а с моим раздробленным коленом многого не достигнешь в этом деле.

Однако по ходу лекции мною всё больше овладевал интерес к лектору и предмету, который он читал. Он так увлёкся темой и так увлёк студентов, что никто не обратил внимание на звонок, зовущий на перерыв и лекция длилась два часа без перерыва. Когда мы, после лекции шли с деканом к директору по вопросу приёма в институт, я не думал больше о выборе специальности.

Ректор института, Николай Иванович Петросян встретил нас приветливо и добродушно, но потребовал аттестат об окончании средней школы, которого у меня, разумеется, не было. Я объяснил, что все мои документы мирного времени остались в оккупированном немцами Красилове и пообещал подтвердить свои знания в ходе учёбы.

Декан предложил принять меня условно до окончания первой сессии и в зависимости от моей успеваемости решить вопрос о моём пребывании в институте. Ректор согласился и дал указание о представлении мне места в общежитии. Для меня это было чрезвычайно важно, так как сегодня я должен был освободить место в гостинице.

Даниил Осифович Выдрин (так звали моего декана) познакомил меня с студентом нашей группы Рувимом Фан-Юнгом, которого попросил помочь мне в обустройстве и в учёбе в первое время. Фан-Юнг был единственным парнем в группе и жил в общежитии. Я обратил на него внимание во время лекции. Он отличался своей неопрятностью и низким ростом.

Комендант общежития – Ашот Аганесович Хуберов принял меня не очень радушно. Он возмущался ректором, который, зная об отсутствии свободных мест, направлял к нему всё новых жильцов. Рува заступился за меня и призвал Хуберова к состраданию. Он попросил разрешить нам спать на одной кровати, пока освободится место.

Трудно сказать, что подействовало на коменданта: то ли уговоры Фан-Юнга, то ли мой жалкий вид на костылях, но он сменил гнев на милость и даже отжалел нам лишнюю подушку.

В комнате, куда привёл меня Рува, кровати стояли почти вплоты одна к другой и в два яруса. Наша кровать была в верхнем ярусе.

Мы сходили на рынок, купили полулитровую банку кукурузной муки и во дворе общежития на кирпичах сварили большую кастрюлю жидкой каши-мамалыги. Каша, хоть и была без жира, показалась мне удивительно вкусной.

Легли рано и мой новый друг Рува мне долго рассказывал о себе, учёбе быте, предстоящих экзаменах и о многом другом, что мне следовало знать. Началась нелёгкая студенческая жизнь

22

Был декабрь 1942 года. В январе предстояли экзамены, перечень которых внушал серьёзную тревогу. Я отчётливо представлял себе, какой трудной для меня будет первая сессия. Много из школьной программы забыто за долгие месяцы войны, а многого я вовсе не знал, не имея полного

среднего образования. К тому же я не прослушал курса лекций и не здал ни одного зачёта, без чего студенты не допускались к экзаменам.

Как в любом техническом ВУЗе, в первом семестре следовало сдать экзамены по физике, химии, высшей математике и начертательной геометрии, а на геологическом факультете нужно было ещё сдать геологию. Нередко возникала мысль, что я берусь за решение невыполнимой задачи и что придётся оставить институт.

А учиться очень хотелось. Я охотно посещал лекции по всем предметам, но больше других по душе была геология. Даниил Осипович Выдрин, декан нашего факультета, любил свой предмет и свою специальность самозабвенно. На лекциях он редко пользовался тезисами, записями или конспектами. Говорил образно, увлечённо и его всегда слушали с интересом. Он заряжал всех любовью к своему предмету. Когда возникала мысль о том, что придётся оставить институт после сессии, то больше всего было жаль потерять возможность учиться у Выдрина.

А мысль эта меня посещала всё чаще по мере приближения сессии. Когда я поделился своими сомнениями с Рувкой, тот моих опасений не разделил и взялся мне во всём помочь. Он был очень способным парнем и умел всё доходчиво объяснять. Мы приходили с ним в библиотеку первыми и уходили оттуда последними.

Первым был экзамен по физике. К моему удивлению я помнил этот курс из программы 8-го класса и мне не стоило больших трудов подготовить ответы на все вопросы, включённые в билеты. В итоге я получил первую отличную отметку в своей зачётной книжке.

С большим вдохновением я взялся за подготовку к экзамену по математике. Оказалось, что высшая математика на первом курсе не такая уже и сложная. С помощью Рувы я без большого труда одолел программный материал и в моей зачётной книжке появилась вторая пятёрка.

Более сложным оказался экзамен по химии. Во-первых сказалось отсутствие знаний программы 10-го класса средней школы, а во-вторых требовалась сдача зачёта по лабораторным работам, но и этот рубеж был преодолён с оценкой «хорошо».

Самым трудным для меня оказался экзамен по начертательной геометрии. На него давалось только два дня на подготовку, а главное – следовало сдать более десятка чертёжных листов в виде зачёта. Задача была явно непосильной и пришлось обратиться с просьбой о переносе его на более поздний срок. В этом случае у меня оказалось больше дней на подготовку к экзамену по геологии, который я блестяще сдал с отличной отметкой. Даниил Осипович, который редко кому ставил по своему предмету высшую отметку, поздравил меня с успехом и с безусловным зачислением в институт.

Это событие мы с Рувкой отметили праздничным ужином. Вместо обычной мамалыги, была рисовая каша, варёная сахарная свекла и зелёный чай с халвой. То был важный день в моей постармейской биографии.

Шёл 1943-й год. Наступили долгожданные перемены на советско-германском фронте. После многомесячных тяжёлых и изнурительных оборонительных сражений, стоивших жизни многим тысячам солдат и офицеров, наши войска перешли в наступление под Сталинградом, окружили и пленили трёхсоттысячную армию генерал-фельдмаршала Паулюса и двинулись на запад, освобождая сотни городов и сёл, оккупированных немецко-фашистскими войсками.

Победа под Сталинградом по значимости и по масштабам была наиболее важным событием в Великой Отечественной войне. Даже разгром немцев под Москвой в декабре 1941-го года не может ни в какой мере быть сравнимым с поражением гитлеровских войск на Волге. Это был поворотный пункт в ходе не только Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

В это же время была прорвана блокада Ленинграда и совершено ряд крупных наступательных операций на других участках фронта.

Меня очень беспокоило отсутствие писем от Сёмы, находящегося в Сталинграде. Почти ежедневно я отправлял ему письма, которые оставались безответными.

Какова же была моя радость, когда в конце февраля я, наконец, получил от него одновременно несколько писем и денежный перевод. Он жаловался, что долгое время не получал моих писем и не знал моего нового адреса. Вероятно, когда наши войска были плотным вражеским кольцом прижаты к Волге, почта не поступала туда и оттуда.

Сёма радовался победе и не терял надежду на возможную встречу со всей нашей семьёй и со всеми родственниками. Я написал ему подробное письмо о жизни в Коканде, учёбе и возможной скорой эвакуации института в Грозный.

Наша переписка с Сёмой возобновилась и я всё в большей мере стал ощущать не только моральную, но и материальную поддержку своего старшего брата. В течение нескольких месяцев я получил от него денежные переводы на сумму около десяти тысяч рублей. Конечно, это была очень значимая для меня помощь в то голодное время, когда буханка хлеба стоила сто рублей, а моя «повышенная» стипендия составляла только 270 рублей, но более важным для меня тогда была моральная поддержка Сёмы, надежда на скорую Победу и встречу с ним, с Зюней, Полечкой, всеми родными и близкими.

Студенческая жизнь в Коканде была очень трудной. Учились в тесноте, лекции слушали, в основном, стоя, в лабораториях и кабинетах не было необходимого оборудования, инвентаря и материалов. В столовой нас кормили жидкими супами без мяса и кашей без жира.

Правда, в отдельной комнатке для инвалидов войны было чище, чем в общем зале и на второе давали кашу с американским яичным порошком. Эту комнату обслуживала официантка Лида – миловидная девушка только закончившая среднюю школу со светлыми волосами и красивыми голубыми глазами.

Не знаю чем я приглянулся Лиде, но она всегда подавала мне суп погуще и каши побольше. Нередко она тайком приносила мне небольшие свёртки, где было, обычно, несколько кусочков хлеба с маслом, или пару

яиц, а иногда даже кусок колбасы из продуктов, которыми кормили профессоров в отдельном зале по их литературным карточкам.

Я не раз поражался тому, что красивые молодые девушки обращали на меня внимание, несмотря на мою изуродованную ранами физиономию, низкий рост и неприглядную внешность. Кроме Анечки Гутник, о которой я подробно рассказывал и в которую я был по уши влюблён, я в бакинском госпитале чувствовал к себе повышенное внимание дружинницы Таи из подшефной средней школы и нескольких медсестёр. Конечно, мне тогда было не до этого, но такой интерес ко мне девушек не мог не вызвать удивления.

Учился я с большим желанием. Многому я обязан был Фан-Юнгу. Он сам был жадным на знания, отдавал учёбе всё своё свободное время и меня увлекал этими занятиями.

Летом объявили о эвакуации института в Грозный. Для этого выделили целый товарный поезд из двадцати вагонов. Некоторые студенты отказывались уезжать из Коканда и переводились в другие ВУЗы, находящиеся в то время в городе, в частности в Московский химико-технологический институт имени Менделеева.

Большинство же студентов, в их числе и я с Рувкой, согласились ехать. Об этом я написал Сёме и обещал ему из Грозного сообщить новый адрес.

В день отъезда на вокзале было необычно многолюдно. Проводить отъезжающих пришли сотни друзей, коллег, добрых знакомых. Мы же с Рувкой никого не ждали. Когда посадка в вагоны уже заканчивалась пришла Лида – официантка студенческой столовой. Она смущённо улыбалась, подарила мне комплект бритвенных принадлежностей, просила записать её адрес и написать ей из Грозного, если будет желание. Прощаясь с ней, я заметил, как на её красивые голубые глаза навернулись слёзы. Наверное не одним состраданием они были вызваны.

24

Нефтяной институт в Грозном располагался в самом центре города в огромном многоэтажном здании. С ним соседствовали кинотеатр имени Челюскинцев и областной драматический театр, образуя очень уютную блигоустроенную площадь, утопающую в зелени.

В трамвайной остановке от института, на улице Крафта 8, в большом пятиэтажном здании размещалось институтское общежитие, которое разительно отличалось от кокандского и больше походило на приличную гостиницу.

Нас с Рувкой поместили в одной комнате на четвёртом этаже. Соседями по койке были Лёва Хайкин из Днепропетровска, инвалид войны с таким же как и у меня ранением в коленный сустав и Лёня Шустер, которого, как и Рувку, не призвали в армию из-за плохого зрения.

Несмотря на то, что ребята в нашей комнате были совсем разными по характеру и интересам, я был в большой дружбе с ними, что украшало студенческую жизнь и доставляло большое удовольствие. Рувка всёцело отдавался учёбе и всё свободное время проводил в библиотеке. Даже к еде он был как-будто безразличен, лишь бы не быть голодным.

Лёва Хайкин был прямой противоположностью Рувы. В учёбе он видел только средство получения диплома инженера. Свободное время проводил в компаниях с девушками, у которых пользовался большим успехом. Он любил запустить шутку или рассказать анекдот, которых у него в запасе было огромное множество. Трудно было понять, когда он говорил серьёзно и когда шутил. С ним никогда не было скучно.

Лёня Шустер был из богатой еврейской семьи, вырос избалованным парнем и потому, наверное, ему было намного труднее, чем нам, переносить голод и лишения военного времени. До войны он жил в Минске. Его отец заведовал лесосплавом в Белоруссии. По его рассказам главной проблемой в их семье было, как уговорить его, единственного сына, что-нибудь поесть. А здесь и мамалыги вдоволь поесть нельзя было. По его внешнему виду без труда можно было узнать состояние его желудка. Когда Лёнька был голоден, лучше было не подходить к нему близко. А ещё Лёня очень любил театр и хорошо читал стихи. Наверное, он стал бы артистом, а не инженером, если бы не картавил.

Эти и некоторые другие особенности ребят по комнате не могли оказать заметного влияния на нашу дружбу и я любил их такими, какими они были и сохранил о них добрые воспоминания на всю жизнь.

Все мы, кроме Рувы Фан-Юнга, участвовали в студенческой художественной самодеятельности. Лёня руководил драмкружком. А ещё он прекрасно декламировал. Всё у него получалось замечательно, за исключением буквы «Р». Лёва пытался в текстах, которые Лёня готовился читать, заменить слова с буквой «Р» на другие однозначные без этой буквы. Иногда это ему удавалось и Лёня выглядел великолепно.

Лёва был незаменимым конферансье и его шутки и смешные истории украшали наши концертные программы.

Пригодился и мой госпитальный и Прохладненский опыт организации клубной работы. Я стал штатным заведующим студенческого клуба. Среди студентов было много самодеятельных артистов и наши вечера проходили интересно и весело.

На втором курсе меня избрали в комитет комсомола, а на третьем – секретарём комсомольской организации института. Без комитета комсомола тогда не решался ни один серьёзный вопрос студенческой жизни. Секретарь комсомольской организации являлся членом учёного совета института, с его мнением считался и ректор, и деканы.

Мне нравилась общественная работа и она не мешала учёбе. Я был так занят и погружен в дела, что забывал о своей физической неполноценности, увечьях и болезнях.

После разрыва с Аннушкой я избегал дружбы с девушками и встречался с ними только по учебным и студенческим делам.

Как-то перед вечером, посвящённом встрече нового 1944-го года, в комитет комсомола пришла щуплая, худая девчонка невысокого роста с красивыми голубыми глазами и приятной улыбкой на лице. Она предложила включить в программу концерта акробатический этюд, который взялась исполнить. Как раз этого в нашем репертуаре не хватало. Я охотно принял это предложение и пригласил её на очередную репетицию.

Девушку звали Инной Крыликовой, училась она тогда на втором курсе технологического факультета и была круглой отличницей.

Её выступление на концерте имело большой успех. Оказалось, что её увлечение балетом началось ещё в детстве. С тех пор она стала постоянной участницей всех наших концертных программ и комсомольской активисткой. Инна заняла заметное место в общественной жизни института и, как потом оказалось, в моей личной жизни.

25

Студенческая жизнь в Грозном была по-прежнему трудной, но намного разнообразней и интересней, чем в Коканде. Здесь было значительно больше возможностей для познаний глубин науки по всем дисциплинам и особенно по геологии. Гордостью института был геологический музей, который постоянно пополнялся новыми экспонатами и богатейшая библиотека с просторным читальным залом.

Я довольно быстро восполнил пробел в знаниях из-за неполного среднего образования, прерванного войной. Учиться стало легко и интересно. Много времени проводил в читальном зале.

Вечерние часы были заняты общественной работой и клубными мероприятиями. В художественной самодеятельности приходилось участвовать не только в качестве организатора, но и исполнителя партии мандолины в струнном оркестре. В ней также активно участвовали мои друзья – Лёня Шучтер и Лёва Хайкин, а также Инна Крыликова, которая возглавила танцевальный коллектив.

Кроме недостатка в продуктах питания, который здесь чувствовался ещё сильнее, чем в Коканде, ощущался ещё недостаток времени. Единственным резервом, которым приходилось пользоваться, был сон. Спал обычно не более пяти часов.

Наверное, с тех студенческих лет выработалась привычка работать тогда, когда нормальные люди ещё спят. Я подымался обычно в пять утра и за несколько утренних часов успевал выполнить самые сложные учебные задания и чертёжные работы. Такой режим продолжался до окончания института, длился все годы трудовой жизни и сохранился до сих пор, даже после ухода на пенсию. По утрам, когда все спали, я готовился к экзаменам, защищал десятки заявок на изобретения, писал диссертацию, готовил лекции и доклады, писал стихи и мемуары и даже этими воспоминаниями, которые пишу на девятом десятке жизни, занимался, в основном с пяти часов утра.

В напряжённом ритме пробегали дни и как-то незаметно подошла зимняя сессия на втором курсе. Она оказалась самой трудной. Нужно было сдать экзамены по дифференциальным и интегральным исчислениям, теоретической механике, сопромату, что оказалось намного сложнее нежели высшая математика и физика на первом курсе.

Мы с Рувкой по-прежнему готовились к экзаменам в библиотеке с той лишь разницей, что теперь не только он мне помогал, а во многом и я был ему полезен. Особенно ему нужна была помощь в политэкономии, Марксистско-Ленинской философии, другим гуманитарным дисциплинам.

Как и в предыдущих сессиях нам удалось отстоять право на получение повышенной стипендии, которую тогда платили отличникам.

Шёл февраль 1944-го года. Война вступила в завершающую стадию и теперь уже никто не сомневался в её окончательном исходе. Советская

армия теперь уже имела подавляющее преимущество, как по численности дивизий, так и по вооружению. Высоким был моральный дух наших воинов, которые рвались в бой с фашистами чтобы отомстить за смерть своих родных и близких, погибших на полях сражений, в блокаде и на оккупированной территории, от нужды голода и холода, замученных в гетто и концлагерях.

Теперь уже отпала необходимость в заградительных отрядах, созданных по свирепым приказам Сталина, которые в 1941-м году расстреливали наших отступающих бойцов, пытавшихся спастись бегством.

В эти февральские дни 1944-го года, когда победа в войне представлялась всем очевидной и скорой, мы были удивлены и взволнованы, когда 22-го февраля, накануне празднования дня Советской Армии, были оповещены о мобилизации на сельхозработы сроком на один месяц. Само по себе привлечение на сельхозработы было делом обычным и привычным. Нас часто отправляли в колхозы во время посевной и уборки урожая. Но февраль не сезон сельхозработ. Настораживал порядок организации выезда, поражали масштабы операции и секретность её осуществления. Об отъезде предупредили только накануне вечером. К работам привлекались все студенты и преподаватели.

Утром к общежитию подъехало несколько десятков автомобилей, оборудованных скамейками. Посадку производили по учебным группам. В нашей группе 42-г было 30 студентов. Руководителем был назначен Доцент Пробст Исидор Маркович, который читал нам курс высшей математики.

Предупредили сохранять тишину, не петь и даже громко не разговаривать. Через пару часов машины остановились в поле, у подножья гор, вблизи селения Гойсты. Вскоре нас собрали на большой поляне и лейтенант в форме войск НКВД объяснил ситуацию и наши задачи.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР все жители чеченской и ингушской национальностей подлежали немедленному и насильственному выселению с территории Чечено-Ингушской автономной Республики за измену Родине и пособничество врагу. Студенческим отрядам поручался досмотр оставшегося в хозяйствах скота, лошадей и свиней и выполнение различных хозяйственных работ до прибытия постоянных жителей из России, Украины и Белоруссии. Нам следовало соблюдать строжайшую дисциплину и беспрекословно подчиняться своим руководителям.

В полдень нас привезли в село Гойсты, где нам предстояло жить и работать. Разместили по домам, где ещё утром жили чеченцы. Во всем чувствовался их внезапный и поспешный уход. Скот ещё доедал оставленный хозяевами корм, повсюду были разбросаны предметы домашнего обихода, хозяйственный инвентарь, посуда, одежда и обувь. Скулили собаки, метались по дворам кошки и домашняя птица.

Как потом рассказывал нам Исидор Маркович, операция по выселению жителей Чечено –Ингушской республики, проходила по заранее чётко разработанному сценарию, который сохранялся в секрете и начал осуществляться утром 23 февраля 1944-го года. Чеченцам и ингушам, во всех населённых пунктах одновременно, был объявлен Указ об их выселении, которому подлежали все без исключения независимо от

возраста, состояния здоровья, партийности, занимаемой должности, звания и былых заслуг.

Каждой семье был установлен предельный лимит груза, который разрешалось увозить собой. Этот максимальный вес был одинаковым для Председателя Совета Министров республики, Героев Советского Союза или простого колхозника или рабочего. На сборы было отведено несколько часов. Указ приводился в исполнение органами НКВД, жестокости которых могло бы позавидовать даже гитлеровское гестапо. Под конвоем чеченцев и ингушей на машинах доставили к ближайшим железнодорожным станциям, погрузили в товарные вагоны и отправили в Среднюю Азию и Казахстан.

В нашем селе было образовано два студенческих отряда, одним из которых руководил Пробст, а руководить другим поручили мне. Ребята нашего отряда должны были ухаживать за скотом, сданного нам по описи. Домашняя птица учёту не подлежала и её разрешалось использовать для кормления студентов. В погребах и сараях осталось много картофеля, овощей, фруктов, варений и солений.

Приходилось много работать, но за это мы были вознаграждены обильным и вкусным питанием. По вечерам сидели дома, так как ходили слухи о возможных набегах горцев. Страх, однако, оказалась напрасным и за всё время нашего пребывания в Чечне не было ни одного случая нападения на наше село, как и на другие сёла бывшей Чеченской республики.

В том, что произошло в Чечне трудно было разобраться, но внутренне мы ощущали только одно, что с местными жителями обошлись очень жестоко. Не знали мы тогда ещё, что такая же участь постигла в годы войны крымских татар, немцев Поволжья, а позднее готовилось что-то подобное и для евреев.

Более месяца работали мы тогда в чеченской деревне Гойсты, пока туда не приехали новые хозяева из других областей СССР.

26

После возвращения в институт наша группа выехала на геологическую практику в район Военно-Грузинской дороги. Руководителем практики был наш декан Выдрин, который оказался не только выдающимся учёным, но и хорошим организатором.

Хоть мы ужасно уставали, преодолевая за день десятки километров по трудно проходимой горной местности, но были в восторге от удивительной красоты живой природы Кавказа и познаваемых тайн преобразований земной коры за все геологические периоды её образования.

Во время походов и экскурсий Выдрин постоянно отбирал образцы для институтского музея и своих научных работ. Любой камень в его руках оживал и открывались тайны его возникновения и преобразований. Он не воспринимал слово «камень». Для него это были горные породы тектонического, вулканического, осадочного или иного происхождения. Почти все они представляли научный интерес и он мог говорить о них часами. Ему было жаль с ними расставаться и он бережно укладывал их в свой заплечный рюкзак. Когда он был заполнен до предела, мы стали класть образцы в свои рюкзаки и по мере сил несли эту тяжесть на себе. Так как в группе, кроме меня и Рувки, были одни девушки, то нам

пришлось брать на себя большую долю груза и мы с трудом двигались под его тяжестью.

Для меня этот поход окончился весьма печально. Я случайно оступился на крутом спуске, свалился с узкой тропинки в обрыв, который, на моё счастье, оказался не очень глубоким.

Как выяснилось в областной больнице, в результате удара при падении, усиленного грудой камней, на месте прошлого ранения образовалась трещина, которая привязала меня к больничной кровати на долгие два месяца, лишив летних каникул и запланированной поездки в Немиров, который в марте 1944-го года был освобождён от немецкой оккупации.

В больнице я окончательно осознал, что настоящего геолога с меня не получится и что пришла пора подумать о смене специальности. С такими намерениями я и явился к Даниилу Осиповичу, как только меня выписали из больницы. Он внимательно меня выслушал, но подписать заявление о переводе на технологический факультет, где учились мои друзья Лёня Шустер и Лёва Хайкин, отказался. Выдрин успокаивал меня тем, что возьмёт к себе в помощники, поможет защитить диссертацию и создаст все условия для серьёзной научной работы.

Еще в больнице, получил короткую открытку от Сёмы, из которой узнал ужасную новость о его тяжёлом ранении при форсировании реки Миусы, под Таганрогом. Сёма не приводил подробностей о тяжести и характере ранения. Это было не в его характере, но из того, что он находится сейчас в Харькове, в клинике известного профессора Хмельницкого, ставшей теперь военным госпиталем, я понял, что ранение очень серьёзное. В этом не трудно было догадаться и потому, что он не обещал скорой встречи и предупреждал, что лечение будет долгим. Этого было достаточно, чтобы понять, что речь идёт о его жизни и что мне нужно немедленно отправляться в Харьков.

Боль в ноге ещё не позволяла ходить с помощью палки и мне пришлось вновь вернуться к костылям.

Получив двухмесячную стипендию, и отоварив на два дня вперёд хлебную карточку, я отправился на вокзал за билетом на поезд Баку-Москва, которым можно было добраться до Ростова, а оттуда уже местными поездами до Харькова. Купить билет оказалось невозможным. Поезда шли переполненными и мне пришлось привычным для себя способом устроиться в тамбуре пассажирского вагона, которым к утру добрался в Ростов, где сделал пересадку и таким же способом к вечеру оказался на Харьковском вокзале.

Всю дорогу думал о Сёме, его трудной жизни, вечном служении родным и близким, партии, идеям в которые свято верил, Родине, которую беззаветно любил.

Харьков встретил проливным дождём. Вокзал был полностью разрушен при многократных бомбёжках в 1941-м году и все его службы временно располагались в удалённом от привокзальной площади, большом четырёхэтажном здании.

В справочном бюро, куда меня пропустили без очереди, нарисовали схему, как добраться до госпиталя, который находился на окраине города, по улице Чернышевская 83, в часе езды от вокзала трамваем. Из

сострадания к моему внешнему виду мне даже предложили место до утра в комнатах отдыха, которые тогда были постоянно переполнены, но я вежливо отказался от помощи, поблагодарив за внимание, и отправился на трамвайную остановку. Не терпелось скорее разыскать госпиталь и увидеть Сёму.

Трамваи шли редко и одиннадцатого номера пришлось долго ждать под дождём. Когда, наконец, пришёл первый вагон, меня толпа буквально внесла в тамбур передней площадки. Только когда выбрались из центра и оказались на городской окраине, в вагоне стало свободнее и мне уступили место на передней скамейке. Старушка, местная жительница, рассказала где сойти и как найти госпиталь и мне без труда удалось это сделать.

Время было не приёмное и никого к больным уже не пропускали, но мне удалось уговорить вахтёра, который не только пропустил меня, но ещё и проводил до Сёминой палаты.

Сёма лежал в углу четырёхместной палаты и как будто спал. Лицо его было бледным и весь он был мало похож на того сильного, большого и красивого главу нашего семейства, в ком мы с раннего детства привыкли видеть свою опору и защиту от всех житейских бед и невзгод. Сейчас он выглядел очень слабым и беспомощным.

Когда я приблизился к нему, он раскрыл глаза и долго смотрел в упор, сомневаясь, наверное, наяву ли он видит меня у своей кровати. Чтобы развеять сомнения, он привлёк меня к себе и долго не выпускал из своих объятий. По его бледным щекам катились слёзы. Мы надолго застыли в объятиях, сидя на госпитальной кровати. К горлу подкатил комок, мешающий не только говорить, но и дышать.

Первым заговорил Сёма. Он успокаивал меня тем, что самое страшное уже позади. Война идёт к концу и мы должны быть вместе. Он хотел как можно скорее видеть Шуру и Полечку и просил меня сделать всё возможное, чтобы встреча с ними состоялась как можно скорее. Я пообещал выполнить его просьбу.

В палату вошла пожилая женщина низкого роста с улыбающимся приветливым лицом и красивой причёской седых волос.

- Дора Абрамовна Цытрина, старшая медсестра и друг Сёмы, - представилась она.

Поговорили о ситуации на фронте, погоде, ценах на рынке и Дора Абрамовна предложила отметить встречу ужином с бутылкой вина. В вечернее время, когда отсутствовали врачи, старшая медсестра чувствовала себя в госпитале полной хозяйкой. Она пожаловалась, что Сёма совсем плохо ест и просила меня присмотреть за его питанием.

Вскоре Дора Абрамовна вернулась с горячими шницелями, жареной картошкой и налила всем по полстакана кагора. Выпили за скорейшее выздоровление Сёмы. После ужина она оставила нас одних, предупредив, что зайдёт за мной позднее. Она предложила мне пожить у неё, пока я буду в Харькове.

Наше первое за время войны свидание с Сёмой продолжалось довольно долго, пока медсестра не увела меня к себе домой. Она жила недалеко от госпиталя в небольшой двухкомнатной квартире.

До поздней ночи я слушал полный ужаса рассказ о счастливой довоенной жизни семьи Цытриных и трагической гибели мужа Гриши и сыны Миши в годы войны.

Дора Абрамовна восхищалась мужеством Сёмы, который, зная о тяжести своего ранения, остаётся оптимистом и верит в своё скорое выздоровление. Она говорила, что он много рассказывал ей о нашей семье и что теперь только мечтает о встрече с Шурой и Полечкой, которых очень любит.

Тяжёлый осадок остался от этих рассказов и я долго не мог уснуть. Утром мы вместе отправились в госпиталь. Дора Абрамовна на работу, а я к Сёме. Его внешний вид и самочувствие были намного лучше вчерашнего. Чисто выбритый, в свежем белье, он теперь был больше похож на прежнего Сёму.

Как только я вошёл в палату, он накинул халат и велел мне следовать за ним. Мы спустились по лестнице на первый этаж и Сёма постучал в дверь военкома госпиталя и попросил разрешения войти. Хозяин кабинета, немолодой уже человек в чине подполковника, вышел навстречу и поздоровался за руку с каждым из нас. Сёма представил меня, как своего брата, инвалида Отечественной войны, студента четвёртого курса нефтяного института, приехавшего навестить его впервые за время войны. Он поведал комиссару о моём добровольном уходе в Армию в неполные семьнадцать лет и тяжёлых ранениях на фронте.

Военком задал несколько вопросов о моей военной службе, участии в боях, теперешней жизни и учёбе и спросил чем он мог бы мне помочь. Сёма попросил разрешить ему отдать мне его офицерское обмундирование, которое ему не скоро понадобится, а мне бы как раз пригодилось, так как я совсем оборвался, а с деньгами у бедного студента туго.

Меня удивила и смутила нескромная просьба брата, но комиссар без лишних слов написал записку на склад вещевого довольствия, вежливо попрощался и пожелал мне успехов в жизни и учёбе.

Мы с Сёмой отправились на склад, где мне выдали полный комплект офицерского обмундирования. Конечно, всё это было очень кстати, так как мои солдатские брюки и гимнастёрка совсем протёрлись.

Дора Абрамовна принесла завтрак на двоих, но Сёма не притронулся к еде и свалился в кровать бледный и очень уставший. Наверное, такие походы были ему уже не под силу.

Отдохнув немного, он велел мне вынуть из пристенного шкафа его вещмешок и показал мне его содержимое. Там были фотографии наших родителей, семейные и фронтовые снимки, вырезки из газет о боевых действиях его воинской части, медаль «За боевые заслуги» и орден Боевого Красного Знамени. Были там и многочисленные ответы на его запросы по розыску наших родственников. Хранил он также все мои письма. Сёма просил забрать всё это с собой и сохранить до его возвращения.

Я тогда побоялся, что это может отрицательно повлиять на его моральное состояние и оптимистический настрой и отказался забрать его личные вещи. Мне потом не раз пришлось об этом сожалеть и упрекать себя за необдуманый поступок.

В этот день я изложил Сёме свой план поездки в Немиров для розыска Шуры и Полечки и организации их поездки в Харьков. Он

одобрил мои намерения, пообещал подготовить и подписать у военкома письма об оказании мне помощи в билетах и дал мне две тысячи рублей на расходы, связанные с поездкой.

На вокзале я выяснил, что единственной возможностью поездки на правобережную Украину тогда могли служить так называемые «пятьсот весёлые» поезда, состоящие из товарных вагонов, в которых домой возвращались эвакуированные в 1941-м году из прифронтовых городов семьи евреев и партийной элиты. Пятьсот весёлыми их называли потому, что их номера начинались цифрой 500, а пассажиры испытывали радость возвращения домой после долгих скитаний в эвакуации.

Билетов и на эти поезда достать было нельзя и я решил ехать испытанным методом в тамбуре или на крыше вагона.

Вечером того же дня я попрощался с Сёмой и утром отправился на вокзал.

27

В Немирове, как мне показалось, мало что изменилось с того памятного дня, когда я покинул этот городок с колонной допризывников. Я прошёл с вокзала по знакомым улицам к Шуриному дому и почти не заметил следов войны и трёхлетней оккупации. Повреждённые обстрелами и бомбёжками дома были либо восстановлены, либо снесены и на их месте образовались скверики и цветники. Городок внешне мало пострадал от войны и выглядел таким же уютным и зелёным, как прежде.

Мой внешний вид, офицерское обмундирование, изуродованное шрамами лицо с повязкой на левом глазу и негнувшаяся в колене нога привлекали внимание прохожих. Ещё не доходя до дома Шуриных родственников, меня остановила молодая девушка и спросила не нуждаюсь ли я в какой-нибудь помощи. Я ответил, что разыскиваю свою сестру Полечку, которую оставил здесь в 1941-м году.

- Вас не Нюничкой зовут? – Спросила девушка и когда я согласно кивнул головой, она взяла меня под руку и велела следовать за ней.

По дороге она представилась: Ирина и сказала, что хорошо знает Полечку, и что она больше не живёт у Шуры, которая выгнала её ещё до прихода немцев. Все эти годы Полечку прятали тётя Анюта и тетя Люба и с Шурой она больше ничего общего не имеет.

Когда приблизились к домику тёти Анюты, Ирина вырвалась вперёд и вбежала во двор с криком:

- Нюничка приехал! Нюничка приехал!

На её крик выбежала Полечка. Которая, смеясь и рыдая, повисла мне на шею, осыпав поцелуями и измочив всё моё лицо слезами. Её трудно было узнать. За три года она заметно подросла и теперь ничем не отличалась от соседских сельских украинских девчат.

Тётя Анюта расцеловала меня и велела идти в хату. Женщины быстро накрыли стол, налили всем по стакану самогона и подняли тост за встречу. Из закусок запомнилась яичница с салом на большой сковородке, которая едва разместилась на столе, заполненном овощами, соленьями и квашениями.

Я узнал полную ужасов историю спасения Полечки от казалось неминуемой гибели. Из рассказа Ирины я понял, что когда 22 июля 1941-го

года в город вошли немцы и Шура потребовала от Полечки немедленно уйти из города, тётя Аня устроила ей убежище в своём погребе и велела не покидать его без её разрешения. Когда же появились первые объявления немецкой администрации о регистрации оставшихся в местечке евреев и ответственности граждан за их укрывательство, Шура потребовала от тёти Ани немедленной отправки Полечки в Красилов, откуда её привезли в первые дни войны. Она угрожала заявить в полицию, если её требование не будет выполнено.

В дождливый осенний день Полечка отправилась на вокзал, но, как оказалось, поезда из Немирова уже не шли, пути были разрушены во время бомбёжки и она, в полном отчаянии, была вынуждена примкнуть к группе евреев, возвращавшихся под конвоем полицаев в гетто после выполнения работ на стройке. Под холодным дождём она промокла до костей и заболела. Две недели лечили её в гетто еврейские женщины и еле возвратили к жизни.

О болезни Полечки узнала тётя Аня. С помощью подкупленного полица ей чудом удалось вывести её из гетто и спрятать у своей родственницы - Любы Роик, где она и находилась до освобождения Немирова от немцев. Тётя Аня и Ирина Прысич помогали Любе продуктами, лекарствами и всем необходимым для содержания и лечения Полечки, укрывая её от полицаев и немцев. Её убежище сохранялось в тайне от соседей и даже от родственников, подобных Шуре.

Надо же такому случиться, что Женя Ладуба – племянник тёти Ани, не раз спасал меня от неминуемой смерти на фронте, а его тётя – Анна Ладуба, спасла мою сестрёнку Полечку от такой же участи в тылу.

До конца своей жизни я останусь в неоплатном долгу перед Анной Ладубой и Любой Роик, рискующих собственной жизнью ради спасения почти чужой для них еврейской девочки – моей сестрички Полечки.

Я сделал всё что мог, чтобы выразить им свою благодарность и вознаградить их за их доброту. Мною собраны и отправлены в музей Яд-Вашем, в Иерусалим свидетельские показания и другие документы, подтверждающие их мужество и героизм. Анне Ладубе (посмертно) и Любове Роик присвоено почётное звание «Праведник Мира», Их имена выгравированы на Стене Почёта музея Холокоста, в Иерусалиме.

Я был до глубины души возмущён поведением Шуры, предавшей Полечку. По существу она предала не только её, но и всех нас, в том числе и Сёму, которому обещала сохранить семью и заботиться о детях.

Тётя Аня рассказала также о служении Шуры немцам, о её романах с немецкими офицерами, которые были её квартирантами и с которыми она гуляла и пьянствовала. Об этом все знали в Немирове. Её не принимали ни на какую работу и на неё было заведено уголовное дело за пособничество немцам. Она жила в бедности и часто голодала. Даже её сын Андриша от неё отвернулся. Он уехал в Винницу, где учился в ремесленном училище и редко приезжал к ней.

Я не испытывал никакой жалости к Шуре. Более того, меня одолевала чувства мести за страдания, которые она причинила Полечке и подлую измену Сёме, который так искренне её любил. Я чувствовал потребность учинить над ней самосуд или, по крайней мере, потребовать от

органов правосудия привлечь её к ответственности по законам военного времени.

Только любовь к Сёме и желание выполнить его, возможно предсмертную, просьбу о встрече с женой удержали меня от этого. Более того, я обратился к Немировскому райвоенкому с просьбой помочь ей, как жене военнослужащего, и оказать содействие в приобретении билета для её поездки в Харьков к тяжело раненному мужу. Я передал ему также письмо военкома госпиталя, в котором излагались эти же просьбы.

Военком был искренне удивлён моей заботой о Шуре, заявил, что она заслуживает сурового наказания за сотрудничество с фашистами, но учитывая тяжелое ранение её мужа, офицера Советской Армии, пообещал временно воздержаться от репрессивных действий и подписал ходатайство начальнику станции Винница о помощи в покупке билетов.

Конечно, поездки в Харьков больше заслуживала Полечка, для которой эта возможность встречи с любимым старшим братом могла оказаться последней, но везти можно было только кого-то одного и выбор пал, конечно, на Шуру.

Начальник станции на письме военкома начертил резолюцию о выдаче из его брони только одного билета, а касса оформила плацкарту на поезд, отправляющийся через неделю, так как на другие дни свободных мест уже не было. Я предупредил Шуру о дне выезда и провёл оставшиеся до отъезда дни с Полечкой.

28

Шура везла в Харьков неподъёмный чемодан с салом, чтобы заработать побольше денег за счёт разницы в ценах на рынке. Носильщик помог ей занести чемодан в плацкартный вагон, а я, как обычно, устроился в тамбуре.

В Харькове пришлось воспользоваться не только помощью носильщика, но и нанять такси для доставки сала на базар, где оно было очень выгодно продано в течение нескольких часов.

Только к вечеру, когда время посещения больных закончилось, мы добрались в госпиталь. С помощью Доры Абрамовны удалось уговорить вахтёра пропустить нас к Сёме. Он теперь лежал в отдельной небольшой палате в самом углу коридора, на втором этаже. Трудно сказать почему его переселили из общей палаты. То ли это было сделано в связи с ухудшением состояния его здоровья, то ли по случаю приезда жены.

Со времени моего отъезда Сёма ещё больше исхудал и побледнел. Когда на пороге появилась Шура он как бы преобразился. На губах появилась довольная улыбка, лицо покрылось лёгким румянцем. Он долго держал Шуру в своих объятьях, в глазах его искрились слёзы.

Дора Абрамовна принесла ужин на двоих, а меня пригласила к себе домой, пообещав явиться за Шурой через пару часов.

За ужином я рассказал Доре Абрамовне историю спасения Полечки, скрыв от неё подробности Шуриного отношения к ней, её измены Сёме и служения немцам. Всё это я твёрдо решил пока скрыть и от Сёмы, опасаясь отрицательного воздействия такой информации на состояние его здоровья.

Дора Абрамовна очень тепло отнеслась к Шуру, создала ей все условия для беззаботной жизни и не ограничивала какими-то сроками время её пребывания в Харькове.

Однако, на третий день Шура заявила о необходимости срочного возвращения в Немиров, якобы в связи с приездом Андрея, и заторопилась домой. Сёма оформил на неё аттестат на основную часть своего денежного довольствия, попросил меня сопроводить её в Немиров, а самому отправиться в Красилов для выяснения возможности возвращения туда всей нашей семьи. Он снабдил меня письмом военкома на имя председателя Красиловского райисполкома об оказании нашей семье помощи в обеспечении жильём.

Трудным было прощание с Сёмой в этот раз. Он вёл себя мужественно, обещал выписаться из госпиталя к ноябрьским праздникам и вернуться домой, но чувствовалось, что сам он в этом не уверен и скрывает от нас свои сомнения.

Дора Абрамовна налила всем по рюмке вина и подняла тост за скорейшее выздоровление Сёмы и возвращение всей семьи на родину. Сёма смотрел на Шуру такими же влюблёнными глазами, как и раньше, в далёкое довоенное время. Она же не смогла скрыть своего холодного безразличия к мужу и его страданиям.

Прощаясь с Сёмой, я пообещал выполнить все его просьбы и поручения и доложить результаты по возвращению в Харьков.

Он обнял и поцеловал Шуру. По его щекам катились слёзы. Наверное, мой старший брат понимал, что это конец его большой любви, а может быть и жизни.

29

Шуру я сопровождал только до Винницы. Оттуда она уже сама добиралась до Немирова, а мой путь лежал в Красилов – город моего детства и ранней юности, родину семьи Гимельфарбов. Память вернула меня в родительский дом на Шоссейной улице, откуда Сёма вывез нас в тыл за день до прихода немцев, еврейскую школу, что в центре местечка у старой базарной площади, бывшую польскую школу, напротив нашего дома, рядом с костёлом и почтой, где окончил семь классов, большую среднюю школу в городском парке. Вспомнились милые родители, не вынесшие муки голода, искусственно созданного сталинской политикой коллективизации, многочисленные славные и добрые родственники, школьные друзья и учителя, погибшие в Красиловском гетто.

На вокзале попал под проверку военного патруля. Мой Красиловский паспорт произвёл впечатление. Меня усадили на почтовую бричку, идущую в местечко и пожелали успехов в мирной жизни. Молодой парень, управлявший разгорячённой лошастью, по дороге рассказал о трагической гибели Красиловских евреев в 1941-42-ом годах. Из оставшихся в местечке жителей еврейской национальности в живых не осталось никого.

Подъезжая к центру, мой извозчик показал на дом Зильбершмитов на вокзальной улице, где сейчас живет семья зозяина дома, недавно вернувшаяся с эвакуации. Я попросил остановить лошадь, поблагодарил парня и направился к входной двери. Сюда мы с Сёмой в конце июня 1941-

го года приходили прощаться с Кларой Кучер и семьёй Зильбершмитов, отправлявшихся в тыл на машине красилковского Госбанка с денежной наличностью, охраняемой милиционером.

Дверь открыл глава семьи Зельман, который узнал меня, несмотря на существенные перемены в моём внешнем виде. Меня пригласили в дом и устроили тёплый приём. Дочь Зельмана Клара дружила с Сёмой ещё со школы и между ними были довольно близкие отношения.

Зильбершмиты возвратились недавно из Башкирии, где они находились в годы войны и работали в колхозе. Кроме жены Зельмана и дочери Клары из эвакуации вернулись ещё две дочери – Поля и Бетя, которых я хорошо знал. Не вернулся только их сын, который погиб на фронте. Его портрет в чёрной рамке висел в спальне родителей.

С помощью прокурора им удалось довольно быстро вселиться в свой дом, где жила семья полиция, на которого было заведено уголовное дело. Теперь они продолжали жить здесь, как и до войны, только уже без сына.

Было воскресенье и вся семья была в сборе. Поставили самовар и долго рассказывали друг другу об ужасах военного лихолетья. Особенно подробно меня заставили рассказать о Полечке и Сёме. Мне даже показалось, что в том интересе с которым Клара слушала о ранении и болезни Сёмы было не простое сострадание и сочувствие, а какие-то более глубокие чувства к нему, которые она раньше скрывала.

В моём рассказе о спасении Полечки совсем чужими украинскими женщинами я не смог умолчать о подлом предательстве Шуры и её сотрудничестве с немцами, что вызвало гнев и возмущение Зильбершмитов.

Клара проводила меня к прокурору и помогла получить распоряжение об освобождении двух комнат в нашем доме для предстоящего приезда нашей семьи в Красилов. Мне было обещано, что как только мы приедем, будет решён вопрос об освобождении остальной части дома, где жили несколько семей с детьми.

Мы побывали на месте расстрела узников гетто, возложили цветы к временному деревянному обелиску. Клара знала много подробностей о трагической гибели красилковских евреев и я с большим интересом слушал о жестокости фашистов и предательстве местных полицейев.

Подолгу бродил я по улицам Красилова, побывал в школах, где прошли годы детства и юности, заглянул в парк, где сейчас было пустынно и неуютно. Не раз кружил вокруг нашего дома, где теперь жило несколько польских семей, но не решался зайти. В памяти чётко восстанавливались интерьеры и расстановка недорогой мебели, принадлежавшей моим прародителям.

Клара Кучер советовала не беспокоить пока жильцов. Так, считала она, будет лучше для сохранности имущества и самого дома.

Большинство еврейских домов в Красилове уцелели. Они занимали центральную часть местечка и выглядели внешне добротнее, чем многие дома на окраинах, принадлежащие неевреям. Теперь владельцы домов с окраин местечка заняли дома в центре, а их бывшие хозяева покоились на окраине, на том месте, где их, узников гетто, расстреляли.

Только несколько еврейских домов (их можно было сосчитать на пальцах одной руки) дождались своих хозяев, которые вели нелёгкую борьбу за возвращение им недвижимости.

Клара неохотно согласилась проводить меня на еврейское кладбище, где покоились мои родители и наши предки с незапамятных времён. Я часто бывал здесь раньше и хорошо помнил расположение и пути прохода к могилам отца и матери. Мы часто приходили сюда с Сёмой, а в дни их смерти, второго и девятого апреля, наводили здесь образцовый порядок, читали кадыш и сверяли свою жизнь с тем, что завещали нам родители.

Я знал, что здесь давно уже никого не хоронили и за могилами некому было ухаживать, но то что я увидел здесь наводило ужас. Это был пустырь, заросший бурьяном с множеством рытвин и ям на месте разрушенных и вывезенных памятников.

С трудом нашёл место захоронения родителей. Комок подккил к горлу и было трудно дышать. Остаться здесь дольше не было сил и мы молча покинули это святое для нас место.

В тот же день я уезжал из Красилова. На прощальном обеде, устроенном Зильбершмитами было много тёплых слов. Они обещали помочь нашей Семье и особенно Сёме после возвращения на Родину. На долгие годы сохранил я в памяти своей заботу и внимание ко мне этих добрых и отзывчивых людей.

30

По пути в Грозный остановился в Харькове. За прошедшие две недели состояние Сёмы не изменилось к лучшему. Чувствовалось, что защитные силы организма и усилия медицины не в состоянии побороть коварную болезнь. Он тяжело дышал и почти не подымался с постели. Всё больших усилий стоило заставить его что-нибудь поесть.

Хоть летние каникулы близились к концу, я пересмотрел свои планы на отъезд и, по совету Доры Абрамовны, занялся уходом за Сёмой. Ежедневно ходил на базар и покупал для него свежие фрукты и овощи. Начальник госпиталя дал указание готовить ему любые блюда, которые он пожелает. Для аппетита ему давали вино, приправы и специи. Всё свободное от рынка и магазинов время я проводил у постели больного, читал ему газеты и журналы, рассказывал о Красилове и трагической гибели всего еврейского населения, включая и всех наших родных и близких.

Он внимательно слушал мои рассказы и требовал новых подробностей. Особенно его интересовало отношение местных жителей к узникам гетто. Я не стал ему рассказывать всё, о чём говорила мне Клара Кучер и другие жители Красилова об издевательствах украинских и польских полицаев над евреями, о грабежах еврейских домов и глумлении над могилами на кладбище, об участии украинских националистов и антисемитов в расстрелах узников гетто. Я считал, что такие подробности могут отразиться на его здоровье, но полностью скрыть это от брата не мог. Я сказал ему, что мы глубоко ошибались, когда верили партийной пропаганде о дружбе народов, о горячем патриотизме всех советских людей и их преданности социалистической Родине.

Конечно, я и на сей раз не рассказал ему о предательстве Шуры по отношению к Полечке, о её служении немцам и измене ему с немецкими офицерами. Я умышленно скрыл эту ужасную быль, считая, что это нанесёт ему смертельную травму и ускорит фатальный исход его болезни.

Часто, возвращаясь мыслями к тем дням, я теперь сожалею, что Сёма до конца своих дней так и не узнал всю правду, но тогда мне казалось, что я не имею морального права поведать ему об этом.

Несколько раз Сёма при мне перебирал содержимое своего вещмешка, как бы обучая меня обращению с хранящимися в нём личными вещами и семейными реликвиями. Среди них были правительственные награды, которыми он был награждён за ратные подвиги в боях, публикации в армейских газетах о сражениях с его участием, семейные и фронтовые фотографии, швейцарские часы в позолоченной оправе с дарственной надписью, немецкий складной ножик со множеством приспособлений различного назначения, офицерская книжка и многие личные документы.

Читая вырезки из армейских газет о боевых операциях с участием Сёмы, обратил внимание на то что ни в одной публикации не названа его фамилия. Его называли Семёном, старшим лейтенантом, командиром батареи, наделяли многими положительными эпитетами, но старались обходиться без фамилии. Не принято было тогда восхвалять подвиги солдат и офицеров с чисто еврейскими фамилиями.

Мы рассматривали вместе сохранившиеся у Сёмы фотографии родителей и наших близких родственников. Из фотографий узнал многое о его фронтовых друзьях, с которыми он не терял связь и продолжал обмениваться письмами.

Сёма подробно расспрашивал меня о студенческой жизни и планах на будущее. Его радовали мои успехи в учёбе и участие в общественной жизни института, но он настоятельно советовал поменять специальность с учётом состояния здоровья. Брат отдал мне все свои сбережения, которые оказались небольшими в связи с уменьшением денежного довольствия на сумму отданного Шуру аттестата. Их еле хватило на покупку фруктов и овощей на рынке.

Я всё откладывал свой отъезд в Грозный из-за тяжёлого состояния Сёмы. После трёхнедельного моего пребывания в Харькове он заявил, что чувствует себя значительно лучше и что в моём уходе за ним теперь нет необходимости.

Дора Абрамовна подтвердила, что Сёме действительно стало лучше, советовала возвращаться в институт и пообещала держать меня в курсе дела письмами. Я и сам заметил некоторое улучшение. Он стал лучше есть и даже мог уже выходить на улицу чтобы подышать свежим воздухом.

Мой отъезд диктовался также и экономическими соображениями. Столь долгое пребывание в Харькове стоило немалых средств, которые не вписывались ни в мой, ни в Семин бюджет. Нельзя было больше злоупотреблять и гостеприимством Доры Абрамовны.

Была середина августа, когда я пришёл, как оказалось в последний раз, попрощаться с Семой. Он просил не беспокоиться о нём, так как ему, якобы, уже намного лучше, велел больше уделять внимания учёбе и готовиться к самостоятельной жизни. Просил помочь Шуру, Полечке и

Андрею перебраться в Красилов, куда и он собирался приехать весной. Говорил он спокойно и уверенно, но меня не покидала мысль, что это может быть последний с ним разговор. Я с трудом сдерживал слёзы, спазмы сжимали горло и я не мог произнести ни единого слова. В знак согласия я только кивал головой, обещая таким образом выполнить его поручения и просьбы.

Когда время прощания подошло к концу, Сёма открыл прикроватную тумбочку и велел забрать подготовленный им вещмешок со всем тем с чем он не расставался всю войну.

Я и на сей раз отказался выполнить его просьбу, опасаясь, что это может отрицательно повлиять на его настрой и пообещал приехать после зимней сессии, чтобы сопроводить его из госпиталя домой.

До сих пор я глубоко сожалею о том, что не послушался тогда Сёму и не забрал его личные вещи, лишив себя и Полечку драгоценных семейных реликвий и предметов памяти о самом дорогом и любимом нами человеке.

В последнюю минуту мы оба не сдержали слёз, но Сёма и на этот раз оказался сильнее меня и, улыбаясь, произнёс:

- Будь счастлив, Нюсик!

31

На четвёртом курсе было много спецпредметов. Кроме геологии и палеонтологии начался курс кристаллографии, геотектоники и ряда других дисциплин. Несмотря на твёрдое намерение поменять специальность, я не изменил своего отношения к учёбе, в том числе и к предметам узкой геологической специализации.

Я решил в следующем году, когда уже непременно закончится война, перевестись в другой институт. Больше всего хотелось учиться в Одессе. Полюбился мне этот город у моря по рассказам Зюни и недолгому моему знакомству с ним.

Много времени отнимала общественная работа. Как секретарю комсомольской организации института приходилось участвовать в собраниях городского актива, в работе пленумов горкома комсомола, в заседаниях учёного Совета института.

Дружба с Инной Крыликовой продолжалась. Она всё чаще стала приглашать меня домой по выходным дням, где угощала праздничными блюдами, которые они с сестрой Надей специально готовили для меня. Я представлял себе, что стоило им в то голодное время приготовление таких обедов и под разными предлогами стал отказываться от приглашений.

Инна понимала причину моих отказов и стала приносить еду в общежитие. То были салаты, супы или украинский борщ, который считался фирменным блюдом Крыликовых. Всё это Инна готовила на всех четырёх обитателей нашей комнаты, так как понимала, что здесь всё делится поровну.

Меня грызла совесть, что ввожу Инну в такие расходы и я поставил перед ней условие, что такие застолья могут быть только по праздничным дням и что в расходах мы должны принимать равное участие.

Отношение и чувства Инны ко мне не вызывали ни у кого никакого сомнения, но она долго открыто в этом не признавалась. Не делал это и я

из-за скромности, присущей всем Гимельфарбам. Немаловажное значение в этом имело также нееврейское происхождение Инны.

После предательства и коварной измены Шуры, открытого участия многих русских украинских и других националистов в поголовном и безжалостном уничтожении всего еврейского населения на оккупированной немцами территории, в обстановке продолжающегося государственного антисемитизма и открытой дискриминации евреев со стороны местных и центральных органов власти, я твёрдо решил, что моей женой может стать только еврейская девушка.

К такому решению прийти было непросто, если учесть, что Сёма воспитывал нас на интернациональных принципах, что тому же учила нас школа, комсомол, партия и все средства советской пропаганды на протяжении всех лет моей сознательной жизни. Особенно трудно было придерживаться этого воззрения по отношению к Инне. Её искренне чистые и добрые чувства ко мне как бы абсолютно исключали всякую возможность проявления ею неприязни на национальной почве. К тому же я больше не сомневался в своих тёплых чувствах к Инне и потому под любым предлогом откладывал выяснение отношений с ней.

Как-то я получил большое письмо от Инны в окошке «До востребования» Главпочтамта. В нем на восьми страницах были её сердечные признания в любви, которые она не решилась высказать при встрече. Там же была её фотография с очень трогательной надписью.

В наших отношениях назрела кульминация, требующая развязки. Я должен был дать чёткий недвусмысленный ответ на её чувства. Удобным для этого случаев мог оказаться день рождения Инны, который она решила отметить дома в очень узком кругу. Кроме нас двоих за праздничным столом была только её сестра Надя, которая заменила ей рано ушедших родителей.

Я произнёс первый тост в котором выразил своё отношение к Инне, как к замечательному человеку и верному другу. Здесь были добрые слова о прекрасном характере, талантах, которыми её наделила природа и родители, нежности, доброте и красоте. Не было только публичного признания в любви, но оно как бы напрашивалось само по себе из того, каким был представлен образ Инны из моих уст.

Очень хорошо мне было в тот вечер в компании сестёр Крыликовых. Мы слушали музыку, пели. Я играл на мандолине, а Надя на гитаре. Не заметил, как пробило 12 и заторопился домой, но сёстры уговорили меня остаться, ссылаясь на отсутствие транспорта в такое позднее время и опасности нападения хулиганов и грабителей.

Инна 1944 г

Подали торт и за чаем посидели ещё часок. Когда было уже далеко за полночь, Надя, сославшись на усталость, попрощалась и оставила нас одних. Впервые мы с Инной были вдвоём ночью в интимной обстановке и нам было хорошо, как бывает двум любящим друг друга молодым людям. На всю жизнь осталась в моей памяти эта первая и, как потом оказалось, последняя ночь в доме Инны.

Письма от Сёмы приходили довольно часто. Как и раньше, он писал их на тетрадных страничках, которые складывались в треугольник и без конверта и без марки отправлялись обычной почтой. В них была очень ценная для меня информация о лечебных процедурах, госпитальной жизни и планах на будущее. Он, как всегда, был оптимистом и не терял веры в выздоровление. В них были и ответы на многочисленные вопросы, которые задавались мною в моих письмах.

Писал я Сёме каждый день. Для этого я подымался в пять утра и шёл в красный уголок, где в то время никого не было. Мои письма были большими, подробными и походили на дневник. Я писал ему об учебном процессе, общественной работе, о своих друзьях, личной жизни и, конечно, об Инне. Он как будто одобрял мои отношения с ней, считал, что такая дружба делает жизнь более содержательной и интересной, но недвусмысленно дал понять, что спешить с женитьбой не следует по крайней мере до окончания учёбы, особенно когда решается вопрос о смене специальности, переводе в другой институт и переезде в другой город. Кроме того, он советовал в этом вопросе брать пример не с него, а с Зюни, которому он по доброму завидовал.

В одном из писем того времени он впервые открыто признал, что его брак с Шурой был самой серьёзной ошибкой, допущенной им за всю свою жизнь, в чём он окончательно убедился только сейчас. Шура, по его мнению, не выдержала серьёзных экзаменов, которыми стали война и его ранение. Он не исключал, что в этом не последнюю роль сыграло различие в национальности и её неприязнь ко всему, что связано с нашим еврейским происхождением. Сёма утверждал, что опыт войны подсказывает, что семья должна строиться на принципах не только духовной, но и национальной общности.

Обо всём этом мой старший брат писал, не ведая об отношении Шуры к Полечке в первые годы войны, её измене и поведении в период оккупации Немирова немцами.

Наверное, Сёма хотел ещё что-то важное мне сказать о его отношениях с Шурой, о чём можно было догадываться по отдельным фразам в его последних письмах. В них чувствовалось недовольство её поведением при встрече с ним в госпитале и особенно после её отъезда. Она редко писала ему и не искала возможности новой встречи. Не трудно представить, как больно и обидно было ему это сознавать.

В начале ноября я получил его поздравительную открытку по случаю наступающего праздника, а через несколько дней было ещё одно короткое письмо, в котором он сообщил, что в канун праздника Дня Артиллерии, который отмечался тогда в третье воскресенье ноября, ему вручили второй орден Боевого Красного Знамени. К этому празднику ему также выдали новую офицерскую форму. Это было последнее его письмо.

Я сердечно поздравил его с праздниками, высокой наградой и с днём рождения, который мы всегда отмечали 25 ноября. Мои письма, как и раньше, отправлялись ему ежедневно, но теперь оставались безответными. Тревожные чувства овладели мною и я написал письмо Доре Абрамовне, на которое также не получил ответа. Только на письмо военкому госпиталя я получил официальное сообщение о внезапной смерти Сёмы 18 ноября 1944-го года. Сообщалось также, что он похоронен с воинскими почестями

на Пушкинском кладбище и что о смерти своевременно было сообщенно его жене по месту жительства.

На следующий день я получил письмо от Доры Абрамовны с соболезнованиями по поводу смерти Сёмы - её лучшего друга и замечательного человека. Она сообщила, что, не участвовала в похоронах, так как находилась в течение месяца в Ленинграде в связи с болезнью матери. Личные вещи Сёмы после его смерти бесследно исчезли и она занимается их поиском. В моём приезде сейчас она не видела смысла и советовала приехать весной для обустройства могилы и установки памятника. Из её письма я узнал, что Шура в похоронах не участвовала и на сообщение госпиталя не прореагировала.

Страшная весть о смерти Сёмы лишила меня сна и покоя. Я совсем забросил учёбу и целыми днями глядел в потолок, лёжа на койке. Не было желания ни есть, ни пить, ни жить. Трудно сказать, что было бы со мной, если бы не Инна и мои друзья. Они были ко мне очень внимательны и участливы.

В начале декабря я всё же выехал в Харьков. С помощью Доры Абрамовны с трудом добился установления памятника, на котором золотыми буквами написано:

Гвардии старший лейтенант Гимельфарб Семён Мойсеевич
25 ноября 1914-г. – 18 ноября 1944-г.

Сёма не дожил только одну неделю до своего тридцатилетнего юбилея, не дождался Победы и не познал радостей жизни. Все свои силы, всего себя он отдал служению Родине и нам, Гимельфарбам, которым был до конца предан и которых очень любил.

33

Долго не мог прийти в себя после смерти Сёмы. Ещё недавно насыщенная делами и заботами студенческая жизнь вдруг стала однообразно-пустой и бесцельной. Только сейчас понял, что тратить силы и время на изучение геологии и смежных дисциплин, когда я твёрдо решил менять специальность, не имеет смысла.

Общественная работа, которая ещё недавно увлекала, больше не интересовала меня и на отчётно-выборном комсомольском собрании я дал себе самоотвод по состоянию здоровья и не был избран в состав комитета комсомола.

Даже от свиданий с Инной стал уклоняться под разными предлогами. Она, конечно, понимала причины моих страданий и всеми силами старалась облегчить их. Так как прогулки, кинофильмы и другие развлечения меня больше не интересовали, она стала приносить книги из библиотеки её покойного отца.

Никогда раньше я не читал так много художественной литературы. На это просто не было времени. Теперь, чтобы чем-то занять себя, я стал читать всё подряд, что приносила Инна.

Написал несколько писем Полечке. Пытался как-то успокоить её. Она по-прежнему жила у тёти Анюты, к которой была очень привязана. С Шурой она не общалась и избегала её.

Тётя Аня рассказывала Полечке, что Шура много пьёт и её никто не берёт на работу. Её сын Андрей очень редко приезжает в Немиров и не помогает ей.

Как-то, после смерти Сёмы, я получил от неё письмо в котором она признавала свою вину перед Полечкой и Сёмой и просила простить её. Она хотела уехать с нами в Красилов, где обещала бросить пить, найти работу и помогать во всём Полечке.

Я долго не мог принять окончательного решения относительно её просьбы. С одной стороны её было жалко и нельзя было забыть просьбу Сёмы, который хоть и прозрел после встречи с ней, но всё же до конца жизни любил её, заботился о ней и просил не оставлять её в беде. А с другой стороны, как можно было забыть её измену мужу и особенно – подлое предательство по отношению к Полечке, о чём Сёма так и не узнал до конца своей жизни.

Злость и возмущение звали к мести. Единственное, что сдерживало была просьба Сёмы, с которой нельзя было не считаться. После долгих раздумий я написал ей короткое, но жёсткое письмо, в котором отказал ей в прощении, но обещал не мстить ей в память о Сёме, который так сильно и верно любил её.

Было ещё одно её письмо, которое я оставил без ответа. Как мне потом рассказала Полечка, Шура совсем спилась. Родственники написали обо всём Андрею, который в то время служил в Армии. Ему дали краткосрочный отпуск и он приехал в Немиров, но никакой пользы его приезд не дал. Накануне его отъезда Шура повесилась на крыльце своего дома. Её похоронили в овраге на краю кладбища, где хоронят самоубийц и пьяниц.

Когда Полечка как-то позднее приехала из Красилова в Немиров навестить тётю Анюту и пожелала побыть на могиле у Шуры, они не могли её отыскать, так как она никем не посещалась и заросла бурьяном.

34

Весной 1945-го года уже никто не сомневался в скором окончании войны. После разгрома немцев под Сталинградом и победой наших войск в танковом сражении под Курском началось наступление на всех фронтах. Были освобождены Украина, Белоруссия, Молдавия и другие республики СССР. Далее была Варшава, Вена, Прага, Будапешт и, наконец, окончательное поражение фашистов в их логове – Берлине.

В ночь с 8-го на 9-ое мая мы долго не ложились спать, ожидая сообщения об окончании войны. Далеко за полночь, во втором часу ночи, когда мы уже потеряли надежду дождаться желанного известия, знакомый голос диктора московского радио Левитана зачитал долгожданную радостную весть о полной капитуляции немецкой армии. День 9-ое мая был объявлен всенародным праздником - Днём победы.

Праздничное возбуждение овладело нами и мы, как по команде, вскочили с кроватей и стали не своим голосом орать «Ура!» Мы обнимали, целовали друг друга и издавали какие-то невнятные звуки восторга. Хотя была уже глубокая ночь, все хлынули на улицу, где творилось что-то невероятное.

Толпа двигалась к центру, на проспект Революции, где обычно проходили праздничные демонстрации. На центральной площади, украшенной ещё первомайскими лозунгами, флагами, плакатами, у памятника Ленину собралось огромное количество людей. Здесь было немало солдат и офицеров местного гарнизона, бывшие воины-инвалиды. Им досталось больше всего поцелуев от заплаканных женщин, многие из которых не дождались и никогда уже не дождутся возвращения с фронта своих отцов, сыновей, мужей, возлюбленных. Откуда-то появились гармошки, баяны, аккордеоны и пары закружились в танце. Наперебой звучали песни.

На площади нас разыскали Инна с подружками из нашего курса. Они решили организовать застолье на квартире у Любы - дочери Марии Ивановны, что работала кассиром в институте и выдавала нам стипендию и талоны на вторые горячие блюда. Они жили в центре, недалеко от площади.

На столе был традиционный студенческий винегрет, селёдка с луком, квашенная капуста, несколько бутылок сахарного самогона и домашнего виноградного вина, которое Мария Ивановна держала к возвращению мужа с фронта. Я никогда так много не пил, как в ту ночь, но совсем не пьянел и на душе было светло и радостно. Великая Отечественная война с её многомиллионными жертвами, ужасами и страданиями осталась позади, а впереди - долгожданная мирная жизнь, которая представлялась счастливой, хотя бы потому, что будет мирной.

Было только мучительно больно, что до праздника Победы не дожили мои братья, с которыми вместе уходили на войну и из которой вернулся только я один. Тяжёлое чувство утраты родных, близких, друзей омрачало радость праздника. Из всей нашей большой и очень дружной семьи и многочисленной родни в живых остались только Полечка и я.

Дорого обошлась победа нашей стране. Миллионами исчислялись погибшие на фронте, уничтоженные в гетто и концлагерях, умершие от голода и холода в блокаде и в тылу. И самую высокую цену заплатило европейское еврейство, которое подверглось почти полному уничтожению.

Мы подняли и выпили до дна тост в память о павших в самом кровавом и самом страшном побоище в истории человечества.

35

Как только закончилась летняя сессия, я стал собираться в дорогу, намереваясь навсегда покинуть Грозный. С ребятами, с которыми мы очень сдружились за годы учёбы и жизни в общежитии, распрощался до их отъезда на летние каникулы. Мои друзья по комнате тоже собирались уехать из Грозного. Лёня Шустер был намерен возвращаться в минский Политехнический институт, Лёва Хайкин получил переводной лист для продолжения учёбы в Технологический институт Днепропетровска, Рувка Фан-Юнг уезжал на свою родину в Херсон, хотя из родных и близких у него там никого не было. Все они погибли в гэтто.

С ними, как и со многими другими приятелями по учёбе и общественной работе договорились не терять связь. Я не сомневался, что продолжу учёбу в Одессе и велел писать мне на главпочтамт, до востребования.

Труднее всего было прощание с Инной. Она чувствовала, что мы можем больше не встретиться, знала о совете Сёмы воздержаться с женитьбой и моих сомнениях на этот счёт. Она искренне недоумевала, но держалась гордо, с достоинством. Просила писать ей также регулярно, как раньше писал Сёме. Вероятно надеялась, что письма не дадут остыть нашим чувствам и не позволят забыть друг друга.

В день отъезда Надя устроила прощальный обед и подняла тост за нашу скорую встречу. Мы распрощались с ней, как родственники. Инна проводила меня на вокзал и до прихода поезда вела себя очень мужественно. Только когда подошёл поезд, она залилась слезами и сопровождала уходящий поезд до конца платформы, посылая прощальные взмахи рукой, в которой был её неизменный красный берет. Не знал я ещё тогда, что прощались мы с Инной навсегда.

36

Первые дни пребывания в Одессе посвятил общению с городом. Несмотря на большие разрушения, Одесса произвела хорошее впечатление. Зашёл в несколько одесских институтов. В Мукомольном, Политехническом и Университете мне представляли общежитие и принимали на третий курс, но больше других понравился тогда институт Пищевой и Холодильной промышленности. Сейчас трудно сказать, что произвело на меня большее впечатление – прекрасное здание, перспективная, в то время, специальность, хороший приём в деканате или отличная столовая, где по талонам в голодном 1945 году к обеду давали горячие пирожки, свиные рёбрышки с большим содержанием мясной ткани и студень с местного мясокомбината.

Как бы там ни было, я стал студентом третьего курса этого института и с ходу приступил к погашению академической задолженности, образовавшейся в связи с различием программ в двух институтах. Деканат пошёл мне навстречу, согласовав удобный для меня график сдачи экзаменов и зачётов.

Мне представили место в общежитии на театральной переулке, что рядом со всемирно известным Одесским оперным театром. Общежитие было тесным, неблагоустроенным и неудобным, но меня это не огорчало. Важно, что была своя кровать и чистое бельё.

Учёба в новом институте имела ряд особенностей, связанных с изменением профиля. Нужно было сдать ряд серьёзных экзаменов по химии, технологии и оборудованию пищевых производств, холодильной технике и технологии. Всё это создавало определённые трудности, но уже к концу первого семестра удалось преодолеть возникшие проблемы и зимняя сессия была закончена примерно с такими же результатами, как и предыдущие сессии в Грозном.

Местом производственной практики стал Одесский консервный завод имени Ворошилова – довольно крупное предприятие, выпускающее широкий ассортимент овощных и мясорастительных консервов. Практика была очень полезной во всех отношениях. Я долго вспоминал после этого те счастливые дни, когда не было никаких проблем с питанием и так удачно сочеталось приятное чувство сытости с полезным изучением техники и технологии консервного производства.

Жить в общежитии без друзей трудно и все ребята нашей комнаты стали моими друзьями. Мы вместе занимались, питались, отдыхали. Но лучшим моим другом в Одессе был Коля Погосов – армянин из Эревана, который почему-то любил общаться с евреями. Он встречался только с еврейскими девушками и одна из них – Мира Фишман из параллельного курса экономического факультета стала позднее его женой.

С мнением Коли я очень считался и между нами не было никаких секретов. Как и у меня, у него не было других постоянных источников дохода, кроме стипендии, и мы с ним питались и одевались очень скромно. Иногда нам удавалось заработать немного денег на погрузочно-разгрузочных работах на Новом базаре, что был недалеко от нашего института.

После летней сессии мы с Колей были на производственной практике на Одесском мясокомбинате и она оставила у нас не меньше приятных впечатлений, чем практика на консервном заводе. В отличие от меня, Коля не отличался излишней скромностью и ему удалось довольно часто проникнуть в самые труднодоступные производственные участки, какими были пирожковый цех и отделение производства деликатесов по заказам местного партийного и советского руководства. Он приносил нередко даже такие деликатесы как охотничьи колбаски, буженину, пастроу и сырокопчённые колбасы. В таких случаях мы не ходили обедать в заводскую столовую, а устраивались где-нибудь в укромном месте и вволю наслаждались изделиями, изготовленными по спецзаказам.

На очередной профсоюзной конференции меня и Колю избрали в профком института, где я возглавил учебный сектор, а Коля – жилищно-бытовой. Моя общественная работа, хоть и была более важной, чем Колина, и я вскоре стал заместителем, а затем и председателем профкома института, на деле оказалась менее практичной и полезной для нас, чем его скромный бытовой сектор.

Ему удавалось чаще получать талоны на дефицитные промтовары, которые отоваривались в магазинах госторговли по государственным ценам, что были в несколько раз ниже цен на рынке и в комиссионных магазинах. Можно было даже не отоваривать такие талоны, а продать спекулянтам, которые охотно скупали их на рынке. В среднем нам платили за талон около ста рублей, что составляло треть нашей повышенной стипендии. За эти деньги можно было купить целых три полулитровых банки кукурузной муки.

Коле такие талоны доставались часто от влюблённых в него девушек, которые в них не очень нуждались и искали таким путём знакомства с ним. Как бы там ни было, но нам на мамалыгу стало хватать, а иногда даже на подсолнечное масло к ней оставалось.

На четвёртом курсе учиться стало легче, появилось больше свободного времени и я с удовольствием отдавал его общественной работе, к которой относился серьёзно и ответственно. Вместе с другими профсоюзными и комсомольскими активистами удалось создать хорошую клубную самодеятельность, были образованы эстрадный оркестр, драматический и танцевальные коллективы. Наши самодеятельные артисты успешно выступали не только на своей сцене, но часто приглашались в другие институты города и даже выезжали за его пределы.

Работа профкома планировалась по программе максимум. Бывало, что по разным причинам не всё удавалось выполнить, но и того что делалось было достаточно для постоянно высокой оценки нашей работы. Этого принципа планирования я затем придерживался всю свою трудовую жизнь, работая руководителем цеха, предприятия, объединения.

Опыт общественной работы в институте оказался для меня весьма полезным в организации производственной деятельности и становлении, как руководителя предприятия.

37

Мои попытки забыть Инну оказались безуспешными. Письма от неё приходили почти ежедневно. Они были нежными, тёплыми и полными любви. Она приглашала на каникулы в Грозный, затем предложила встретиться в Красилове, где теперь проживала моя Полечка, с которой она вела активную переписку, а когда я под разными предлогами отклонил эти предложения, она напросилась на встречу в Одессе, где жила какая-то её дальняя родственница. Поводом для этого она избрала мой день рождения и встречу Нового 1946 года.

Признаюсь, что и мои чувства к Инне, несмотря на длительную разлуку не изменились. Я хоть и не так часто писал ей и мои письма были не такими большими и пылкими, но оставлять безответной её любовь не хватало сил. Разумом я понимал, что не должен поддаваться эмоциям и обязан воспользоваться разлукой, чтобы порвать с Инной, но заставить себя сделать это было не просто. Трудно было оставаться глухим к милому и верному другу, кем она была для меня. Я отчётливо понимал, что если поддамся душевным порывам и мы вновь встретимся в любом месте, всё остальное решится само собой. Народная мудрость «с глаз долой – из сердца вон» в моём случае не подтвердилась.

Так продолжалось несколько месяцев. Только, когда до её приезда в Одессу осталось немногим более двух недель, я набрался мужества написать ей о необходимости забыть друг друга. Сочинить такое письмо оказалось непросто. Несколько вариантов такого сочинения оказались в урне, пока, наконец, придумал наиболее подходящую версию.

Всё дело было в том, что с действительной причиной разрыва Инна бы никогда не согласилась и не отменила бы свой приезд в Одессу. Она приложила бы все силы и использовала все свои способности, чтобы переубедить меня и, вполне возможно добила бы успеха.

Я вынужден был пойти на обман и написал, что встретил девушку, которую полюбил и на которой собираюсь жениться перед окончанием института. Я не нашёл ничего лучшего для своего оправдания, как сослаться на чувства, которые в таких случаях не поддаются рассудку.

Слова благодарности Инне за её доброе сердце и чистые девичьи чувства, как и просьба о прощении звучали неубедительно и неискренно, но я не сумел найти другие, которые увязывались бы с этой неправдой в главном. Я нагло солгал девушке, которую любил и которая была полна любви ко мне.

Как и следовало ожидать, моё письмо привело к полному разрыву с Инной. Её девичья гордость не позволила ей более иметь какие-то

отношения с таким неверным и неблагодарным человеком, каким в её представлении оказался я.

Никогда раньше и на протяжении всей своей жизни позднее я не казался таким гадким и мерзким самому себе, как тогда, при разрыве с Инной, которую я не забуду до конца своей жизни.

Я замкнулся в себе, уклонился от общественной работы, отказывался от встреч и прогулок с друзьями, которые раньше доставляли удовольствие. Всё свободное время уходило на книги, которые как-то отвлекали от угрызения совести.

Наболевшее и пережитое требовало выхода и я поделился своими мыслями и сомнениями с Колей Погосовом – самым близким мне человеком в то время. К моему удивлению, он не только не осудил мой поступок, а наоборот посчитал его достойным уважения. Коля считал, что прошедшая война научила по новому понимать «дружбу народов», что евреям и другим семитам, к которым он относил и армян, не следует при создании семьи пренебрегать национальной общностью супругов, что важно не только для них, но и для их будущих детей. Он успокаивал меня тем, что умница и красавица Инна встретит своего спутника жизни и вскоре забудет свою любовную трагедию.

Поддержка друга, как-то облегчила мои страдания и рана, нанесенная самому себе начала понемногу заживать. После долгого перерыва я вновь вернулся к общественной работе, художественной самодеятельности и подготовил очередной сценарий концерта, посвящённого ноябрьским праздникам.

Коля 1947 г

На одной из репетиций ко мне подошла очень симпатичная, еврейского типа девушка и предложила свои услуги в знакомстве с её подругой Шурой Кимлат, которая, по её словам, давно интересуется мною, но сама не решается проявить инициативу.

После разрыва с Инной я пока не собирался заводить новые знакомства и потому с холодком отнёсся к этому предложению. Чтобы уйти от этой темы и не обидеть девушку перевёл разговор на другую тему и пригласил её к участию в предстоящем концерте.

Поняв, что её миссия провалилась и что ей не удалось выполнить поручение своей подруги, девушка, ссылаясь на время, собралась уходить. Лицо её густо покраснело и она, извиняясь, стала прощаться. Мне как-то жаль стало девушку и почему-то захотелось продолжить беседу с ней. Сославшись на то, что мне тоже пора идти, я пошёл рядом с ней к выходу из института.

Её звали Анечкой. Мы учились на одном курсе и нередко встречались на общих лекциях в большой аудитории. Я как-то особенно её не замечал и только этим ограничивалось наше знакомство. Она была небольшого роста с ярко выраженными еврейскими чертами небольшого личика, на котором выделялись красивые чёрные глаза и полные прелести губы. Тёмные волосы были уложены в косы. Никаких следов макияжа, никаких украшений в ушах, на руках и на шее. Одежда не претендовала на современный стиль и не подчёркивала особенности её фигуры, которая

была того достойна. Говорила она с лёгким еврейским акцентом и не чётко выговаривала букву «Р».

Трамваем мы вместе доехали до Малой Арнаутской и я проводил её к Книжному переулку, где она жила, как квартирантка, в семье той самой подруги Шуры Кимлат, с которой пыталась меня познакомить. Она не разрешила проводить её до крыльца дома, холодно попрощалась вдали от него и я смотрел вслед, пока за ней не закрылась входная дверь.

Трудно сказать, что привлекло меня в Анечке. В ней не было вроде ничего особенного. Может быть покорила её детская наивность, может скромность и отсутствие стремления нравиться, присущее девушкам её возраста, может воздействовала её верность дружеским чувствам к подруге, которой она искренне стремилась помочь в знакомстве. Чем-то тронула меня она, да так, что после этой встречи мне очень хотелось её видеть вновь, и я стал искать для этого любую возможность.

В каждом случае, когда мне это удавалось, она находила нужным напомнить мне о своей подруге и предлагала варианты встречи с ней. Мне стало ясно, что у неё нет никакого интереса встречаться со мной без подруги и я согласился на встречу втроём, на что она охотно согласилась. Мы стали вместе гулять, ходить в кино, в театр и Анечка постоянно находила повод оставить нас вдвоём с подругой.

Шура Кимлат училась с Анечкой в одной группе. С первого курса она значилась в числе немногих круглых отличников. Она была, очень начитанной, способной и красивой девушкой. С ней было интересно поговорить на темы искусства, литературы, музыки или по общественно политической тематике.

Шура вела себя скромно, но с достоинством. Наверное можно было только гордиться тем, что такая девушка проявляла ко мне интерес и добивалась моей дружбы. Я отчётливо это понимал, но душа почему-то тянулась к её подруге, и даже когда мы оставались одни, я вопреки разуму и такту, говорил не о наших с ней отношениях или чувствах, а об Анечке.

Нужно отдать должное Шуре. Когда она поняла, что нет никакой больше надежды на изменения в наших отношениях, она сделала всё возможное для углубления и развития моей дружбы с Анечкой. Мы ещё какое-то время продолжали гулять втроём, но теперь уже Шура искала любую возможность оставить нас вдвоём с её подругой.

С Шурой мы оставались самыми добрыми друзьями до окончания института и многие годы не теряли связь, хотя жили далеко друг от друга. К сожалению, у неё так и не сложилась личная жизнь, несмотря на её женское обаяние и успешную служебную карьеру.

Анечка 1945 г.

Наши же отношения с Анечкой постепенно крепились, но долго ещё оставались чисто дружескими. Коля Погосов прозвал её «Не тгогай» и это прозвище в кругу моих друзей вскоре вытеснило её настоящее имя.

На четвёртом курсе Анечка поселилась у друзей своих родителей Яши и Лизе Этингоф, которые жили далеко от центра в районе станции Одесса-Товарная. Трамваи оттуда ходили нерегулярно и мне нередко

приходилось оттуда возвращаться в своё общежитие пешком, что было небезопасно, особенно вечером. Тем не менее я провожал Анечку домой почти ежедневно.

Яша и Лиза относились ко мне хорошо, но не считали меня подходящим женихом для Анечки. Я не подходил на эту роль по многим причинам, которые они держали в уме и о которых предпочитали вслух не высказываться.

Правда, была у меня в том доме и союзница – младшая сестра Анечки – Полечка. Она была на пять лет моложе своей сестры и училась тогда в восьмом классе средней школы. Я старался помогать ей в математике и она была в восторге от этого, утверждая, что у меня это получается намного лучше чем у её учителей.

Лиза и Яша очень заботились об удачном замужестве Анечки и не без успеха искали ей женихов. Они даже не делали из этого особого секрета и мне были известны имена и характеристики кандидатов на этот статус. Самым весомым из них был молодой юрист Миша - из Харькова – младший брат дяди Яши. Как-то перед Новым годом он был приглашён на несколько дней для знакомства и общения с Анечкой. Целую неделю он обхаживал её, приглашал в театры и рестораны, но почему-то не произвёл должного впечатления и получил отставку.

Были и другие кандидаты в женихи, которые не скрывали своих пылких чувств и серьёзных намерений. Всё это и отсутствие заметного прогресса в наших чисто дружеских отношениях привели меня к мысли, что шансов на успех у меня слишком мало и что нужно оставить Анечку в покое, чтобы не стать для неё помехой в личной жизни.

В один из летних погожих дней, провожая Анечку домой, я объявил ей своё решение об изменении статуса наших отношений, а на следующий день после последнего экзамена уехал по горящей путёвке в санаторий «Коммунарка», что в пригороде Одессы.

Как оказалось, это был тот же санаторий, в котором я лечился от бронхиальной астмы в далёком 1936-ом году. Знакомые очертания санаторных корпусов, клуба и парка навеяли горькие воспоминания о далёком детстве, моих милых братьях Сёме и Зюне, которые привезли меня тогда сюда, так заботливо за мной ухаживали и так рано ушли из жизни.

Чтобы как-то отвлечься от грустных мыслей о прошлом и плохого настроения, вызванного разрывом с Анечкой, всё свободное время проводил у моря, где смог убедиться в его поистине волшебных целебных свойствах.

Когда были выполнены все назначения врачей и до срока путёвки оставалось несколько дней, я попросил досрочной выписки и с радостью покинул санаторий.

Уже на следующий день с усердием взялся за общественную работу в профкоме, где накопилось много неотложных дел, которые поглотили всё свободное время. С Анечкой старался не встречаться.

Когда впервые после месячного перерыва мы случайно встретились в вестибюле института,, я поразился нескрываемой радости, которая исходила от неё. Она засыпала меня вопросами, как это делают близкие друг другу люди, которые долго не виделись и очень соскучились.

Мы вышли со здания института и побрели по городу. Стоял жаркий день, какие бывают в Одессе в конце июня. Нас потянуло на Греческую площадь, где можно было в тени покушать мороженное и попить холодной зельцерской воды. Там, как и на улицах города, было в эту пору безлюдно. Все, кто свободен от работы или учёбы, в такую жару покидают город и наслаждаются прелестями моря на многочисленных одесских пляжах. Нам же не хотелось никуда уходить. Мы долго сидели за столиком, ели мороженное и говорили.

Темы разговора менялись, мы говорили о многом, но ни разу не коснулись той размолвки и всего, что было с ней связано. Не выясняли мы также свои отношения и не выражали свои чувства, но без слов на эту тему было ясно, что мы не можем больше так долго быть врозь.

Прощаясь в тот вечер с Анечкой, я понял, что теперь уже не сможем жить друг без друга, что отношения наши перешли в другую фазу, когда нужно принимать серьёзные решения о нашей будущей жизни.

38

Дни студенческой жизни были заполнены до предела лекциями, семинарами, зачётами, экзаменами, общественной работой, а вечера – свиданиями с Анечкой, которые приносили много радости и удовольствия. Мы довольно часто посещали спектакли в знаменитом театре Оперы и Балета и замечательном Русском драматическом театре, выступления приезжих выдающихся деятелей театрального и музыкального искусства, спортивные мероприятия, участвовали в субботниках по восстановлению памятников культуры и архитектуры, а также благоустройству полюбившейся нам красавицы-Одессы – городу герою, городу легенде.

Запомнился праздник 1 Мая 1947-го года. Накануне прошёл слух, что на трибуне центральной площади будет Г. К. Жуков – легендарный полководец, герой минувшей войны. Как не пойти на демонстрацию, если там можно будет увидеть Жукова? На праздничную демонстрацию в том году вышла, казалось, вся Одесса. Участвовали в ней и мы с Анечкой. Главный первомайский призыв «Мир, Труд, Май» воспринимался в этот раз не формально, а отражал душевные чувства и настроение горожан.

Ожидания нас не обманули. Демонстрация была грандиозной и желание увидеть Жукова сбылось. Он стоял в центре трибуны и тепло приветствовал одесситов, которые в ответ выражали ему своё восхищение громогласными возгласами «Ура». При этом на этот раз «Ура» провозносилось как-то необычно тепло и сердечно.

Позднее мы узнали, что Сталин не пожелал больше делить славу победы над фашизмом с Жуковым, отстранил его от всех занимаемых им постов в Москве и сослал в Одессу в качестве командующего войсками Одесского Военного Округа. Сталин считал Одессу местом ссылки Жукова, а Одесса гордилась тем, что удостоена такой великой чести.

Воле и желанию вождя тогда было подчинено всё. Его капризы были непредсказуемы и можно было не удивляться никакому его решению, даже самому чудовищному. Что стоила для него судьба человека, даже такого гениального и выдающегося, как Жуков? Стоило ему только повелеть и миллионы неповинных людей уничтожались, как «враги народа». Целые народы, как чеченский, ингушский, крымские татары и другие ссылались

в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан, где тысячами погибали от голода, холода и болезней. Жестокость Сталина не знала предела и не имела границ.

И всё же настроение у нас в тот май было радостным и праздничным. Хотелось сполна ощутить прелесть тепла, мира, солнца.

39

Не могу не отметить тёплого, душевного ко мне отношения руководства института и общественных организаций. Наверное, сказывалось очень внимательное и доброе отношение к инвалидам Отечественной войны вообще, которым был характерен этот период времени. Недавно кончилась война и люди были полны сострадания к её жертвам.

И тем не менее я чувствовал к себе какое-то особое отношение. Может быть сказывалось прилежное отношение к учёбе (я постоянно получал повышенную стипендию за отличную успеваемость), возможно какое-то значение имело участие в общественной работе (я избирался членом и председателем профкома института), но всё же я постоянно удивлялся тому вниманию, которое мне оказывалось. Особенно чутко ко мне относились заместитель директора по научной работе А. Ф. Марх и декан технологического факультета А. Ф. Фан-Юнг. Они часто интересовались не только моими учебными делами, чему можно было не удивляться, но и другими житейскими проблемами, которые постоянно возникали у одиноких студентов в то трудное время.

Как-то мой декан – А. Ф. Фан-Юнг деликатно поинтересовался причиной ношения повязки на левом глазу и предложил свою помощь в посещении по этому поводу лучших специалистов по глазным болезням и лицевой хирургии. Дело в том, что я не мог снять повязку из-за черепно-лицевого ранения, результатом которого стал отрыв верхней части носа и потеря глаза с отрывом нижнего века, что не позволяло пользоваться глазным протезом.

Конечно повязка травмировала меня физически, и, особенно, морально. Кроме студенческой аудитории, которая уже как-то смирилась с моим изуродованным лицом, мне довольно часто приходилось посещать заседания Учёного Совета института, комсомольского и партийного актива района и города, выступать с докладами и сообщениями по научной и политической тематики, что приносило большие страдания из-за ужасного вида моего лица. Попытки протезировать глаз и выполнить пластическую операцию не дали результатов и я с радостью принял предложение Александра Фёдоровича.

Институт имел тесные творческие связи с всемирно-известным институтом глазных болезней, основателем и безменным руководителем которого был академик Владимир Петрович Филатов.

В один из летних дней 1947 года Александр Фёдорович повёл меня на квартиру к доценту Скородинской – ближайшему помощнику известного всей стране академика Филатова.

Меня приняла уже немолодая, очень симпатичная женщина, которая, после тщательной проверки, решила показать меня Филатову и

велела явиться к нему на квартиру на следующей неделе, в среду, к часу дня.

Об академике Владимире Петровиче Филатове рассказывали всякие небылицы. Он был известен не только в Одессе, не только в Украине и во всей нашей стране, но и во всём мире, как гениальный учёный и великий практик, способный исцелить многих незрячих больных в безнадёжных ситуациях. По специальному правительственному решению в Одессе, на Французском бульваре был построен огромный лечебно-исследовательский комплекс со стационаром, шикарной поликлиникой, кабинетами для специального тестирования и множеством научных лабораторий.

Попасть на приём к Филатову было недоступно не только бедному студенту, но и богатым и именитым мира сего. Люди ожидали такой возможности месяцами, а порой и годами. Только ему в виде особого исключения, было позволено принимать больных у себя дома и получать за это определённый гонорар.

Александр Фёдорович предупредил меня, что за приём Филатовым дома нужно при регистрации уплатить 300 рублей. В то время это была солидная сумма, превышающая мою повышенную месячную стипендию. Зная мои финансовые возможности, он предложил свою помощь, от которой я наотрез отказался.

В назначенный Скородинской день и час я подымался на второй этаж добротного старинного здания на Приморском бульваре. Парадную лестницу украшали мраморные скульптуры с позолотой, стены и потолок сохранили свежесть красок недавно реставрированных картин. Квартира Филатова занимала весь подъезд большого двухэтажного дома. На просторной лестничной площадке второго этажа, за письменным столом сидела уже седая женщина в накрахмаленном белом халате и регистрировала пациентов, назначенных на приём. Подав записку Скородинской, конверт с гонораром и заполнив соответствующую анкету, я уселся в кресле в ожидании приёма. Вскоре молодая сестричка пригласила в переднюю, где уже было несколько больных, ожидающих приёма ассистентом. Из их разговоров мне стало ясно, что ассистентом Филатова является уже знакомая мне Скородинская и что она недавно стала законной женой Владимира Петровича.

Когда дошла моя очередь, я оказался в огромной гостинной, уставленной шкафами, креслами и приборами. Скородинская с помощью различной аппаратуры долго и тщательно изучала мой уцелевший глаз, измеряла остроту зрения, тщетно пыталась повисить его с помощью множества линз, ощупала все осколки, свободно перемещающиеся вокруг глаза под воздействием её пальцев, определила глазное давление и только тогда пригласила профессора.

Из соседней комнаты твёрдой походкой вышел высокий, красивый мужчина с белой бородкой и такого же цвета усами, казавшийся намного моложе своего настоящего возраста. Изучив бумаги, подготовленные Скородинской, внимательно осмотрев глаз и ранения вокруг него, он велел направить меня в стационар своего института для удаления орсколков и тщательного обследования. Кроме того, он поручил своему ассистенту договориться с профессором Трахтенбергом о приеме меня в челюстно-

лицевую клинику для проведения пластических операций и протезирования левого глаза и сделал ещё какие-то указания на непонятном мне языке.

Когда осмотр был закончен и профессор, попрощавшись, покинул гостинную, Скородинская проводила меня на лестничную площадку и, сославшись на указание Филатова, велела медрегистратору вернуть мне гонорар. Она тепло попрощалась и назначила время приёма в институтской клинике.

Никогда не забуду я Владимира Петровича Филатова – выдающегося учёного и целителя, оказавшегося к тому ещё очень добрым и чутким человеком.

40

Летнюю производственную практику я провёл в Молдавии, в городе Тирасполе. Предстояла большая работа по сбору материалов для дипломного проектирования. Мне предстояло выполнить реальный проект строительства консервного завода в городе Калораше – центре плодово-виноградного района Молдавии. Рабочий проект этого завода уже разрабатывался проектным институтом «Южпищепромпроект» в Одессе, но руководство треста «Молдконсервпром» обратилось в наш институт с просьбой включить эту тему в перечень реальных проектов на дипломное проектирование лучшим студентам с целью возможности сопоставления проектов, максимального использования положительных особенностей и исключения возможных ошибок и недостатков.

Моим руководителем при проектировании был декан факультета А. Ф. Фан-Юнг, который считался одним из лучших специалистов в стране в этой области и являлся автором ряда учебников по консервированию плодов и овощей.

Александр Фёдорович очень ответственно отнёсся к этой работе и сумел своё отношение к ней передать мне. Сбор необходимого материала требовал много времени и большого усердия. Моё отношение к работе не осталось незамеченным руководителями завода имени 1 Мая и треста и к концу преддипломной практики я получил приглашение на работу в Тирасполь после окончания института.

Как потом выяснилось такое приглашение на вакантную должность в очень престижном месте, которым считалась тогда Молдавия вообще и город Тирасполь в частности, получили только очень немногие студенты нашего курса.

В то время я был очень доволен этим приглашением, гордился и намеревался им воспользоваться, однако из-за изменившегося позднее семейного положения мне с болью пришлось от него отказаться.

Успешному выполнению задания по сбору материалов для дипломного проектирования способствовали сносные жилищно-бытовые условия, которые мне были созданы в заводском общежитии, отсутствие проблем с питанием (в то трудное время это было очень важно), чуткое и внимательное отношение ко мне на заводе и в тресте.

Когда по возвращению в институт я отчитался перед Фан-Юнгом, он остался очень доволен собранным материалом и пообещал всемерную помощь при разработке проекта. В выполнение этого обещания, как и во

многом другом я вскоре смог убедиться. Никогда не забуду доброе, отеческое отношение ко мне этого большого учёного и замечательного человека.

41

В конце лета 1947 года в Одессу приехали родители Анечки. Их социальный статус был незавидным. Отец не имел специального образования и специальности и не мог поэтому найти постоянную работу. Он до этого работал в торговых организациях, куда в то время в Одессе евреев на постоянную работу старались не принимать. Временная работа, которую он с трудом находил, давала малый доход и семья еле сводила концы с концами. Мать нигде не работала и всю жизнь занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Нужно признать, что эту свою работу она выполняла вполне хорошо.

Они сняли половину комнаты в коммунальной квартире на Малой Арнаутской, где жили со своими детьми – Анечкой и её младшей сестрой Полечкой. Вторую половину этой комнаты занимала её хозяйка Дина, которая подрабатывала на дому маникюром.

Комнату разгородили верёвкой, к которой прикрепили несколько простыней, образовавших полотняную перегородку.

Когда Анечка впервые привела меня к себе домой, я поразился тесноте и бедности, в которой они жили. У хозяйки Дины были в то время клиенты, ожидавшие своей очереди на маникюр и приходилось разговаривать полушопотом.

Анечка представила меня родителям, как своего друга по институту и мы пили чай с картофельными аладьями. Мать-Рэта была тогда ещё довольно интересной молодой женщиной с красивой копной чёрных волос, уложенных волнами и умными чёрными глазами. Отец-Абрам выглядел намного старше её. Лысина, охватившая большую часть головы, седина на висках и затылке и суровое выражение лица делали его старше своих лет. По разговору он казался высоко образованным человеком, хотя, как потом выяснилось, он закончил только несколько классов начальной школы.

Семья Анечки почти всю войну прожила в эвакуации, в Средней Азии. Отца мобилизовали в конце 1941 года, но вскоре комиссовали по болезни, что в большой мере способствовало выживанию жены и детей.

В отличие от мамы Рэты – доброй, вежливой и очень тактичной женщины, папа Абрам был очень резким, вспыльчивым человеком, в котором проявлялось желание повелевать. С детьми и особенно с женой был очень строг.

Я почувствовал себя очень неудобно в этой первой встрече с родителями Анечки и, как мне показалось, не произвёл впечатления. Может тому способствовала моя инвалидность и изуродованное шрамами лицо, может моё имущественное положение, которое я не пытался скрывать, но после этой встречи у меня не было никаких сомнений, что родители были от меня не в восторге. Я затем долгое время старался пореже заходить в дом Анечки и прощался с ней обычно у подъезда.

Зато вскоре я приобрёл надёжного союзника в семье Крепсов в лице старшего брата Анечки – Бориса. Он провёл всю войну на фронте, куда был мобилизован в начале войны, после окончания медучилища. Его

медицинское образование позволило ему определиться во фронтовой госпиталь, с которым он познал горькие месяцы отступления и бегства.

Как мне рассказывал Боря, благополучному прохождению его военной службы (за всю войну он не был ни разу серьёзно ранен) способствовало доброе к нему отношение начальника фронтового госпиталя – военврача Гавриила Бойко, который видел в нём потенциального жениха для своей любимой племянницы Люсеньки, служившей медсестрой в том же госпитале. Люся была очень красива и не могла не понравиться Боре. В конце войны они зарегистрировали свой брак в Берлине. Это был брак по любви, но во многом он сочетался и с расчётом.

Бойко помог молодожёнам демобилизоваться (раньше других в госпитале), отжалел им комнату в своей пятикомнатной квартире в центре Одессы, помог поступлению в Одесский мединститут, где он занимал должность доцента кафедры хирургии и был членом партийного бюро.

Боря признавал, что в их браке есть и негативная сторона – отсутствие национальной общности, но любовь к молодой симпатичной украинке и благополучное решение многих социально-бытовых вопросов в то трудное послевоенное время затмили этот недостаток и на первых порах своей супружеской жизни он вроде и не чувствовал его.

Боря понравился мне с первой встречи и у меня с ним установились хорошие дружеские отношения. Как потом выяснилось, я на него тоже произвёл приятное впечатление, что заметно повлияло на отношение ко мне родителей Анечки, которое с его помощью стало постепенно меняться в мою пользу.

41

В институте Филатова я находился всего одну неделю. Там мне удалили осколки в области здорового глаза, представлявшие опасность для зрения, назначили медикаментозное лечение и направили в институт челюстно-лицевой хирургии для пластических операций в области незрячего глаза с целью его протезирования и восстановлению отсутствующей верхней части носа.

Это лечебное учреждение было создано здесь после войны и размещалось в центре города, на улице Ленина, рядом с Оперным театром. Бессменным руководителем и ведущим хирургом этого института был профессор Борис Ефимович Франкенберг. Он был известен в Одессе и за её пределами с довоенного времени, как исполнитель самых сложных и тяжёлых операций на внутренних органах и конечностях. В годы войны ему пришлось переквалифицироваться на пластическую хирургию и он достиг в этой области совершенства. О нём писали союзные и зарубежные журналы и газеты. В Одессу для выполнения пластических операций приезжали люди со всей страны и дожидались очереди на операции многие месяцы.

Направление академика В. П. Филатова позволило мне быть принятым в институт Франкенберга без всякой очереди. Кроме того я был удостоен особого внимания в отношении бытовых удобств, обеспечения дефицитными лекарствами и назначения медицинских процедур.

Технология лицевой пластической хирургии была тогда довольно сложной и длительной. Обычно такие операции проводились поэтапно и для их выполнения требовались долгие месяцы, а порой и годы.

Меня оперировал сам Б. Е. Франкенберг. Им было сделано двенадцать операций на моём лице с использованием кожи со лба и хрящей с грудной клетки. Всё это делалось при местной анестезии и было очень болезненно. Особенно сильные боли я ощущал в послеоперационные периоды.

Никогда не забуду того внимания, которое мне оказывали мои друзья и родственники Анечки. Несмотря на мои запреты, она и сама часто навещала меня со своим братом Борей (мне было стыдно попадаться ей на глаза после промежуточных этапов операций). Они угощали фруктами и прохладительными напитками, рассказывали новости, отвлекали от боли.

Чаше всех меня навещала Люся – жена Бориса. Она просиживала у моей кровати часами. Её внимание, добрая улыбка и женская ласка действовали успокоительно и обезболевающе. Чувствовался её богатый опыт госпитальной медсестры. В клинике Франкенберга я находился довольно долго. Хирургам удалось воссоздать верхнюю часть носа и частично восстановить нижнее веко, что позволило подобрать временный протез.

Нужно было возвращаться к учёбе, предстояла большая работа по дипломному проектированию и я попросил прервать на какое-то время лечение с условием его продолжения в удобное для меня время после защиты диплома.

К сожалению, такого времени не нашлось ни после защиты, ни позднее, хотя попытки продолжить лечение были. Так и ношу я всю свою жизнь временный протез, испытывая неудобства для себя и создавая неприятные ощущения у других.

42

Новый и последний год учёбы был, пожалуй самым напряжённым. Если дипломное проектирование для большинства студентов сводилось практически к использованию уже известных решений предыдущих дипломных проектов, то для меня оно стало первой по настоящему серьёзной самостоятельной инженерной работой над реальным проектом.

Для выбора наиболее оптимальных проектных решений нужно было много читать, пользоваться консультациями производителей и опытных проектировщиков, сверять принятые решения со специалистами различных кафедр института.

Конечно, больше всех в работе над дипломным проектом мне помогал мой главный консультант – Александр Фёдорович Фан-Юнг. Он почти ежедневно интересовался ходом работы, делал нужные замечания и давал ценные советы. Чувствуя его интерес и внимание, я старался изо всех сил находить наиболее эффективные решения, используя всё новое и передовое, что на ту пору было известно в технике и технологии консервирования пищевых продуктов.

Анечке, в виде исключения, разрешили работать над дипломным проектом в одном кабинете со мной, хоть мы учились в разных группах. Мне и, как мне казалось, и ей было приятно такое соседство. Оно

способствовало успешной работе, благодаря взаимопомощи и взаимовыручке.

К началу учебного года мы с моим другом Колей Погосовым ушли с общежития и сняли маленькую комнату в полуподвальном помещении на улице Пастера, недалеко от института. Такое решение мы приняли после того как у меня украли два чемодана с личными вещами и важными документами. В них было и много ценных вещей моего двоюродного брата Изи Мовермана, которые он привёз из Германии после демобилизации из Армии. Кроме того в общежитии не было надлежащих условий для учёбы в столь ответственный период студенческой жизни.

За комнату нужно было платить намного дороже чем за общежитие и мы с Колей устроились работать у хозяина ларька, торговавшего фруктами на Новом базаре. Туда мы приходили в шесть утра, разгружали машины, готовили товар к продаже и к восьми уже могли уходить в институт. Хозяин нам платил немного, но этого хватало на оплату нашей комнаты. Кроме того, мы могли вдоволь есть фрукты и нам ещё домой кое-что натурой давали.

Предстояла ещё последняя зимняя сессия и, кроме работы над дипломом, нужно было ещё посещать лекции и готовиться к экзаменам. Мы приходили в институт в восемь утра и уходили в шесть- семь вечера. С Анечкой мы были рядом не только в институте, но и всё вечернее время. Много гуляли, ходили в кино, на спектакли в одесские театры, на выставки. Нам было хорошо вместе и расставались мы только на сон.

Несмотря на предельную занятость, не мог отказаться полностью и от общественной работы. Я ещё был членом профкома и в меру сил выполнял различные поручения по организации клубной работы, читал лекции по международной тематике, играл на мандолине в струнном оркестре.

Фан-Юнг всячески поощрял мою общественную работу. Как-то раз он пригласил меня в кабинет и завёл серьёзный разговор о вступлении в партию. Сам он, как и его друг, заместитель директора института А. Ф. Марх были беспартийными, а мне он настоятельно советовал поступать в партию, без чего, по его глубокому убеждению, мои умственные и организаторские способности останутся не востребованными и я так и останусь на всю жизнь инженером на 120 рублей или старшим инженером на 160 рублей в месяц. Ни служебная, ни научная карьера не могут быть успешными, утверждал он, без членства в КПСС. Убеждал он на своём собственном примере, на примере других очень способных преподавателей института, которые так выше кандидатской степени и должности доцента пробиться не смогли. Особенно это касалось евреев, которым даже с партийными билетами тормозили продвижение по службе.

Не скажу, что только советы Фан-Юнга стали причиной моего вступления в партию. В то время Марксизм-Ленинизм, как я уже говорил, был моей единственной религией, моим мировоззрением. Я считал это учение единственно верным, а во всех неудачах, ошибках и извращениях в ходе построения социалистического общества в СССР винил только конкретных руководителей партии и страны.

Как бы там ни было, но я всё же на последнем курсе института был принят в партию. К моему большому удивлению, я не находился долгое

время в длинной очереди, которая существовала для вступления в партию студентов и вообще интеллигенции. Тогда дорога в КПСС была открыта в первую очередь для рабочих и крестьян. Только каждый пятый из принятых вновь членов партии мог быть представителем интеллигенции. Партия должна была оставаться передовым отрядом рабочего класса и трудового крестьянства.

В моём случае наверное учли мой патриотизм при защите Родины в годы войны, активную общественную работу и отличную учёбу. Важно, что моё желание стать коммунистом исполнилось. Я не скрывал при этом своего удовлетворения и гордился этим.

Первые же закрытые партийные собрания, на которых я имел честь присутствовать, охладили мой пыл и заставили глубоко задуматься над принятым решением. Мне не по душе было поведение многих ведущих ученых и руководителей института, к которым я раньше относился с глубоким уважением и которыми искренне восхищался.

В ту пору в стране началась очередная антисемитская кампания под лозунгом борьбы с космополитизмом. На одном из партсобраний обсуждалось закрытое письмо ЦК КПСС по этому вопросу. В нём говорилось о недопустимости преклонения перед Западом и забвения достижений русских учёных, изобретателей и новаторов. В нём указывалось, что приоритет «наших» учёных зачастую необоснованно уступают зарубежным, чем наносится большой вред отечественной науке. Приводилось много примеров, подтверждающих это. Нельзя было не заметить, что наиболее часто приводились еврейские фамилии учёных и изобретателей, которые якобы незаслуженно пользуются славой первооткрывателей и авторов многих открытий и изобретений, а их фактические авторы, русские учёные, незаслуженно забыты.

Выступающие в прениях подтверждали положения, приведенные в письме ЦК и дополняли их примерами из жизни нашего института. Приводились «факты» ущемления русских и особенно украинских учёных при замещении вакантных должностей профессоров и доцентов, защите диссертаций и приёме в аспирантуру. Во многих выступлениях подразумевалось, что предпочтение отдаётся якобы евреям.

Особенно удивило меня выступление доцента Флауменбаума, которого я считал одним из наиболее талантливых учёных института, которого несправедливо завалили голосованием при его блестящей защите докторской диссертации. Он, вопреки истине и здравому смыслу, брал под сомнение заслуги многих выдающихся учёных с чисто еврейскими фамилиями и называл вместо них русских учёных, которые якобы имели больше заслуг в этих областях знаний.

Не было ни одного выступления, содержащего малейшее сомнение в достоверности приведенных «фактов». Все были единодушны в поддержке и одобрении положений, приведенных в письме и выступлениях ораторов. Не было и намёка на свободное выражение своих мыслей. Все выступления были пронизаны лицемерием.

На том собрании я убедился в том, что в партии не принято свободное и откровенное выражение своего мнения по любым политическим инициативам, идущим сверху. Первичные партийные организации и коммунисты на местах имеют только одно право: всегда и

во всём единодушно поддерживать и одобрять все указания и инициативы ЦК и его политбюро.

Компания борьбы с космополитизмом продолжалась несколько лет и приняла откровенно антиеврейскую направленность. Многие видные учёные-евреи лишились тогда своих должностей в институтах Академии наук, университетах и других учебных заведениях, а на их место были назначены представители коренных национальностей.

Коснулось это не только учёных. Жертвами этой компании стали многие видные руководители ведомств, предприятий и организаций, деятели культуры, литературы и искусства.

Из-за пятой графы личного листка по учёту кадров евреям стало ещё труднее, чем раньше, устраиваться на работу, их ещё реже стали повышать в должности, а многие вообще лишались работы за различные «недостатки и упущения» или «злоупотребление» служебным положением. Был ограничен приём евреев в ВУЗы, а в некоторые престижные институты и университеты они практически вообще не принимались.

В центральных и местных газетах и журналах часто печатались антиеврейские фельетоны, что способствовало росту открытого антисемитизма в стране.

Такова была «линия партии». С ней надо было считаться не только членам партии, но и всем гражданам. Её нужно было знать и неукоснительно выполнять. Горе было тем, кто этого не знал или не понимал.

43

Полечка переехала в Красилор и с помощью довоенных друзей нашей семьи – Зильбершмитов и особенно Клары Кучер поселилась в двух комнатах нашего большого дома, который был заселён несколькими семьями с малыми детьми.

Она редко писала письма и мне с трудом удавалось выбивать из неё какие-то подробности из её жизни в послевоенном Красилоре. Ей всегда было трудно писать письма. Было легче выполнить любую трудную физическую работу нежели написать небольшое писемцо.

Из её слов следовало, что ей очень хорошо в родном местечке, что к ней все очень внимательны и добры, что дом Зильбершмитов стал её родным домом, а Клара Кучер теперь может считаться её второй матерью. С её помощью она стала ученицей бухгалтера в местном отделении Госбанка и довольно успешно осваивает эту интересную для неё специальность.

С трудом верилось во всё это потому, что в то трудное время нелегко было прокормить себя на зарплате ученицы в банке, что осваивать профессию бухгалтера с её пятикласным образованием было совсем не так легко, как она утверждала, что с её характером в 17 лет жить одной очень сложно и представить себе невообразимую идилию, которая вытекала из её писем было просто невозможно. Беспокоило также её здоровье после трёх лет тяжёлых испытаний, страха и тревог в оккупированном немцами Немирове.

Нужно было любой ценой вырвать хотя бы одну неделю, чтобы навестить свою младшую сестрёнку и оказать ей посильную помощь. Это удалось сделать за счёт досрочной сдачи нескольких экзаменов.

То, что я увидел там, потрясло меня. Полечка выглядела больной и усталой. Она уже работала тогда не в банке, а в сберегательной кассе, напротив нашего дома. Недостаток знаний и опыта счётной работы, она восполняла усердием и сверхурочной работой. Полечка «пахала» за себя и других, стараясь отблагодарить начальство за учёбу и терпение.

После основной работы она заступала на вторую смену – домашнюю работу в семье Зильбершмитов. Её об этом никто не просил, а она сама искала себе работу, которую в большой семье и в большом доме найти было очень легко. Этим она выражала свою благодарность за доброе к ней отношение и помощь в трудоустройстве.

Выходных дней у Полечки не было, но в воскресенье она приходила раньше с работы и имела несколько свободных часов для отдыха (Когда Клара не работала она всю домашнюю работку выполняла сама).

Самой лучшей подругой Полечки была Лиза Фишберг, с которой они дружили ещё в детстве, до войны. Они встречались по вечерам, в воскресенье, вместе гуляли, ходили в кино и на танцы в Дом культуры. Лиза выглядела старше и здоровее её. Она уже встречалась с ребятами из лётной части разквартированной в Красилове.

Как-то Клара Кучер сказала мне, что один полуеврейский парень – сержант Володя обратил на Полечку внимание и имеет по отношению к ней серьёзные намерения.

Когда я об этом спросил Полечку и попросил познакомить меня с Володей, она категорически отказалась, утверждая, что ничего серьёзного между ними нет. Это друг молодого человека Лизы и они просто вместе проводят время.

За вечерним чаем у Зильбершмитов мы договорились, что Полечка будет жить теперь в своей квартире, с нового учебного года определится в вечернюю школу, а как только я закончу институт, она переедет ко мне, где я смогу позаботиться о её образовании. Со всем этим Полечка была согласна.

Мы решили продать остальную часть нашего дома и положить вырученные от продажи деньги на счёт Полечки в сберкассе. Семьи, проживавшие в доме были довольно бедными и продали мы им их квартиры дёшево, но всё же сумма набралась приличная и могла стать серьёзным подспорьем для нас на чёрный день.

С тем и уехал я тогда из Красилова в 1947 году.

44

16 декабря 1947 года был обычным трудовым днём, какие бывают у студентов в напряжённую пору дипломного проектирования. Только закончилась зимняя сессия и предстояла последняя преддипломная практика.

В этот день мы с Анечкой решили юридически оформить свои отношения. Такое решение мы приняли уже давно, но всё откладывали это на потом из-за отсутствия финансовой возможности снять хотя бы небольшую комнату где-то недалеко от института.

Окончательное решение пришло как-то само по себе из-за желания вместе поехать на практику и предстоящего в феврале распределения молодых специалистов на работу.

Об этом знали только родители Анечки и мои самые близкие друзья – Коля Погосов и Рома Коганский. Договорились не придавать это широкой огласке и отметить бракосочетание семейным ужином на квартире родителей Анечки.

Утром успели купить кое-что к ужину по коммерческим ценам в магазине, где ничто не предвещало происшедшей во второй половине дня девальвации и подорожания цен в несколько раз.

Тогда не требовалось предварительной заявки на предстоящую регистрацию брака, не устанавливались и сроки на обдумывание намерений и мы отправились в ЗАГС, что рядом с театром Оперы и балета, после занятий, во второй половине дня. На улице Ласточкина, что ведёт к театру, было безлюдно, шёл снег.

Здание ЗАГСА ничем не отличалось от других домиков на этой тихой улице. Тогда ещё не было в городах Дворцов бракосочетания, которые потом появились по чьёму-то мудрому указанию сверху.

Был конец рабочего дня и в ЗАГСе не было посетителей. Уже немолодая приветливая женщина с ходу приступила к собеседованию и оформлению документов. Тогда ещё и свидетели не требовались. Выполнив все формальности, сотрудница добродушно улыбнулась и велела заплатить пятнадцать рублей госпошлины.

Когда мы удивились столь малой сумме (обычно это стоило сто пятьдесят рублей), регистратор объяснила, что в этот день, в полдень по радио объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о девальвации денег. Все старые деньги подлежали немедленному обмену на новые в соотношении 1:10 в сберкассах и специальных обменных пунктах.

В просьбе принять у нас 150 рублей старыми деньгами нам наотрез отказали и велели идти в обменный пункт, предупредив, что до закрытия ЗАГСА остаётся только 40 минут.

Я воспринял отказ в регистрации брака, как плохое предзнаменование и помчался менять деньги. Анечку я оставил в ЗАГСе, а регистратора попросил задержаться на несколько минут, если не успею вернуться к пяти часам.

Было нереально надеяться поменять деньги в сберкассе, так как там, наверное, уже образовались большие очереди, и я решил попытаться это сделать в ближайших магазинах, но никому уже не нужны были старые деньги и никто не соглашался обменять их на новые. Уже в полном отчаянии я зашёл в парикмахерскую, что рядом с ЗАГСом. Без всяких вступлений я обратился к ближайшему мастеру с мольбой помочь мне жениться. Я объяснил, что невеста ждёт меня в ЗАГСе, который закрывается в пять часов, а нас не регистрируют из-за отсутствия новых денег. Парикмахер обратился с призывом к присутствовавшему в салоне и было собрано восемнадцать рублей новыми деньгами в обмен на сто восемьдесят старыми.

Когда я вернулся в ЗАГС Анечка уже стояла на пороге, готовясь покинуть помещение, но регистратор всё ещё ждала меня, хотя часы

показывали половину шестого. Она с радостью завершила процесс регистрации и тепло поздравила нас с законным браком.

Довольные и счастливые отправились мы к родителям Анечки. По дороге попытались купить пару бутылок вина, но это оказалось невозможным, так как вино подорожало в несколько раз и требовались только новые деньги, которых у нас не было.

У подъезда дома на Малой Арнаутской нас встретили наши друзья – Коля и Рома с цветами и вином. Вместе поднялись на второй этаж, где в родительской половине комнаты был накрыт праздничный стол. Кроме родителей, сестры Полечки и хозяйки Дины нас ждали Боря с Люсей с подарками и цветами.

Было много тёплых слов и пожеланий, а Анечка почему-то плакала. В заключении торжества я поблагодарил всех за тёплоту, добрые пожелания и пообещал родителям, что не стану причиной слёз и огорчений для Анечки. Вот уже шесть десятков лет стараюсь выполнять эти обещания и, как мне кажется, не безуспешно.

45

Наш медовый месяц мы провели на преддипломной практике в Тирасполе. Не знаю, какие чувства испытывают другие семейные пары в эту пору, но у меня лично и, как мне показалось, у моей Анечки на всю жизнь остались прекрасные воспоминания о первом месяце нашей совместной жизни.

Мы были вместе, совсем одни и никто и ничто не могло помешать нам наслаждаться этим. Даже холодная дождливая погода в декабре и январе, тяжелые бытовые условия жизни, непролазная грязь на глухой и тёмной окраине города, куда нам по вечерам приходилось добираться пешком и ежедневные дебоши пьяного хозяина, в доме которого мы снимали небольшую комнату, не смогли испортить прекрасного впечатления, которое осталось у нас от этого замечательного времени. Именно там мы окончательно убедились в верности своего выбора, в том, что нам по пути в большой совместной дороге, которую мы только начинали.

Наш медовый месяц отличался от обычных свадебных путешествий ещё и тем, что приходилось очень много работать по программе практики и сбору материалов для дипломного проектирования. Свободного времени практически не было и мы не имели никакой возможности насладиться культурными мероприятиями, походами в театры и кино, поездками в столицу Молдавии Кишенёв, что в полутора часах езды от Тирасполя. Даже погулять вволю по городу не хватало времени.

Не было для всего этого и денег. Мы жили на стипендии и небольших сбережений от продажи дома, которые необходимо было беречь для обустройства на новом месте, куда нас пошлют после окончания института.

И всё же своим медовым месяцем мы остались очень довольны и он оставил у нас хорошую память на всю жизнь.

46

С серьёзными трудностями в семейной жизни мы столкнулись уже в первые дни приезда в Одессу. Снять отдельную комнату нам было не по карману и Анечка предложила пожить какое-то время с родителями. Как я уже рассказывал, они снимали только половину комнаты у маникюрши Дины. С ними жила младшая дочь – Полечка. Теперь на этой жилплощади разместились большая семья в пять человек.

Отец Анечки – Абрам Александрович был глубоко верующим евреем, выполнявшим все нормы и требования законов торы. Он молился в частном еврейском доме и строго соблюдал субботу. Вечером в пятницу, после молитвы, он требовал праздничный ужин, а к субботе следовало готовить фаршированную рыбу, курицу, бульон и другие традиционные еврейские блюда.

Не скажу, что мне не по душе были еврейские традиции. Я и сам наслаждался кулинарными способностями Мама-Рэты, которая изо всех сил старалась выполнять требования своего мужа. Было приятно в редких случаях слышать его похвалу в адрес хозяйки дома, но чаще, когда на столе чего-то не хватало или что-то ему казалось не таким вкусным, он не скрывал своего гнева и при всех ругал её:

- Бренен золсты!, что по русски значит:
- Чтоб ты сгорела!

Говорил он чаще по-русски, а ругался только по-еврейски. Его настроение зависело главным образом от того, как удачно шёл его бизнес. Когда мой тесть работал и получал приличные деньги, он становился мягче и добрее. Когда же заработки уменьшались или его увольняли, он был злым и грубым. На него жаль было смотреть. Больше всех от этого страдала, конечно, мать К сожалению, с работой ему не везло. Как-то его пригласили на временную работу в булочную, где, кроме хлеба и булок продавались кондитерские изделия, сахар и другие сопутствующие товары. Он приступил к работе с желанием и выполнял её с большим рвением. До позднего вечера он засиживался над книгами учёта движения товаров. Я старался помочь ему в этом. Казалось, что работа эта всерьёз и надолго. На самом деле ему удалось удержаться в этой булочной дольше обычного.

Родители Анечки

Однако, вскоре ему объявили о предстоящем увольнении. Вероятно он не мог «сработаться» с местным начальством, не соблюдал какие-то «правила», действующие в то время в системе торговли и общественного питания.

Он сделал ещё несколько попыток устроиться на работу, но они, к сожалению, заканчивались таким же финалом и в ещё более короткие сроки.

Когда он убедился, что Одесса не для него и что устроиться здесь нет никаких шансов, все его планы и надежды стали увязываться только с нашим отъездом на место работы согласно распределению молодых специалистов. Он убеждал нас, что жить нам нужно только вместе, что так будет лучше и для них и для нас, что в другом городе он раскроет свои возможности и покажет на что способен.

Абрам Александрович, часто вспоминал Днепродзержинск, где он до войны работал начальником хлебного отдела в Управлении рабочего снабжения крупнейшего в стране Металургического завода имени Дзержинского и был лично знаком с будущим Президентом СССР Леонидом Брежневым, который в те годы был парторгом ЦК КПСС на этом заводе.

Мы с Анечкой не возражали против переезда на новое место жительства всей семьёй, если только нам будет предоставлено хоть какое-то жильё.

Позднее, когда Анечка объявила, что ждёт ребёнка, мы и сами пришли к выводу, что жить с родителями нам будет легче в расчёте на помощь мамы в уходе за малышом. Из этого мы и исходили, когда были приглашены на заседание комиссии по распределению молодых специалистов.

В первую очередь выбор места работы предлагали отличникам учёбы, активистам-общественникам, инвалидам и участникам Отечественной войны. Поскольку я обладал всем комплексом этих льгот, меня вызвали первым и все вакансии были свободными. Предложили Кишенёв и Бендеры в Молдавии, Симферополь и Ростов в России, Херсон и Николаев на Украине с постановкой на льготную очередь на получение жилья. На меня были персональные запросы из Тирасполя и от руководства Одесского консервного завода имени Ворошилова. Предлагались инженерные должности с представлением жилья в течение года в строящихся домах. Предложения заманчивые, о которых можно было только мечтать. Остаться в Одессе стремились практически все наши студенты, но меня это не устраивало потому, что нашей семье нужно было хоть какое-то жильё, но только немедленно после прибытия на место работы.

Предложили должность главного инженера пищекомбината в райцентре Кодымо, Одесской области с представлением квартиры и я было уже согласился, но тут ко мне обратилась присутствовавшая на распределении заместитель наркома мясной и молочной промышленности Белоруссии Шаройко Марфа Дмитриевна. Она предложила инженерную должность в наркомате с предоставлением одной комнаты в Минске. При этом она сослалась на большую нужду в грамотных специалистах на предприятиях республики, разрушенных во время войны и немецкой оккупации, обещала личную помощь на первое время и заверяла, что о своём выборе я не пожалею.

Конечно одна комната для семьи в пять человек, ожидающей прибавление семейства к концу года, не решала полностью наши жилищные проблемы, но на первых порах это всё таки какое-то временное решение. Кроме того на меня произвела большое впечатление эта солидная женщина со значком депутата Верховного Совета БССР.

Я пообещал дать ответ после совета с женой и покинул заседание комиссии. За мной вслед вышел А. Ф. Фан-Юнг, который посоветовал дать согласие на предложение Шаройко. Это он рекомендовал ей меня, когда она накануне советовалась с ним об отборе специалистов для работы в Белоруссии.

Анечка согласилась с моим выбором главным образом из-за жилья и мы дали согласие на работу в Минске. Марфа Дмитриевна выразила удовлетворение тем, что получает одновременно двух специалистов и пообещала подобрать инженерную должность и для моей супруги.

47

В марте в Одессу приехала Полечка. Это была её первая самостоятельная поездка поездом на большое расстояние от её дома. Несмотря на наши неудобные условия жизни (семья по-прежнему снимала только половину единственной комнаты хозяйки Дины), мою сестрёнку приняли очень тепло и радушно. Мы считали, что главной целью её приезда было личное знакомство с Анечкой и её родителями.

Если бы на самом деле это было единственной целью приезда, то уже на следующий день можно было бы сказать с чистой совестью, что эта задача выполнена с успехом и в полном объёме. О Полечке здесь заочно были наслуханы во всех деталях и подробностях, а личное общение только украсило впечатление о ней. Даже отец Анечки, довольно скупой на похвалу, был к ней очень внимателен и дал ей самую высокую положительную оценку.

Мы показали ей Одессу, представили возможность побывать в одесских театрах, концертных залах и музеях, погуляли с ней по центральным улицам, паркам и скверам, показали ей наш институт, расположенный на той же улице Государственный университет имени Мечникова и многое другое, от чего она была в полном восторге.

Мы пообещали устроить её на учёбу в Минске как только прибудем туда и чуть обустроимся. Никто в нашей семье не представлял себе иного решения. Мы были едины в том, что Полечка должна жить с нами или возле нас, должна окончить среднюю школу, продолжить учёбу в одном из столичных ВУЗов, а затем уже думать о замужестве и создании своей семьи.

Со всем этим она была как-будто полностью согласна и благодарила нас за заботу и внимание. Когда же пришла пора прощаться, она со слезами на глазах призналась, что сотворила непоправимую глупость, которая непременно приведёт к срыву всех её планов на приезд к нам и мечты о высшем образовании. Она выглядела растерянной, испуганной и похожей на ребёнка, который сотворил ужасную шалость, за которую нужно держать ответ перед старшими.

Оказалось, что целью её приезда была необходимость признаться в том, что два месяца тому вышла замуж за того самого сержанта Володю, с которым не пожелала познакомить меня во время пребывания в Красиллове.

Рыдая, она поведала нам историю своего замужества. Они с Володей были свидетелями на свадьбе её подружки Лизы Фишберг и там её хором уговорили выйти замуж за друга Лизыного жениха Володю, который не раз уже делал ей предложение. С этим была согласна и тётя Клара Кучер, с мнением которой она очень считалась и которой ни в чём отказать не могла.

Полечка утверждала, что хоть они и расписались, она живёт отдельно и не пустит мужа в дом до тех пор пока не получит на то нашего согласия. Если мы не дадим такое согласие, она подаст на развод.

Что было нам делать в сложившейся ситуации? Мы отчётливо понимали, что её замужество сейчас совсем не к стати, что ей нужно учиться, получать специальность, укрепить здоровье после ужасных страданий войны, но были вынуждены принять её замужество, как свершившийся факт и смириться с ним.

У Володи не было никакой гражданской специальности, ему самому нужно было учиться и содержать семью он пока был не в состоянии. Своим решением Полечка перечеркнула все наши планы и благие намерения относительно её будущего и, как потом выяснилось, не в свою пользу. Мы часто сожалели потом о случившемся, но исправить уже ничего не могли.

48

Работа над нашими дипломными проектами была закончена в середине июня и мы с Анечкой защищались первыми. Председателем комиссии по защите дипломных проектов был начальник Главконсервпрома Наркомата Пищевой Промышленности Осипов и институту было важно, чтобы реальные проекты, подобные моему, получили высокую оценку заказчика и Главка. Анечку назначили в первый день в связи с беременностью и плохим состоянием здоровья.

Большая аудитория института, вмещающая несколько сот человек, была заполнена до предела и выглядела торжественно. Госкомиссия во главе с Осиповым восседала за большим столом в центре зала. На огромной доске были помещены полтора десятка главных чертежей и схем моего дипломного проекта.

Когда мне представили слово для защиты, я очень волновался, но когда начал своё сообщение успокоился и всю свою 30 минутную речь произнёс как бы на одном дыхании. Было много вопросов и на ответы понадобилось больше времени, чем на доклад.

Были зачтены рецензии ведущих специалистов проектного института «Южпищепромпроект», трестов Пищепрома Одессы и Молдавии, заслушаны выступления членов комиссии. Главный инженер треста «Молдконсервпром» дал высокую оценку проекту, сказал, что он выполнен в полном соответствии с заданием на проектировании и что принятые в нём проектные решения будут использованы при строительстве консервного завода в г. Калораше.

В заключении выступил председатель Государственной комиссии Осипов, который признал, что проект выполнен на высоком техническом и профессиональном уровне, заслуживающем отличной оценки.

Хорошую оценку получил и дипломный проект Анечки. В торжественной обстановке нам вручили дипломы инженеров-технологов консервного производства. Я был удостоен диплома с отличием (красного диплома).

В холле нас ждали родители Анечки, Боря и Люся, многочисленные родственники и друзья. Было много цветов. В помещении было душно и мы устремились на улицу. Дул свежий ветер с моря и тёплые лучи июньского солнца ласкали лица и согревали душу. Мы отправились в скверик на Дерибасовскую, где под тентом, у фонтана наслаждались мороженым и газированной водой с сиропом.

Можно было вздохнуть с облегчением. Позади институт, в руках дипломы. Впереди – новый этап жизни.

Мы имели право на последние студенческие каникулы и все наши друзья им воспользовались. Отправились в интересные увлекательные путешествия, на курорты Крыма и Кавказа, в Москву и Ленинград.

Мы же с Анечкой решили по-другому. Шёл пятый месяц её беременности, которую она переносила тяжело. Непомерно большой живот мешал двигаться, её не оставляли рвоты и головокружение. Нас одолевали бытовые, жилищные и финансовые проблемы. Отец так и не нашёл работу и мы жили только на стипендии и мои сбережения. Единственной надеждой всей нашей семьи была моя работа.

Мне хотелось как можно быстрее приступить к труду и это моё желание увязывалось не только и не столько с нашими семейными проблемами, сколько стремлением как можно скорее проверить себя на деле, реализовать знания и опыт, накопленные в институте и на производственной практике.

Мы с Анечкой решили отказаться от каникул и выехать на место назначения немедленно. Первым, конечно, туда должен был отправиться я. С трудом удалось достать билет на рейс Одесса- Минск и в конце июня я отправился в столицу Белоруссии.

С волнением, тревогой и надеждой туда проводила меня Анечка. В глазах были слёзы. Волновался и я, но изо всех сил старался это скрыть и твёрдо произнёс на прощание:

- Не горюй, Анечка. Всё у нас будет хорошо. Мы пробьём себе дорогу к счастью.